А.П. Скорик

Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы:

Очерки истории

Ответственный редактор ***В.А. Бондарев***

РОСТОВ-НА-ДОНУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО СКНЦ ВШ ЮФУ
2008

УДК 94(470.6):378(075.8)
ББК 63.3(235.7) я 73
С 44

Рецензенты:

заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор ***Козлов А.И.;***
кандидат исторических наук, профессор ***Перехов Я.А.;***
доктор исторических наук, профессор ***Полторак С.Н.***

Скорик А.П.

С 44 Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

ISBN 978-587872-371-8

В настоящем монографическом исследовании представлены концептуальные авторские положения по истории советского казачества Юга России с введением в научный оборот коллекций архивных документов из московских и региональных собраний (РГАСПИ, ГАРО, ЦДНИ РО, ГАСК, ГАНИ СК, ГАКК), а также широким использованием материалов периодической печати, документов партийных и государственных органов. В книге на региональных примерах анализируется проблема жизнедеятельности, положения и роли российского казачества в социально-экономических преобразованиях в конце 20-х–30-х годах XX века, а также трансформации самого казачества в обозначенный исторический период. Освещены такие вопросы, как тенденции развития взаимоотношений казачества и власти в преддверии «великого перелома, позиция органов власти по отношению к казачеству Юга России в период коллективизации, жизнедеятельность казачества Юга России в годы коллективизации, политическая кампания «за советское казачество», состояние казачьей повседневности 1930-х гг. Приводится авторская позиция в отношении дискуссионной научной проблемы о «расказачивании» в 1930-х гг.

Данное издание рассчитано на специалистов, преподавателей и студентов вузов, а также читателей, интересующихся историей российского казачества, вопросами регионоведения.

УДК 94(470.6):378(075.8)
ББК 63.3(235.7) я 73

Д – 01(03)2008 Без объявл.

ISBN 978-587872-371-8

© *Скорик А.П., 2008*

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Эта книга посвящается
моим неповторимым Учителям в науке:

мальчишке с ростовской Богатяновки 1930-х гг., победителю (чемпиону СССР) I Всесоюзных конно-спортивных соревнований по конкуру-иппику среди юношей (г. Ростов н/Д., 1936 г.), участнику исторического Парада Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., гвардии капитану, первому заместителю начальника штаба (оперативная часть) 43-го гвардейского ордена Богдана Хмельницкого II степени Дебреценского Донского казачьего кавалерийского полка 12-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова II степени Корсуньской Донской казачьей кавалерийской дивизии 5-го гвардейского Краснознаменного Будапештского Донского казачьего кавалерийского корпуса, источнику философской и жизненной мудрости, уникальному тамаде, неискоренимому оптимисту, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору философских наук, профессору ***Давидовичу Всеволоду Евгеньевичу***

и

мальчишке в 1930-е гг. из старинного воронежского городка Острогожска, известному донскому историку-аграрнику, человеку с истинной крестьянской душой и чистым сердцем патриота, потрясающему ценителю исторических фактов и студенческого сессионного юмора, авторитетному научному эксперту-историку, мастеру исторического слова и пера, доктору исторических наук, профессору ***Денисову Юрию Павловичу****.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Очерк первый. Казаки и советская власть в 1917 – 1929 гг.: специфика взаимоотношений в преддверии «великого перелома» 31

Очерк второй. Позиция органов власти по отношению к казачеству Юга России в период коллективизации 54

Очерк третий. Казачество Юга России и коллективизация: «за» и «против» 108

Очерк четвертый. Кампания «за советское казачество» 171

Очерк пятый. Казачья повседневность 1930-х гг.: синтез традиций и новаций 222

Очерк шестой. Было ли «расказачивание» в 1930-х гг.? 280

Заключение 300

Приложения 314

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ВВЕДЕНИЕ

Третье десятилетие XX века – это особый, поистине уникальный период в бурной истории российского казачества, в том числе казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека, традиционно наиболее известных в нашей стране и за рубежом в силу своей многочисленности, древности происхождения и грандиозных заслуг перед Отечеством Российским. Специфика рассматриваемого периода обусловлена не только тем, что жизнь казачьих сообществ претерпевала существенные (а подчас резкие, радикальные) изменения в результате осуществленных советской властью глобальных социально-экономических мероприятий, особенно такого из них, как сплошная форсированная коллективизация. Своеобразие отмеченного периода заключается также и в сложившемся сочетании абсолютно противоположных исторических альтернатив для жизнедеятельности казаков. Если в начале указанного десятилетия, казалось бы, неотступно осуществлялся один исторический сценарий, то к исходу рассматриваемого нами фазиса политической волей порождается совершенно другая историческая картина. Если в начале 1930-х гг. казачьи сообщества России стояли перед явственной угрозой полного исчезновения, вероятностного социокультурного размывания в общей массе колхозного крестьянства, то уже во второй половине десятилетия казаки, образно выражаясь, вновь оказались «на лихом коне». Вот почему 1930-е годы можно с полным историческим основанием назвать судьбоносным десятилетием для донских, терских, кубанских казаков, равно как и для всего российского казачества.

Уникальность казачьего хронотопа в 1930-е гг. состоит и в определенном сознательном распространении элементов казачьего образа жизни на другие слои населения Юга России, даже на само партийно-советское руководство, хотя, безусловно, надо признать, что это влияние иногда было довольно поверхностным. Так, но-

шение военно-полевой формы разного рода чиновниками в подражание казачеству вряд ли стоило воспринимать очень серьезно. Тем менее, имевшее место социальное клонирование отдельных казачьих исторических матриц стало одной особенностей рассматриваемой противоречивой исторической эпохи.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг., в эпоху «великого перелома», сталинский режим целенаправленно инициировал широкомасштабные антиказачьи акции, осуществлявшиеся в общем русле политической стратегии коллективизации и «раскулачивания». При этом никто не учитывал специфику казачьих хозяйств Юга России, которые в массе своей по-прежнему оставались более крупными и зажиточными, по сравнению с хозяйствами крестьян. Наоборот, казачьи хозяйства настолько часто подвергались в данное время «раскулачиванию» и последующим репрессиям, что среди казаков окрепло жизненное убеждение, будто начавшаяся сплошная форсированная коллективизация – это не что иное, как возврат к былым временам большевистского репрессивно-террористического «расказачивания». Вопреки постоянно звучавшим официальным заверениям о том, что советская власть исповедует не сословные, а классовые принципы (и, значит, борется лишь против казачьей верхушки, а не против казачества как такового), множество казаков находило немало исторических аналогий между «колхозным строительством» и братоубийственной Гражданской войной.

Напротив, во второй половине 1930-х гг. сталинский режим под влиянием целого ряда причин и соображений признал казаков-колхозников полноправными членами «социалистического общества». В ходе развернутой с февраля 1936 г. широкомасштабной политической кампании «за советское казачество» казаки (в том числе донские, кубанские и терские) получили реальное подтверждение значимых для них прав. Теперь они могли безо всяких ограничений служить в частях Красной армии, беспрепятственно и в любое время носить традиционную форму и холод-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ное оружие, поддерживать, развивать и пропагандировать свою самобытную культуру. Правительственные мероприятия второй половины 1930-х гг. активно способствовали тому, что казачьи сообщества России не растворились в массе колхозного крестьянства, а сохранились как субэтнические группы русского народа, имеющие свои традиции и культуру.

Несмотря на то, что эпоху «великого перелома», оказавшую огромное влияние на судьбы казачества, отделяют от нас уже восемь десятилетий, новые знания о ней обладают огромной актуальностью и в постсоветской России. Очевидно, что современному нам российскому обществу необходимо помнить о беспрецедентном разгуле насилия в 1930-х гг. (в том числе и о насильственных антиказачьих акциях), о безграничном попрании в то время всех прав человека и гражданина, дабы вновь не повторить тех же самых исторических ошибок. Повторить допущенные исторические ошибки, к сожалению, наше общество все еще способно, поскольку и сегодня насчитывается немало почитателей И.В. Сталина и характерных для его деятельности управленческих методов решения проблем. И, самое главное, слишком много в нашей стране социальных раздражителей и социальных конфликтов, чтобы уверенно говорить о действительном достижении общественной стабильности и покоя.

Разумеется, результаты непредвзятого, объективного осмысления положения, равно как и деятельности казаков в Советской России 1930-х гг. вполне могут быть востребованы и современным казачьим движением, которое сталкивается со схожими проблемами. В частности, опыт организации кружков «ворошиловских кавалеристов» логично бы использовать в целях повышения эффективности функционирования казачьих учебных заведений. С учетом вышеизложенных обстоятельств можно со всей уверенностью констатировать, что задача объективного исследовательского освещения исторической судьбы, социальной роли и повседневной жизнедеятельности казачьих сообществ Дона, Кубани

и Ставрополья в 1930-х гг. непременно обладает не только научно-теоретической, но и вполне определенной практической актуальностью.

Однако, несмотря на то, что события 1930-х гг. серьезнейшим образом сказались на судьбах донских, терских и кубанских казаков, ***в южнороссийской региональной историографии*** жизнедеятельность казачества в эпоху «великого перелома» пока исследована явно недостаточно. В историографическом отношении эта проблема никоим образом не сравнима, например, с «расказачиванием» времен гражданского противостояния 1917 – 1922 гг. или участием казачьих формирований в Великой Отечественной войне, когда профессиональными историками кропотливо выясняются детали и нюансы, исследуются отдельные события. Исторический период 1930-х гг. требует пока еще нового исследовательского обозрения в целом, воссоздания и непредвзятого описания общей цепи исторических событий, чтобы потом детально и подробно уделить внимание отдельным историческим сюжетам. На наш взгляд, в советские времена освещению данной темы препятствовали санкционированные сверху запреты и ограничения идеологического характера, согласно которым многие события тех лет (в том числе и масса аспектов коллективизации) являлись закрытыми темами и не подлежали свободному авторскому рассмотрению, выходящему за строго установленные пределы официальной партийной позиции. Советские исследователи вольно или невольно подчинялись идеологическому диктату и старательно обходили молчанием многие острые вопросы. К числу таких замалчиваемых сюжетов относились: антиказачьи акции правительства времен «колхозного строительства» (выселение жителей «чернодосочных» станиц, репрессии против «кулацко-зажиточных» и «контрреволюционных» элементов казачества, понимаемых весьма расширительно, и пр.), антиколхозные (антисоветские) выступления донских, терских, кубанских казаков, влияние Великого голода 1932 – 1933 гг. на положение в казачь-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

их районах и т.д. Процесс «социалистических преобразований» в казачьих станицах Юга России освещался при этом исключительно в позитивных, нередко попросту «розовых тонах». Отмеченные особенности были характерны практически для всех работ по интересующей нас проблематике, выходивших в советский период.

Уже в начале 1930-х гг. в Северо-Кавказском крае появились печатные издания, в которых содержались отрывочные упоминания о положении, настроениях и деятельности казаков в условиях «колхозного строительства». Чаще всего представители казачества (точнее, казачья «контрреволюционная» верхушка) упоминались в связи с антиколхозными акциями протеста и «саботажем хлебозаготовок», которые текстуально описывались авторами как основные препятствия в осуществлении коллективизации. При этом приводились многочисленные примеры делинквентного поведения казаков. В частности, указывалось на значительное распространение среди жителей казачьих станиц антипатриотичных надежд на иностранную интервенцию, в рамках которой должны были вернуться из-за границы на Родину и казаки-эмигранты (чьи-то родственники, односумы, знакомые станичники)[1]. Положительные оценки деятельности казаков по организации и укреплению коллективных хозяйств встречались в таких публикациях гораздо реже.[2]

---

[1] Замечательные строки, эмоционально отражающие то непростое время, оставил нам казак, поэт-эмигрант П.И. Туроверов:

Нам мачехой стала Отчизна Родная
И руки Родимой в сыновней крови.
Но, берег любимый в тоске покидая,
Мы ей посылали молитвы любви.

(См.: Родине покинутой молюсь…: Хрестоматия / Сост. К.Н. Хохульников. – Ростов н/Д.: Изд-во облИУУ, 1994. – С.138).

[2] См., например: Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. Пятигорск, 1930; Давыдов Ю. «Красный терец» (о колхозе ст. Ново-Павловской, Георгиевского района). Ростов н/Д., 1931; Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931; Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края? Ростов н/Д, 1932.

Тем самым создавалось впечатление, что казачья кулацкая верхушка сознательно увлекала за собой казаков-середняков и выступала одним из основных противников исторически неизбежной коллективизации. Советская же власть правомерно блокировала вожделения классовых врагов и разнообразных торгующих мещан. Подобное изложение материала являлось прямым отражением настроений, господствовавших в начале 1930-х гг. среди местного руководства и неказачьего населения Юга России. Они по определению едва ли не всех поголовно казаков считали «контрреволюционерами» и искренне полагали, что в процессе «колхозного строительства» казачество неотвратимо исчезнет, растворившись в преобладающей массе колхозников. Однако содержание указанных работ не отражало реальное положение дел, поскольку, во-первых, и казаки, и крестьяне Юга России одинаково резко протестовали против насильственной коллективизации и, во-вторых, значительная часть казачества все-таки вступила в колхозы и в общем-то демонстрировала готовность трудиться в них.

Во второй половине 1930-х гг., когда казачество было признано властью как уникальная группа в составе колхозного крестьянства, жизнь и производственные достижения донских, кубанских и терских казаков-колхозников впервые стали предметом специального исследования на Юге России.[1] В работах того исторического периода приводились многочисленные примеры активной производственной деятельности членов казачьих колхозов и всячески обосновывалось утверждение, что коллективизация изменила жизнь казачества к лучшему. Антиколхозные казачьи акции протеста начала 1930-х гг., а также организационно-хозяйственная неустроенность поспешно созданных колхозов и даже голод 1932 – 1933 гг. объяснялись злонамеренными происками кулацко-зажиточной верхушки казачества, которой, якобы,

[1] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах. Ростов н/Д., 1936; Радин А.Е., Годович Е.А. Советские казаки. Ростов н/Д., 1938; Гайдаш Н. Калиновский колхоз «15 лет Октября». Пятигорск, 1940.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

удалось увлечь за собой неустойчивую часть казаков-середняков. Как видим, по-прежнему приводится та же идеологическая схема, но акценты явно сместились.

Таким образом, историографический анализ позволяет утверждать, что в работах 1930-х гг. наблюдалась радикальная смена исследовательских суждений и выводов относительно роли казачества в «колхозном строительстве». Если в первой половине десятилетия превалировали негативные оценки (либо участие казаков в коллективизации просто замалчивалось), то во второй половине, напротив, жизнедеятельность «колхозного казачества» подавалась в исключительно «розовых тонах». Но в целом содержание работ 1930-х гг. по интересующей нас теме (вне зависимости от того, когда именно они были написаны) лишь в слабой степени соответствовало принципу объективности. Данные работы выполняли определенный социально-политический заказ и были призваны не *осветить* события во всей их сложности и противоречивости, а *подать* их в таком виде, в каком это было выгодно и необходимо советско-партийному руководству. Мы видим две стороны одной медали, хотя стороны все же разные. В первой половине 1930-х гг. научная и научно-популярная литература отражала господствующие ожидания о предстоящем растворении казаков среди колхозников (отсюда и негативные оценки деятельности казаков либо замалчивание роли казачества в коллективизации). Во второй половине задачей вышеназванных изданий являлось содействие кампании «за советское казачество», что и привело к радикальной смене оценок и выводов с негативных на положительные. Тем самым, полярно менялись тактические установки в отношении казачества, а стратегическая линия ускоренного социалистического строительства оставалась прежней, и казачество должно было вписаться в новую систему координат. Литература рассматриваемого исторического фазиса точно отразила изменение социально-политической ситуации вокруг

казачества. Однако качественные параметры изданий также несли на себе отпечаток времени своего появления.

Работы 1930-х гг. опирались на весьма узкую источниковую базу, которая по меркам того исторического периода однозначно считалась исчерпывающей, поскольку публикации не преследовали цель обстоятельного научного изложения. В большинстве своем это были опубликованные постановления и распоряжения партийно-советских органов, материалы выступлений и публикации представителей руководства, свидетельства очевидцев. Они отличались крайней слабостью авторского анализа, описательностью, ограниченностью рассмотренных аспектов проблемы жизнедеятельности казачества Юга России в ходе коллективизации и в условиях победившей колхозной системы. Все это никоим образом не способствовало осуществлению тщательного, углубленного, объективного анализа обозначенной нами проблемы.

На протяжении послевоенного периода (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) тема коллективизации вновь стала одной из центральных в работах советских исследователей (в период Великой Отечественной войны эта тема почти не освещалась, так как все внимание уделялось текущим проблемам военного времени). Постепенно увеличивался объем анализируемых источников, расширялся круг рассматриваемых вопросов «колхозного строительства», т.е. изучался исторический период в целом. С 1960-х гг. историками были пересмотрены некоторые, еще «сталинские», оценки и выводы. Однако в предметной области исследования проблемы жизнедеятельности казаков Юга России в 1930-х гг. господствовали иные тенденции.

Можно указать целый ряд работ южнороссийских ученых, в которых в той или иной степени освещались отдельные аспекты интересующей нас темы. К их числу относятся: социальное расслоение казачьих общностей Дона, Кубани и Терека накануне коллективизации, репрессивные меры против казачьей верхушки (которая якобы сама провоцировала жесткие ответные меры со-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ветской власти своей подрывной антиколхозной деятельностью), вовлечение казаков в колхозы, развертывание кампании «за советское казачество» и осуществленные в ее рамках проказачьи мероприятия и т. д.[1] Особого упоминания заслуживает совместная монография Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского «Казачество и социализм», выполненная на материалах Дона.[2] В ней на основе доступных в то время исследователям документов и материалов относительно подробно повествовалось о положении донских казаков в период коллективизации и о жизнедеятельности «колхозного казачества» Ростовской области. Вышеуказанные исследователи впервые в региональной историографии попытались дать развернутую картину кампании «за советское казачество» и тех изменений в жизни казаков, которые были этой кампанией вызваны.

В целом, на протяжении советского периода историографии проблемы (в силу господства идеологических установок и ограничений) исследователи рассматривали преимущественно соци-

---

[1] Извекова А.К. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на Кубани: Дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 1948; Оганян А.Г. Историческая роль политических отделов МТС в деле укрепления колхозного строя в СССР. 1933–1934 гг. На материалах работы политотделов МТС Северо-Кавказского края: Дис. … канд. ист. наук. М., 1948; Канцедалов П.З. Коллективизация сельского хозяйства на Тереке: Дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 1951; Пейгашев В.Н. Большевики Ставрополья в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства: Дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 1951; Его же: Коллективизация сельского хозяйства Ставропольского края (1927–1932 гг.) // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического университета. Т. 16. Пятигорск, 1958. С. 191 – 270; Молчанов М.В. Победа колхозного строя на Дону и Кубани. Шахты, 1960; Мельситов В.А. Азово-Черноморская краевая партийная организация в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов в годы второй пятилетки: Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1969; Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андронова. Ростов н/Д., 1970; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II. 1921–1971 / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1973; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973; Дон советский. Историко-экономический и социально-политический очерк / Под ред. А.И. Козлова. Ростов н/Д., 1986; Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. Ставрополь, 1986.

[2] Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д., 1986.

ально-политические и социально-экономические аспекты жизнедеятельности казачества. К числу таких аспектов относятся: деятельность партийных органов по вовлечению казаков в колхозы и подавлению сопротивления кулацкой верхушки казачества, участие казаков в организационно-хозяйственном укреплении коллективных хозяйств, позитивные экономические и культурно-бытовые изменения в казачьих станицах в условиях господства колхозной системы и пр. В то же время не получили сколь-нибудь удовлетворительного освещения такие острые вопросы, как антиказачьи мероприятия сталинского режима и поддерживавших его местных «активистов», роль казаков в антиколхозных и антисоветских выступлениях, масштабы голода 1932 – 1933 гг. в казачьих районах Юга России и пр.

Напротив, в постсоветский период в связи с радикальными общественно-политическими преобразованиями, разрушившими диктат марксистской моноидеологии и предоставившими ученым свободу творчества, южнороссийские исследователи уделили первоочередное внимание именно наиболее острым вопросам казачьей истории конца 1920-х – 1930-х гг. При этом работа по закрытию лакун, образовавшихся в советский период исследования темы, велась с привлечением массы новых (ранее нередко засекреченных) документов и материалов. Введение в научный оборот значительного объема новых источников не только являлось необходимым условием заполнения «белых пятен», но и способствовало существенной корректировке и переосмыслению прежних суждений, оценок и выводов относительно судьбы и жизнедеятельности казаков Юга России в 1930-х гг.

Прежде всего, необходимо отметить монографии А.В. Баранова, в которых был осуществлен детальный анализ таких вопросов, как развертывание политики «чрезвычайщины» в Северо-Кавказском крае в конце 1920-х гг., нарастание административно-налогового давления на крестьянские и казачьи хозяйства и протестная реакция

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

сельских жителей, в том числе и казаков.[1] Определенное внимание положению казачьих сообществ Северо-Кавказского края в конце 1920-х гг. уделила и Н.А. Токарева, анализировавшая процессы слома нэпа в южнороссийской деревне.[2]

В ряде исследований освещались особенности взаимоотношений советской власти и казачества на протяжении 1930-х гг.: антиказачьи акции периода развертывания сплошной форсированной коллективизации, ответный протест казаков (в том числе представителей казачьей интеллигенции, офицерства), кампания «за советское казачество», специфика военной службы казаков в рядах Красной армии и пр.[3] Отдельного упоминания заслуживают работы Е.Н. Осколкова, в которых впервые в южнороссийской историографии был осуществлен взвешенный научный анализ Великого голода 1932 – 1933 гг. (поразившего и казачьи регионы) и депортация жителей «чернодосочных» станиц, которые,

---

[1] Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: (1921 – 1929 гг.). СПб., 1996; Его же: Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.

[2] Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1928 – 1929 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1994.

[3] Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. Краснодар, 1993; Его же: Коллективизация и казачество Кубани в 1929 – 1933 гг. // Проблемы истории казачества: Сб. ст. Волгоград, 1995. С. 236 – 248; Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30 – 40-х гг. Краснодар, 1993; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян и др. Ростов н/Д., 1995; Воскобойников Г.Г. Казачество в Красной Армии в 20-е – 30-е годы XX в. // Кубанское казачество: Три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. – Краснодар, 1996. С. 50 – 55; Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки(1921 – 1932 гг.) // Кубанское казачество: Три века исторического пути. С. 172 – 175; Славко Т.И. Кубанское казачество в спецссылке на Урале: формы народного протеста в 1930-е гг. // Кубанское казачество: Три века исторического пути. С. 229 – 231; Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917 – 1945 гг. Ростов н/Д., 1996; Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 1998; Бондарев В.А. Казачество Юга России в социальном противостоянии деревни и власти (конец 1920-х – первая половина 1940-х гг.) // Российское казачество: вопросы истории и современные трансформации: Материалы междунар. науч. практ. конф. «Духовная культура донского казачества: прошлое и современность», г. Новочеркасск, 9 сент. 2005 г. / Отв. ред А.П. Скорик. - Ростов н/Д., 2005. С. 20 – 25; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005.

как правило, были населены преимущественно казаками.[1] Основные суждения и выводы Е.Н. Осколкова были впоследствии подкреплены в публикациях других исследователей.[2]

Необходимо, на наш взгляд, выделить одну из последних монографий А.И. Козлова, основанную на материалах архивов ФСБ. Здесь, в частности, обстоятельно рассмотрен процесс формирования тайной организации А.С. Сенина (прототипа есаула Половцева из «Поднятой целины») – одной из первых законспирированных казачьих организаций, направленных против насильственной коллективизации, против непомерного административно-экономического давления сталинского режима на советскую деревню.[3]

Следует констатировать, что на протяжении постсоветского периода в южнороссийской региональной историографии проблемы жизнедеятельности казачества в 1930-х гг. наблюдаются заметные позитивные сдвиги, выразившиеся в освещении специалистами целого ряда вопросов, ранее практически не выступавших предметом специальных исследований. Вместе с тем процесс научного поиска далек от завершения. Существует немало аспектов интересующей нас темы, которые нуждаются в дополнительном, углубленном анализе. К их числу, в частности, относятся: роль, масштабы и удельный вес казачьих протестных акций в общекрестьянском сопротивлении насильственной коллективизации; движущие мотивы, конкретные мероприятия и особенности осуществления социально-политической кампании «за советское казачество», а также неоднозначность отношения к ней центрального и местного партийно-советского руководства; синтез традиций и новаций в культуре и повседневной жизни «советского казачества» и т.д. В конечном

[1] Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991; Его же: Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3 – 23.

[2] Алексеенко И.И. Наказание голодом // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 33 – 36; Черпицкий П.Г. Голод 1932 / 1933 гг. на Кубани // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 26 – 32; Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник. Т. 1. 2006. С. 210 – 224.

[3] Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и Творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д., 2005.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

счете, недостаточный уровень освещения проблемы не позволяет определиться с тем, было ли в 1930-х гг. осуществлено (или даже завершено) «расказачивание»?

В представленной работе нами предпринята попытка рассмотреть перечисленные аспекты проблемы, и в том числе внести ясность по вопросу, правомерно ли трактовать антиказачьи акции 1930-х гг. как «расказачивание»? Поставленные задачи решены путем анализа широкого круга разнообразных источников, многие из которых впервые вовлечены в научно-исследовательскую работу.

Основу ***источниковой базы настоящего исследования*** составляют материалы региональных архивов, прежде всего Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Среди архивных материалов заслуживают отдельного упоминания хранящиеся в ЦДНИ РО разнообразные документы Северо-Кавказского (ф. 7), Азово-Черноморского (ф. 8) краевых комитетов ВКП(б) и Ростовского областного комитета ВКП(б) (ф. 9), а также сосредоточенные в ГАНИ СК документы Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) (ф. 1). На основании данных документов представляется возможным с достаточной степенью полноты реконструировать государственную политику по отношению к казакам, а также выявить степень ее корректировки на местах. Кроме того, необходимо отметить хранящиеся в ЦДНИ РО материалы политсектора Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краевого земельного управления (крайзу) (ф. 166), среди которых наибольший интерес представляют сводки и отчеты ОГПУ и политотделов МТС, отражающие процесс жесткого противоборства между властью и казачье-крестьянским населением Юга России. О сопротивлении коллективизации (а также и о других скрытых, «непарадных» сторонах жизни сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополья, Терека 1930-х гг.) свидетельствуют и доку-

менты Северо-Кавказского краевого управления Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) (ГАРО, ф. р-1185).

Определенный, научно значимый для исследования объем информации по рассматриваемой нами проблеме содержат опубликованные указы, постановления, распоряжения партийных и советских органов разных уровней, материалы и резолюции пленумов ЦК, решения совещаний высшего партийного и советского руководства, донесения, отчеты и докладные записки органов госбезопасности. Масса такого рода источников содержится в сборниках документов и материалов,[1] в том числе составленных и на Юге России южнороссийским специалистами.[2]

Кроме того, в работе были использованы сочинения и материалы докладов и выступлений представителей советско-партийного руководства (И.В. Сталина, Б.П. Шеболдаева, Е.Г. Евдокимова, и др.), письма донских, терских, кубанских казаков,[3] а также свидетельства периодических изданий, таких, как журналы «Колхозный путь», «Ударник колхоза», «Колхозница», газеты «Большевик», «Молот», «Северо-Кавказский большевик», «Орджоникидзевская правда».

---

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927 – 1939 / Сост. В. Данилов, М. Кудюкина, Н. Глущенко, Т. Голышкина, Л. Денисова, Ким Чан Чжин, М. Колесова, С. Красильников, В. Михалева, Н. Муравьева, А. Николаев, Е. Осокина, Т. Привалова, Н. Тархова, М. Таугер, А. Федоренко, Е. Хандурина, Т. Царевская. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999; Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000; Т.3. Конец 1930 – 1933. М., 2001; Т. 4. 1934 – 1936. М., 2002; Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004; Кн. 2. 1937 – 1939. М., 2006; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы / Сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Н. Тархова, Т. Голышкина, С. Мякиньков, Ю. Разбоев, Т. Сорокина, Е. Степанова. 1918 – 1939. Т.2. 1923 – 1929. М., 2001; Т.3. Кн.1. 1930 – 1931. М., 2003; Кн. 2. 1932 – 1934. М., 2005.

[2] Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.) / Под. ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова; Сост. Н.С. Вертышева, М.Я. Левина, А.А. Прохорова. Краснодар, 1972; Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар, 1997.

[3] День нашей жизни. Очерки. Статьи. Заметки. Письма. Документы. (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д., 1940; Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924 – 1934 / Сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д., 1994; Письма во власть. 1928 – 1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Методология исследования. Привлечение широкого круга источников для исторического исследования всегда было исходным пунктом научного дискурса. Мы постарались реализовать эту задачу в рамках наших возможностей и творческих сил. Однако этим не исчерпывается авторская позиция. В осуществлении настоящего исследования для нас всегда оставался довлеющим категорический императив интеллектуальной честности в отношении привлекаемой совокупности исторических фактов. Мы методологически стремились к полноценному историческому летописанию, когда охватываются все стороны жизни исследуемой социальной общности казачества, а поскольку достичь идеала при таком подходе невозможно, поэтому остановились на испробованной и традиционной очерковой форме. Тем более, что полноценного исторического повествования по хронологически избранному периоду и историческому сюжету мы не встречали. Исследователи, как уже отмечалось в историографической части настоящего введения, раскрывали обозначенный предмет исследования фрагментарно, идеологически однолинейно. Более того, считалось, что о казачестве как самостоятельном историческом явлении в 1930-е гг. говорить особо нечего. Некоторых самых общих замечаний и отдельных сюжетов вполне хватает, чтобы составить необходимое представление. Однако мы установили, что в отношении казачества в 1930-е годы довольно часто встречаются исторические названия и описания, которые вполне возможно осмыслить теоретически. В результате материал распределяется на шесть самостоятельных очерков, поскольку в каждом из представленных сюжетов *history* по-своему удачно преобладает над *story*.

История южнороссийского казачества 1930-х гг. вписывается нами в **теорию социокультурных изменений**. Основу авторского исторического прочтения теории социокультурных изменений при исследовании названной социальной группы казачества со-

ставляют принципы амбивалентности, априоризма и дополнительности.

Двойственность в таком историческом срезе истолковывается нами не только как полюсное позитивно-негативное восприятие социальной реальности, весьма характерное для 1930-х гг. Дихотомия может быть прокомментирована, скажем, как позитив в позитиве (и/или негатив в негативе), то есть если в «историософском зеркале» мы видим положительное историческое явление, то оцениваем исключительно эффект зеркального отражения, и здесь уже не столь важно его собственное полюсное значение. Тем самым знание, полученное до его изучения на опыте (именно в этих целях написан первый очерк, предопределяющий ряд важных исторических тенденций), дополняется ещё одним видением – ситуационно-интегративным, что и позволяет нам осуществлять авторский исторический анализ модельно-динамических и историко-ментальных структур, каковых предостаточно в истории южнороссийского казачества 1930-х гг.

В соответствии с данными принципами авторский концепт казачества понимается как интеллектуальный источник познания социума, с помощью которого нами создаётся представление о бытийности исторического процесса в период 1930-х гг., которое, в свою очередь, обладает не только эмпирической реальностью, но и трансцендентальной идеальностью.

Концепт казачества:

- соединяет в себе представления о южнороссийском казачестве, как о социальной группе, так и субэтнической целостности одновременно;
- одномоментно может быть воспринят как продукт человеческого мышления, восприятия и оценки прошлой, настоящей и будущей деятельности и как факт, событие, период истории, как проживаемая реальность (причём историческое время 1930-х гг. здесь выступает в качестве элемента познания);

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- одновременно принадлежит и ментальному строю человеческого восприятия, и многомерному пониманию мира, обладая логической всеобщностью. Представление о советском казачестве в 1930-е годы не навязано нам внешним миром и не врождённо, а выработано, «изобретено» мышлением в процессе исторического познания российского социума и проживания в нем. Оно является внешним по отношению к конкретно-исторической ситуации, но не как объект, а как способ реального представления человеческих иллюзий;
- выступает как гносеологический феномен. Это во многом априорная идеальная структура, определяющая специфику человеческого отношения к изучаемому отрезку исторического процесса, его невероятную сложность, обусловленную выходом за рамки непосредственного биологического отношения к миру и устанавливающую опосредованную связь с этим миром, с помощью которой человек вписывается в материальный мир, оставаясь при этом самим собой;
- дополняет существующие представления о российском социуме. Он предстаёт ещё одним идеальным конструктом, обеспечивающим познание социальной реальности 1930-х гг. Он вполне экстраполируем при условии осуществления определённых научно-экспериментальных процедур и в виртуальное научное познание исторического процесса (создание компьютерных исторических моделей).

Безусловно, в своих методологических поисках продуктивных идей для настоящего исследования мы не можем полностью отказаться от историзма в качестве метода познания действительности, развивающейся во времени. Историзм предполагает рассмотрение объекта как системы, закономерностей его развития. Истоки историзма восходят к учениям Гераклита, Платона, Аристотеля. Применительно к обществу его в свое время разрабатывали Джамбаттиста Вико, Мари Франсуа Аруэ (Вольтер), Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Карл Маркс. С конца XIX в.

историзм (его называют также историцизмом) подвергался критике Вильгельмом Дильтеем, Бенедетто Кроче, Генрихом Риккертом, Карлом Ясперсом, Карлом Раймундом Поппером и др., которые ставили под сомнение возможность установления законов развития общества и предсказания его будущего. В современной исторической науке и историософии продолжается острая полемика по проблемам историзма, которая может служить предметом самостоятельного научного сочинения.

В изучении южнороссийского казачества 1930-х гг. нами также использовался матричный анализ. Его мы понимаем как метод исследования социальной реальности, когда прослеживаются социокультурные и социально-психологические взаимосвязи между социальными группами, внутри них, между субъектом и другим субъектом и/или социальной группой. Непосредственным исследовательским приёмом здесь выступает историософское моделирование ментальных матриц как наиболее обобщённая и логически познаваемая субстанциональная характеристика ментальности разноликих социальных групп внутри самого южнороссийского казачества 1930-х гг.

Тем самым, возможно создание ментальных матриц или культурно-психологических моделей в виде сравнительных таблиц или аналитико-фактологических описаний базисных понятий, в свою очередь отражающих специфику данной ментальной матрицы.

Описанный выше методологический базис позволяет выработать авторское понимание ключевых категориальных постулатов настоящего исследования. Концепт казачества отнюдь не относится нами к определенному числу так называемых ultimate concepts, которые следует писать с большой буквы. Исторический концепт казачества – это состояние, событие, взгляд, фокус, импульс, сгусток, бросок. В нем не только возможна сама по себе прерывность, но и прерывность социального опыта, явления, события и т.д., прерывность исторического процесса. Концепт ка-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зачества выступает как агент действия, как фактор мыслимой реальности, воздействующей, будоражащей среду. Он способен и может породить огромные рефлексивные турбуленции, если само общество готово их принять, если оно готово в той или иной мере ими воспользоваться. Концепт казачества – это процесс, явление, апробация, инициатива, опыт, прорыв повседневности. В нём изначально заложена прерывистость эволюции и прерывистость прежнего исторического миропонимания. Он также неизменно выступает как агент радикального действия, а одновременно и как константа исторического развития, точка отсчёта, критерий познания в данной работе.

Цель настоящего исследования – это последовательное и комплексное рассмотрение южнороссийского казачества как самостоятельного исторического явления в 1930-е гг., концептуализация которого раскрывает еще одну грань исторической эпохи коллективизации. Исследование исторического процесса 1930-х гг. проводится с применением ситуационно-интегративных, модельно-динамических и историко-ментальных структур, позволяющих находить сегодня новые объяснительные срезы в понимании и осмыслении исторически изучаемого десятилетия.

Цель исследования, поставленная в настоящей работе, достигается путём решения ***следующих задач***:

- определить тенденции взаимодействия южнороссийского казачества с советской властью, объясняющие прерывистость исторического развития самого казачества и изменчивость социально-политической позиции власть предержащих;
- установить социально-исторические пределы в отношении властных структур к казачеству в период коллективизации, прояснить критерии и субъектность сложившегося отношения;
- выявить полюсные характеристики в отношении южнороссийского казачества к коллективизации, отражающие преобладающее вероятностно-негативное и относительно-позитивное

восприятие казаками политики коллективизации, а также их участие в ее осуществлении;

- провести качественный анализ практики проведения кампании «За советское казачество» на Юге России, представить исторические сюжеты об основных мероприятиях данной кампании, изучить ее интерпретационные возможности и оценочный потенциал южнороссийского казачества;
- исследовать трансформационные пределы казачьей повседневности в годы коллективизации, дать ей соответствующие социокультурные, социально-психологические и аксиологические характеристики, формирующие законченность исторической картины в научной презентации южнороссийского казачества в исторический период 1930-х гг.;
- ввести в исследовательское поле разнообразный конкретно-фактический исторический материал для объяснения основных положений авторского взгляда на дискуссионную проблему «расказачивания».

В нашей работе мы намерены последовательно отстаивать ряд **принципиальных сюжетов**, составляющих авторскую концепцию изучаемой научной проблемы, из числа которых, в соответствии с заявленной целью и задачами исследования, следует особо выделить несколько положений:

1. Социальный стереотип Гражданской войны оказался довольно живучим в реальной политике советской власти по отношению к казачеству. Здесь все понятно, как черное и белое. Экспрессия очевидна. В отношении казачества все императивно: других оттенков, кроме красного и белого, просто нет и быть не может. Социальная память казаков настолько устойчиво усвоила социально-политические образы «расказачивания», что любое антиказачье деяние власти воспринималось через эту призму противостояния и подавления. Тем не менее, следует отличать идеологическую установку центральной власти в 1920-е гг. на лояльное восприятие казачества от реальных настроений, действий и прово-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

димых мероприятий местных властей в отношении казачества. В результате сформировались в исторический период 1920-х гг. две базовые тенденции в отношении советской власти к казачеству: общероссийская и региональная, имевшие противоположную полярную направленность. При этом региональная власть отражала, прежде всего, социальные интересы иногородних, нежели интересы казачества. Это были интересы социального большинства населения Юга России, изначально направленные против этнического и сословного меньшинства.

2. Коллективизация в исторический период конца 1920-х – 1930-х гг. по сути своей противоречила внутренним качественным характеристикам казачьей общности точно так же, как соборность противостоит коллективизму. Тем не менее, выбить казачество из реального сектора экономики власти по большому счету не удалось, поэтому она вынужденно отступила на не до конца подготовленные (и подготовленные ли?!) позиции. Вне всякого сомнения, существовала идея превращения казачества в социальную химеру. Однако прийти к этому можно было в тех исторических условиях развития нашей страны двумя путями: прямым и косвенным. В первом случае использовался любой мало-мальски значимый повод для притеснения казачества. При этом базовым методом выступал метод диффамации, когда широко распространялись всякие порочащие сведения о казачестве, когда настойчиво предлагалось считать казачество, говоря теоретическим языком, субэтническим реликтом, а проще – явлением исторического прошлого, исчезающей социальной сущностью. Во втором случае пытались добиться надлома казачьей общности и навязывали казачеству в рамках социально-классового подхода социальное расслоение на кулаков, середняков и бедняков. Однако единство казачьей общности для казаков оставалось все-таки важнее, нежели внутреннее недовольство определенным экономическим неравенством, поскольку социальный опыт подсказывал, что казачья община всегда лучше сбережет от неожиданных катаклизмов, нежели со-

ветская власть, чужая по сути для казачества. Власть же настойчиво стремилась добиться социальной дисперсии казачества, разбивки его на отдельные группы, противостоящие друг другу. Причем, деление на красных и белых, но исключительно в пользу красных, выдавалось за единственно верную идейную установку и цель социальных преобразований. Используемый метод социальной диффузии подчинялся все той же цели снижения свободного радикализма казачьей общности. Однако в таких создаваемых условиях рассчитывать на поддержку казачества было недальновидно с учетом того исторического факта, что большая часть казачества в годы Гражданской войны пошла за белыми. Неприятие советской власти и ее мероприятий для казачества тогда было системным вызовом, обусловленным прямой угрозой общественной безопасности. Осуществление коллективизации – это такая проблема, которая порождает неверие казаков Юга России в возможности государства навести порядок вне позиционирования революционной догматики и отрицание казаками способности государственных структур обезопасить их.

3. В осуществлении коллективизации преследовалась цель социального выравнивания различных групп населения. Однако социальные кондиции изначально определялись достаточно заниженными. В результате казачество, уровень жизни которого был выше окружавшей его массы крестьянства, оказывалось за бортом благосклонного внимания властей. С другой стороны, предложение власти «взять и поделить» противоречило собственническим устремлениям казачества, поскольку делало его реальную жизнь значительно хуже. Отсюда представления о противоестественности советской власти, о недружелюбности большевистского руководства и даже сформировавшиеся в казачьей среде нехарактерные позитивные социальные экспектации в отношении иностранной военной интервенции. И если для власти такие настроения казались исключительно антипатриотичными, то для казаков они считались вполне естественными, поскольку позволяли им наде-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

яться на скорейшее воссоединение казачьих семей, на возможный возврат на свою малую Родину десятков тысяч казаков-эмигрантов. Для советской власти именно данный социальный ресурс был по определению со знаком «минус», а сама эта власть не смогла до середины 1930-х гг. выступить ярким притягательным социальным ориентиром, ибо она на деле (а не на словах) не была явным выразителем всеобщего социального блага. Для известных большевистских лидеров 1930-х гг. казаки Юга России выступали в качестве некоего промежуточного звена между социальными группами и горскими народами Кавказа, сущность которого они так и не смогли четко определить. Даже в многочисленных позитивных фактах осуществления сплошной коллективизации южнороссийское казачество выделялось отдельно, но наряду с крестьянами. Казачество не торопилось вступать в колхозы, и в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стало актором многочисленных антиколхозных выступлений, нередко объединяясь с недовольным крестьянством, которое тоже не устраивала коллективизация посталински. Вместе с тем, кубанские казаки из «чернодосочных» станиц активно протестовали против переселения на Кубань крестьян из числа демобилизованных красноармейцев. Однако к середине 1930-х гг. активные формы протеста в казачьей среде постепенно сменяются пассивными. В определенной мере такое изменение стало результатом репрессивной социальной адсорбции, широко применяемой в изучаемом регионе советской властью и правящей большевистской партией. Тем не менее, заметна и тяга казачества Юга России в 1930-е гг. к сохранению самостоятельного хозяйствования.

4. В развертывании политической кампании «за советское казачество» отчетливо видна тенденция создания социального резерва, который был нужен власти в конкретных исторических условиях развития страны в 1930-е гг. Казачество представляло собой серьезный военно-хозяйственный потенциал. Не случайно со страниц главной газеты страны «Правды» 18 февраля 1936 г.

большевики заявляли, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа». Очевидно, вышеназванная кампания направлялась на достижение видимой социальной поддержки осуществляемому в 1930-е гг. колхозному строительству, хотя ее начало было весьма сумбурным и не до конца продуманным. Формирование нового отношения к казачеству ориентировалось на укрепление социальной опоры власти в условиях усиления военной опасности на международной арене и необходимости социальной устойчивости в северокавказском регионе. Это вполне ясно, если смотреть с позиций последующего исторического знания о коллаборационизме в среде казачества в годы Великой Отечественной войны. Кампания четко и однозначно определила, что «советскому казачеству быть». Тем самым, она перспективно обозначила историческую тенденцию нового социального проекта по созданию общности советского казачества. Советское казачество должно было иметь объединяющую идею поддержки советской власти, а какие-то иные внутригрупповые отличия оказывались в такой ситуации в меньшей степени нужны и важны. Военно-патриотический подъем выступал одним из генерализующих факторов социально-политической кампании «за советское казачество». Вне всякого сомнения, этому также способствовали наметившиеся к середине 1930-х гг. укрепление колхозной системы и резкое сокращение числа единоличных хозяйств. К данному историческому рубежу среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, заметно усилились проколхозные и просоветские настроения. Они мастерски использовались властью для преодоления деструктивного импульса коллективизации и неумелого хозяйствования в колхозах, в частности, для восстановления коневодства, которое имело военно-политическое значение. Можно говорить и об определенной причастности (через распространение

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

произведений и реальное участие в местной жизни) к развертыванию социально-политической кампании «за советское казачество» великого донского писателя М.А. Шолохова. Сама же кампания способствовала заметному укреплению межказачьего единства в рамках всего южнороссийского региона, что еще раз, несомненно, подчеркивает ее военно-политическую подоплеку. Власти нужно было именно объединенное советское казачество, что породило в казачьей среде глубинные настроения на восстановление казачьей автономии, которым не суждено было сбыться. Допуская некоторое «показачивание» части иногороднего населения и нередкое употребление слова «сословие», большевики твердо придерживалась позиции сохранения определенной и строго ограниченной социальной ниши для казачества. Речь шла о формировании некоего эталонного (моделируемого) советского казачества, которое бы в кратчайшие исторические сроки вышло в главные призеры масштабного закрепления в общественной жизни мобилизационной подготовки населения на случай возникновения военного конфликта и в рамках социально-групповой состязательности на преданность советской власти. Казачество в результате осуществления социально-политической кампании «за советское казачество» в 1930-е гг. «заняло свое место в рядах революционного народа». Оно четко позиционировалось властью как некая отдельная группа населения («молодое советское казачество»), всецело поддерживающая советскую власть и политику правящей партии. Однако такая позиция не исключала продолжения практики политических репрессий против части казаков, несогласных с политикой советской власти. Тем более, часть иногородних открыто высказывала недовольство изменившимся отношением к казачеству. В самой же казачьей среде названная кампания вызвала противоречивые настроения, хотя, безусловно, большинство казачества сумело преодолеть былые обиды и поддержало советскую власть.

5. Традиционная казачья культура для южнороссийского казачества в 1930-е гг. оставалась по-прежнему преобладающей, не-

смотря на все модернизационные веяния новой исторической эпохи. Сбережению культурного наследия способствовала и кампания «за советское казачество», для которой атрибутивность являлась первостепенной задачей, а ее реальное обеспечение было невозможно без позиционирования элементов казачьей культуры. С другой стороны, сохранялись и две иные социокультурные тенденции. Усиление индустриального развития региона предопределило проникновение в казачьи станицы городской культуры или, по меткому выражению П.Н. Краснова, культуры «пиджачников», для которых казачье происхождение и элементы казачьей культуры становились явно второстепенными по сравнению с их новым социальным позиционированием. Проживание в численно преобладающей крестьянской среде также воздействовало на казачью культуру. Процесс культурного заимствования постепенно набирал силу, все более и более стирая, по крайней мере, внешние отличия казаков от крестьян. Тем паче, что и крестьяне, и казаки становились теперь частями единого социального целого – колхозного крестьянства. Исторически закрепился и соответствующий термин – казаки-колхозники, равнозначный другому историческому термину – советское казачество. Однако обеспечение достойного уровня культуры быта казачества Юга России в 1930-е оказалось серьезной социально-экономической проблемой, в силу проколхозного экономического кризиса, в свою очередь обусловленного проведением коллективизации. С другой стороны казачество – это не только однажды исторически достигнутый результат, но и социальная задача, которая должна решаться снова и снова. Это специфический образ мыслей, образ жизни, который усваиваешь только тогда, когда живешь этим образом в своей личной жизни, в отношениях со своей семьей и соседями, с более широкими внешними кругами, в отношениях к землякам-односумам и, наконец, в отношении к другим народам. Птица видна по полету, говорит старая пословица. Вот так же и казаки узнавались и узнаются по их поступи, а эту поступь не усвоишь в один день.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

6. «Расказачивания» как целенаправленной политики советской власти по уничтожению казачества в годы коллективизации не было. Дискретность данной стратегии большевиков в отношении казачества очевидна. Попытки развернуть такую политическую стратегию в целом ряде антиказачьих акций в ходе коллективизации на Юге России по большому счету не увенчались успехом. Устремлениям власть предержащих превратить казачество в социального лузера не суждено было сбыться. Казачество по-прежнему ментально обособлялось и тяготело к своим историческим корням, в значительной мере преодолевая внутриказачьи различия. А с началом кампании «за советское казачество» прослеживается историческая тенденция консолидации казачества в рамках общности колхозного крестьянства. Казаков в обиходе так и называли – казаки-колхозники. Вопрос о том, была ли это социальная эксклюзия, пока остается открытым. Насколько казачество смогло вернуть утраченные позиции? Очевидно, что такая тенденция четко обозначилась. Было ли советское казачество человеческой и/или большевистской иллюзией? И да, и нет. Да, власть стремилась создать такую общность, рассчитывая в рамках предлагаемой идеологической конструкции решать свои насущные социально-политические задачи. Большинство казаков действительно, говоря языком того исторического времени, повернулось лицом в сторону советской власти. Однако это вовсе не дает повода опровергать или отрицать факты репрессирования части казачества и во второй половине 1930-х гг. Реадаптация казачества к новым историческим условиям означала, что оно выполняло жизненно важные для общества и государства функции.

Выдвигаемые авторские тезисы придают настоящей книге в определенной мере полемический характер, что дает возможность не только развивать исследовательские информационные ресурсы, освещать все новые и новые значимые исторические картины жизнедеятельности южнороссийского казачества, но и позволяет

значительно расширить предметное поле для дискуссий в научном историческом сообществе.

Полагаем, что представленная работа может быть интересна преподавателям высшей и средней школы, студентам и учащимся, участникам современного казачьего движения и всем, интересующимся историей российского казачества и проблемами регионоведения.

Очерк первый
Казаки и советская власть в 1917 – 1929 гг.: специфика взаимоотношений в преддверии «великого перелома»

Между советским государством и российским казачеством изначально установились весьма непростые взаимоотношения, в ходе которых конфликты (нередко вооруженные) сменялись неуверенным добрососедством, «поиском согласия».[1] Формально политика большевиков по отношению к казакам строилась на классовых принципах и оставалась неизменной на протяжении всей советской эпохи. Об этом хорошо было сказано представителями Северо-Кавказского краевого руководства на III Кубанском окружном съезде Советов 19–24 марта 1927 г.: «между трудовым казачеством и трудовым иногородним населением разницы нет. Обе группы населения – трудовые хлеборобы, которые должны идти с нами». Большевики, согласно этому утверждению, не питали вражды к казакам-середнякам и беднякам, так как боролись только против «эксплоататоров, спекулянтов и закоренелых злостных белогвардейцев», неважно, «иногородние [они] или казаки».[2] Еще более четко по этому поводу выразился первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Мико-

[1] Выражение Я.А. Перехова. См.: Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920 – 1926 гг.). Ростов н/Д., 1997.

[2] Отчет III Кубанского окружного съезда Советов 19–24 марта 1927 г. Краснодар, 1927. С. 39.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ян в ноябре 1925 г.: «казак он или крестьянин, если он середняк, то он наш. Наша политика – классовая политика».[1] Однако в реальной действительности все было гораздо сложнее, и новые проблемы появлялись с каждым поворотом исторического фазиса.

Сложность, неоднозначность, даже противоречивость взаимоотношений между казаками и советским государством определялись целым рядом фактором. Среди них, на наш взгляд, необходимо выделить специфику социального статуса казаков и особенности социально-экономических отношений на Юге России в досоветский и доколхозный периоды. Особый сословный статус казачьих общностей зачастую нивелировал классовые принципы, так как многие казаки, вне зависимости от уровня их материального благосостояния, противопоставляли себя иногороднему населению. Показателен в данном случае диалог между казаками-бедняками кубанской станицы Старощербиновской и приезжим инструктором, состоявшийся в 1926 г. Инструктор, оценив материальное положение этих казаков, в общем-то справедливо назвал их бедняками и услышал гордый ответ: «Мы не бедняки. Мы казаки».[2] Да и в конце 1928 г. полномочный представитель (ПП) ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимов рассуждал на бюро крайкома, «что середняк[-]казак и середняк[-]иногородний это ни одно и то же»: ведь в среде казачества все еще сильна сословная сплоченность, и социальные противоречия здесь не столь заметны. Хотя «вопрос о расслоении середняка[-]казака стоит, но его надо углубить, а [иначе] середняк-казак больше прислушается к мнению кулака-казака. Тут у него всякие предразсудочки еще остаются и в этой части [партийно-советскому руководству

[1] Краткое изложение отчета секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна на XI Донецкой окружной конференции РКП(б). 13 ноября 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.) / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962. С. 440.

[2] Цит. по: Пеннер Д.Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920 – 1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 23.

необходимо]… казачьему вопросу, хотя он и стирается, но внимание уделить».[1]

С другой стороны, иногородние нередко также отчужденно относились к казакам вообще, а не только к представителям «кулацко-зажиточной» верхушки казачества; земельные же споры и неравенство в правах превращали отчуждение в прямую и открытую враждебность. Причем от враждебного отношения к казакам вообще были не свободны не только обычные иногородние крестьяне, но и масса местных руководителей, а также рядовых членов большевистской партии и даже многие из ее «вождей».

Отмеченное обстоятельство, как нам представляется, необходимо в полной мере учитывать при анализе «казачьей» политики большевиков и взаимоотношений казачества Дона, Кубани и Терека и советского государства. В 1920-х – 1930-х гг. существовали две стратегические позиции (или, выражаясь языком рассматриваемой нами эпохи, «линии») в отношении к казачеству. Условно эти позиции можно обозначить как «социально-дифференцированную» и «этнографически-унитарную».

В самом общем виде характеризуя «классово-дифференцированную» позицию, следует подчеркнуть, что это была официально признанная, основанная на классовых принципах позиция высшего партийно-советского руководства, в рамках которой лишь относительно небольшая часть казачества рассматривалась как враждебная советской власти, а остальные казаки («трудовое казачество») признавались более-менее надежными союзниками. Соответственно, следовало придерживаться в отношении казачьих обществ Дона, Кубани и Терека дифференцированного подхода. Подчеркнем (и это далее нами будет подтверждено конкретными материалами), что особую приверженность указанной позиции демонстрировали представители высших и средних эшелонов власти Северо-Кавказского края, вынужденные учитывать этносоциальную и социально-экономическую специфику воз-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 704, л. 78 – 79.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

главляемого ими региона; для высшего же партийно-советского руководства в Москве четкое следование данной позиции было не столь характерно.

«Этнографически-унитарная» позиция формально признана не была, но существовала фактически и нередко оказывала на жизнедеятельность казачьих обществ гораздо более существенное влияние, чем решения и постановления высшего и среднего партийно-советского руководства. Приверженцами данной позиции являлись в основном представители низовых властных структур и социальная опора большевистского режима – пролетариат и беднейшее крестьянство. На Юге России, учитывая специфические местные условия, сторонниками данной позиции в основном выступали иногородние крестьяне, из числа которых после победы большевиков преимущественно формировались и пополнялись местные органы власти.

Как красноречиво писал один из кубанских казаков своим родственникам-эмигрантам в 1928 г., «найти на Кубани место писаря или счетовода, или конторщика нашему брату-казаку совершенно невозможно. Все места, все дырки заполнены пришлым элементом, партийными коммунистами. Вы можете встретить в стансовете, в кооперативе жидов, грузин, латышей, москвичей, некоторые из них и по-русски говорить не умеют, но казаков если и найдете 1–2 %, то это много».[1] Это субъективное мнение в определенной мере подтверждается источниками. С одной стороны, в ряде станиц представительство казаков в органах местного управления было достаточно значительным. В частности, в 1927 г. в станицах Армавирского округа в составе сельских советов удельный вес казаков равнялся 39,2 %, в составе президиумов сельсоветов – 38,8 %; среди председателей сельсоветов округа казаки составляли 28,4 %.[2] В Прохладненском районе Терского округа в том же году казаки составляли 73 % членов сельских со-

[1] Крестная ноша. С. 83.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 150.

ветов, 36,8 % членов президиумов сельсоветов, 70 % председателей сельсоветов. Но, с другой стороны, по сообщениям Терского окружкома ВКП(б) в конце 1928 г., «если посмотреть по отдельным станицам [Прохладненского района] с преобладающим населением из казаков, то видно будет, что не только специальной работы не ведется, но и вообще ее не имеется. В станице Прохладной казачьего населения до 75 %. Состав Сельсоветов 100 человек, из них казаков 50 человек»[1] (то есть представительство казаков в советах существенно уступало их удельному весу в составе населения станицы). В целом по краю, как отмечали представители власти, «актив в отдельных станицах состоит в большинстве из иногородних, а если количество казаков и превышает [численность] иногородних, то руководящая роль в активе принадлежит все-таки иногородним».[2]

Тот факт, что местные руководящие кадры на Юге России в 1920-х гг. в основном являлись иногородними, нам особенно важно подчеркнуть, поскольку данное обстоятельство объясняет многие перекосы и несоответствия в казачьей политике большевиков; объясняет оно и кажущуюся декларативность этой политики. Зачастую партийно-советский административно-управленческий аппарат (особенно «сталинской» эпохи) характеризуется как единый, монолитный, как некая структура, в которой спущенное «сверху» распоряжение беспрекословно исполнялось нижестоящими инстанциями. В реальности же веления «центра» не столь уж редко игнорировались «низами» или, по крайней мере, исполнялись в соответствии с представлениями местных чиновников о социальной справедливости, «революционной законности» и т. п. В «казачьем вопросе» позиции «центра» и «мест» также расходились и весьма существенно. В значительной мере именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется кажущаяся декларативность отношения советской власти к казакам

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 150 – 151.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 151.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

(когда в партийных постановлениях говорилось одно, а делалось совершенно иное), которая некоторым авторам дает основания безапелляционно утверждать о наличии некоего «антиказачьего заговора», некоего «скрытого расказачивания». Безусловно, нельзя абсолютизировать такой фактор, как несоответствие позиций «центра» и «мест» по казачьему вопросу; но и преуменьшать его важность не представляется возможным.

Так вот, с точки зрения иногородних крестьян и многих (точнее, большинства) представителей местного руководства (то есть тех же иногородних), о дифференцированном подходе к казакам речи не шло. Все казачество в целом, «опорочившее» себя верной службой самодержавию и поддержкой белых, вообще не имело прав на существование и подлежало «расказачиванию», то есть расформированию (как минимум) или даже ликвидации (максимум). Тот факт, что относительно небольшая часть казаков уже со времен Гражданской войны поддерживала красных, эту позицию не менял и даже не корректировал: ведь такие казаки рассматривались уже как «перековавшиеся», «исправившиеся», как, наконец, «неказаки». Да и для многих из этих «неказаков» факт принадлежности к казачьему сословию не имел серьезного значения: они этим не кичились и на первый план выдвигали свою политико-классовую, а не сословную физиономию. Некоторые даже воспринимали напоминания о том, что они принадлежат к казачьей общности, как оскорбление. Д.Э. Пеннер, основываясь на архивных материалах, отмечала, что «некоторые казаки, настроенные просоветски, обижались и запрещали другим называть их казаками».[1] Сходные настроения отразил и М.А. Шолохов в «Поднятой целине», в сюжете, где Андрей Размётнов на общем собрании колхозников отклонил предложение присвоить созданному в Гремячем Логе колхозу название «Красный казак», моти-

[1] Пеннер Д.Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920 – 1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 26.

вировав свое решением тем, что «это мертвое и обмаранное прозвание. Казаком раньше детву пужали рабочие».[1]

Итак, повторимся: в Советской России 1917 – 1929 гг. по «казачьему вопросу» существовало относительно четко выраженное несоответствие позиций, которых придерживались, с одной стороны, представители высших и средних эшелонов власти (хотя здесь, как мы уже подчеркивали, все не так однозначно), а с другой – огромная масса местных чиновников, рядовых коммунистов и иногороднего населения. Несоответствие этих двух позиций, а также слабое понимание высшим партийно-советским руководством в Москве особенностей Юга России, являвшееся основой поспешных действий, противоречивших классовым принципам, и порождало в значительной мере противоречивость мероприятий по отношению к российскому казачеству, в том числе, по отношению к донцам, кубанцам и терцам.

В то же время необходимо подчеркнуть, что даже наиболее последовательные приверженцы обоих выделенных нами позиций по отношению к казачеству – и «классово-дифференцированной», и «этнографически-унитарной» – сходились в одном, а именно, в видении судьбы казаков в Советской России. Все они одинаково полагали, что в советской действительности казакам предначертано постепенно исчезнуть, раствориться в массе сельского населения, ибо сословиям в «социалистическом обществе» не было места (по крайней мере, так гласила официальная идеологическая доктрина). Но если представители высших эшелонов власти были намерены осуществить этот процесс постепенно, путем вовлечения «трудового казачества» в «социалистическое строительство», то местные чиновники и активисты из числа иногородних являлись сторонниками радикальных мер и намеревались провести «растворение» казачьих сообществ быстро и жестко (так что зачастую речь шла не о «растворении», а о ликвидации казаков).

[1] Шолохов М.А. Поднятая целина. М., 1960. С. 85.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Именно так, по мнению большевиков, должна была сложиться судьба казаков в стране «победившего социализма». Но, пока до выполнения этой стратегической цели было еще далеко, между представителями разных уровней партийно-советского руководства явно прослеживались противоречия в тактических вопросах отношения к казакам. Противоречия эти были заметны и во время Гражданской войны, и в период нэпа, и впоследствии в ходе «колхозного строительства» на протяжении 1930-х гг.

Большевики, как истые революционеры, еще до прихода к власти в октябре 1917 г. привыкли именовать казаков «нагаечниками», «сатрапами», «опорой самодержавия». Подчиняясь классовым принципам, они, тем не менее, объявили об отсутствии вражды к «трудовому казачеству» и призвали казаков-бедняков и середняков под свои знамена, что дало определенный эффект: как известно, в начальный период Гражданской войны сравнительно небольшая часть казачества поддержала большевиков, а основная масса заняла нейтральные позиции.

Однако попытки большевиков в кратчайшие сроки провести уравнительный земельный передел вызвали протесты казачества, поскольку эта мера затрагивала интересы буквально всех членов казачьих сообществ, а не только зажиточной верхушки. В итоге большинство донских, кубанских, терских казаков выступило против красных. Так, к лету 1918 г. в Донской армии П.Н. Краснова насчитывалось 95 тыс. человек (82 территориальных полка и 12 полков «молодой армии» из казачьей молодежи призывного возраста, не участвовавшей в Первой мировой войне).[1] В то же время в «красных» казачьих частях на Дону насчитывалось примерно 6 тыс. человек.[2] Иными словами, в 1918 г. свыше 80 % донских казаков боролись против большевистского режима, и лишь 18 %

[1] Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне. Ростов н/Д., 1992. С. 56 – 64.

[2] Сыны донских степей / Под ред. В.А. Золотова. Ростов н/Д.. 1973. С. 139; Дедов И.И. В сабельных походах (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на юге России в 1918 – 1920 гг.). Ростов н/Д., 1989. С. 32.

поддержали красных[1] (впоследствии соотношение красных и белых казаков на Дону поменялось, но противников большевиков среди донцов все равно оставалось немало). Сходное соотношение сил наблюдалось и среди казачьих сообществ Кубани и Терека.

Учитывая позицию значительной части (а первоначально – и большинства) казачества, недоброжелательное отношение к казакам со стороны коммунистов сменилось ненавистью. Л.Д. Троцкий вовсе не был одинок, когда призывал своих сторонников по «красному лагерю»: «Уничтожить как таковое, расказачить казачество – вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области».[2] Неудивительно, что именно во время ожесточенного гражданского противостояния 1917 – 1922 гг. (точнее, после появления печально знаменитого циркулярного письма ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.) «расказачивание» на некоторое время приобрело совершенно иной смысл, превратившись из естественно-эволюционного процесса размывания казачьей сословности в систему репрессивно-террористических мер по ликвидации казачества как особой этносоциальной группы российского общества.

Если же говорить о последовательности классовой политики большевиков, то очевидно, что циркуляр от 24 января 1919 г. ее нарушил. Ведь в данном документе прямо отмечалось, что «беспощадный массовый террор» должен быть применен не только к верхушке казачества, но «ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Тем самым казачество приобретало статус однородного сословия «контрреволюционеров», «врагов советской власти», в отношении которого классовые принципы как бы прекращали свое действие. Особенно иезуитскими выглядят следующие слова циркуляра: «… к среднему казачеству необходимо применить все

[1] Венков А.В. Печать сурового исхода: К истории событий 1919 года на Верхнем Дону. Ростов н/Д., 1988. С. 20.

[2] Цит. по: Трут В. П. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. 2004. № 5. С. 96 – 97.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти».[1] Поскольку здесь не было указано, какие именно меры следовало применить к средним слоям казачьих станиц, ясно, что судьба казаков-середняков отдавалась на откуп местным большевистским комиссарам. Это неизбежно должно было привести (и привело) к властному произволу, к увеличению масштабов репрессий, зачастую ничем не оправданных.

Циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. представляет собой одну из первых попыток центрального партийно-советского руководства решить «казачий вопрос» жесткими мерами, путем грубого вмешательства, без учета местных условий. В большинстве случаев такие попытки давали лишь негативные результаты, и переход к осуществлению «расказачивания» методами репрессий и террора не является исключением. Мероприятия по осуществлению январского циркуляра 1919 г. стали одним из важнейших факторов, спровоцировавших антибольшевистские казачьи выступления (Вешенское восстание), которыми воспользовалось руководство «белого лагеря». Забегая вперед, отметим, что и в начале 1930-х гг. попытки Москвы путем демонстративно грубого нажима на казаков добиться выполнения плана хлебозаготовок принесли колхозной системе Северо-Кавказского края больше вреда, чем пользы.

Вместе с тем уже история принятия и реализации вышеозначенного циркуляра показала, что далеко не все большевистские руководители разделяют огульно-враждебное отношение к казачеству. Из-за протестов ряда видных представителей руководства РКП(б) политика террористически-репрессивного «расказачивания» была свернута в кратчайшие сроки.

В целом, несмотря на потери в боях Первой мировой и Гражданской войн, на широкомасштабный «красный террор», на

[1] Письмо ЦК РКП(б) от отношении к казачеству. 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.С. 178.

эмиграцию десятков тысяч казаков вместе с войсками барона П.Н. Врангеля, в 1920-х гг. численность и удельный вес казачества на Юге России были по-прежнему значительны (сказалась, конечно, и объявленная в начале 1920-х гг. советским руководством амнистия всем эмигрировавшим рядовым участникам белого движения, в ходе которой на Родину вернулось примерно 23 тыс. донских казаков[1]). По данным переписи населения 1926 г., в Северо-Кавказском крае насчитывалось свыше 2,1 млн донских, терских, кубанских казаков, что составляло 32,0 % всего сельского населения края. Казаки составляли более-менее значительные группы населения в 65 сельских районах края (примерно 43 % от общего количества районов). Большая часть русских округов края отличалась превалированием или, по крайней мере, значительным удельным весом казачества в общей массе жителей, особенно хлеборобов. Так, среди сельского населения Кубанского округа казаки составляли 58,2 %, Шахтинско-Донецкого – 46,9 %, Армавирского – 46,7 %, Майкопского – 40,6 %, Донского – 37,4 %, Донецкого – 34,3 %, Терского – 30,0 %.[2]

Игнорировать столь заметную по численности и достаточно развитую в экономическом отношении группу населения Северо-Кавказского края ни местные, ни центральные власти не могли, даже если бы и захотели. Ведь, учитывая относительно высокий уровень экономического развития казачьих хозяйств, игнорирование их (а тем более репрессивные меры) неизбежно должно было самым отрицательным образом сказаться на состоянии сельского хозяйства Юга России. Вкупе с рядом других факторов данное обстоятельство способствовало некоторому восстановлению позиций казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека на протяжении 1920-х гг., в период нэпа.

[1] Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005. С. 147.

[2] Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973. С. 48.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Период нэпа в целом характеризуется относительной нормализацией отношений между казачеством, в том числе донцами, кубанцами, терцами, и советской властью в лице партийно-советских чиновников высшего и среднего звена (от членов ЦК до работников райкомов и райисполкомов). Большевики и в данное время по-прежнему продолжали реализовывать политику «расказачивания», однако ее содержание и методы уже не так отчетливо напоминали станичникам о жестоких временах Гражданской войны. Если в условиях Гражданской войны речь открыто шла даже о физической ликвидации казачьих общностей, превращении их в социальный реликт, то в 1920-х гг. советская власть мерами социально-экономического характера пыталась, и небезуспешно, окончательно лишить казаков особого, сословного статуса, уравнять в правах и обязанностях с крестьянами, то есть с бывшими иногородними.[1]

Но, стремясь к установлению гражданского мира в разоренной, обескровленной стране (ибо в тех условиях мир выступал основным условием сохранения прочности большевистского режима), большевики в период нэпа уже не помышляли о покушении на особый уклад казачьей жизни, об искоренении «казачества как такового»; по крайней мере, подобные идеи и призывы не воспринимались всерьез большинством лидеров компартии и советского государства. В обмен на изъявление лояльности советская власть была готова предоставить казакам возможность сохранять и укреплять казачью самость (конечно, в известных пределах). Так, в 1925 г. в русле политики «лицом к деревне» последовала демократизация советов, что привело к заметному увеличению удельного веса в них казаков. Если в 1924 г. в целом по

[1] Как справедливо указывает Я.А. Перехов, ликвидация сословного статуса казачества в 1920-х гг. осуществлялась большевиками в полном соответствии с их классовыми принципами и совершенно открыто (собственно, об этом свидетельствуют уже цитированные выше слова представителей руководства Северо-Кавказского края на III Кубанском окружном съезде Советов в марте 1927 г.). Утверждения о «скрытом», или «латентном», «расказачивании», якобы проводившемся большевиками на протяжении 1920-х гг., источники не подтверждают.

Северо-Кавказскому краю казаки в сельских советах составляли только 28 %, то в 1925 г. – уже 48,1 %.[1]

Было официально признано право казаков хранить и поддерживать свою самобытную культуру, свои обычаи и традиции (если они не очень уж противоречили социально-классовой политике большевиков и не нарушали перемирия между казаками и иногородними). Об этом со всей определенностью было заявлено в изданном в августе 1925 г. циркуляре Северо-Кавказского крайисполкома об учете особенностей казачьего быта, который был направлен всем окружным и областным исполкомам: «казачество должно знать, что Советская власть различает только классовое расслоение, что она относится совершенно одинаково к крестьянину, казаку, горцу. В силу этого казак может оставаться и называться казаком со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие, может петь свои вольные песни, собираться на традиционные вечеринки, оказывать почет старикам и т. д. и т. п.».[2]

Отказ от ликвидации «казачества как такового», предоставленная советским правительством в начале 1920-х гг. амнистия казакам-эмигрантам (и последовавшая затем массовая реэмиграция), декларации советских властей и партийного руководства о желательности активного участия казачьего населения в выборах местных Советов (особенно настойчивые в 1925 г., в связи с кампанией «лицом к деревне») – все это способствовало укреплению казачьих сообществ и дало основание современникам говорить даже об «оказачивании»,[3] то есть о восстановлении дореволюционных позиций казачества.

---

[1] Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.). СПб, 1996. С. 351.

[2] Циркуляр Северо-Кавказского крайисполкома всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей быта казаков и об улучшении воспитательной работы среди них. 26 августа 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). Сб. документов / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962. С. 421 – 422.

[3] Горюнов П. О казачьем вопросе (из наблюдений и опыта работы по Ейскому р-ну Донского округа). Ростов н/ Д., 1925. С. 31.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Вместе с тем, как мы отмечали уже в самом начале данного очерка, «поиск согласия» между советской властью и казачеством осуществлялся под сильнейшим воздействием классового подхода. Далеко не все казаки могли рассчитывать на союз с большевиками, которые не уставали напоминать, что «вовлечение бедняцкого и середняцкого казачества, оказание помощи этим слоям казачества являются одной из наших основных задач», а «что касается вопроса о казаке-кулаке, то наше отношение к нему должно быть таким же, как и к кулаку-иногороднему».[1]

Классовый подход в определенной степени верно отражал и учитывал объективные процессы социально-имущественной дифференциации в среде казачества Юга России. В этом смысле конструирование «казачьей» политики большевиков на основе классового подхода выглядело вполне разумно; полностью отвергать положения и принципы данного подхода не представляется возможным даже сегодня. Да и в любом случае классовый подход препятствовал осуществлению огульно-массовых репрессивных мероприятий в отношении к казакам (хотя никоим образом не гарантировал от необоснованного расширения масштабов гонений на «кулаков» и других «классово чуждых» элементов казачьих станиц Дона, Кубани и Терека).

Но в конкретно-исторических условиях 1920-х гг. классовый подход зачастую не срабатывал, так как казачество демонстрировало высокий уровень корпоративной сплоченности, во многом сглаживавший остроту социально-имущественных противоречий. По образному выражению А.В. Венкова, «компактная масса [казачества], как копна сена в степи, раздергивалась ветрами революции. И несло клочья по выгоревшему, некошеному колючему полю, пока не прибивало, кого к лагерю контрреволюции, кого – к противоположному. Но овеваемая копна, уменьшаясь в размерах, все высилась посреди поля, удерживая, не давая насовсем

[1] Из отчетного доклада Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на IV краевой партийной конференции. 25 ноября 1927 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 49.

оторваться, все стояла в глазах символом единства казачества»; правда, «ветер крепчал…»[1] (и в начале 1930-х гг. порывы «ветра революции» превратятся в ураган, который повыдергивает еще немало клочьев из этой «казачьей копны»).

Вопреки попыткам большевиков противопоставить бедняцко-середняцкие слои казачьих сообществ «зажиточно-кулацкой» верхушке, казаки нередко демонстрировали этой самой верхушке свое доверие, в частности, выдвигая ее представителей в сельские и станичные советы, руководствуясь при этом своими соображениями о народном представительстве. Те же явления, впрочем, были характерны и для крестьянской среды, где зажиточные односельчане расценивались как умелые и рачительные хозяева, которым, соответственно, без боязни можно было доверить и ведение общественных, «мирских», дел.[2] Подобные отношения (электоральный мост) между зажиточной верхушкой и основной массой членов сельских обществ сильно беспокоили большевиков, но в отношении казачества это беспокойство было неизмеримо более острым в связи с проявляемой «кулаками» социально-политической активностью. Как говорил в конце 1920-х гг. полномочный представитель ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимов, «кроме того, что наши кулаки грамотны, большинство из них бывшие командиры и в свое время в казачьих областях они являлись общественными работниками, вождями».[3] Так что у казаков «кулаки» нередко являлись лидерами, в отличие от крестьянских обществ, где к «кулакам» (но именно к «кулакам», то есть сельским предпринимателям-ростовщикам, а не

[1] Венков А.В. Печать сурового исхода… С. 19.

[2] Надо однако подчеркнуть, что в данном случае очень многое зависело от того, каков был моральный облик конкретного зажиточного крестьянина в глазах общины. Если он применял наемный труд в широких масштабах (и при этом плохо относился к батракам, был груб, мало кормил и пр.), если занимался ростовщичеством, заключал кабальные сделки и пр., то в глазах «мира» он выглядел «кулаком-мироедом». Он, конечно, мог пройти в совет при помощи других зажиточных односельчан, но отношение к нему большинства крестьян было резко отрицательным.

[3] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 704, л. 75.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

просто зажиточным крестьянам) односельчане весьма и весьма часто относились враждебно.

Поэтому большевики были весьма обеспокоены прохождением в советы по итогам выборов 1925 г. значительного количества представителей казачьей верхушки. Этот факт был расценен партийно-советским руководством как проявление «кулацкой» антисоветской активности, а не как закономерный итог нормальных отношений в сельских сообществах. По словам того же Е.Г. Евдокимова, «до лозунга «лицом к деревне» кулак, главным образом казачий кулак, отсиживался», а после выдвижения этого лозунга стал активно бороться за проникновение в советы, землеустроительные комиссии и пр.[1]

По этой же причине даже краевое руководство Юга России, не говоря уже о центральных партийно-советских структурах или тем более о местных, низовых чиновниках, настороженно относилось к казачьим сообществам, стараясь не выпускать их из вида. Об этом, в частности, свидетельствует реакция краевого руководства на намерения ЦК ВКП(б) объединить ряд сельских и городских райкомов ВКП(б) в Армавирском и Кубанском округах Северо-Кавказского края. В обоснование своей отрицательной позиции к этой затее заведующий организационно-инструкторским отделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Д. Булатов писал в соответствующий отдел ЦК ВКП(б) в 1928 г., что в этих сельских районах располагаются казачьи станицы, которые «требуют особого внимания к ним и [поэтому] в политическом отношении [здесь] целесообразно иметь самостоятельный сельский райком».[2]

Результатом недоверия (но тут уж недоверие было взаимным) являлся и относительно небольшой удельный вес казаков в рядах коммунистической партии. Северо-Кавказский крайком РКП(б) в феврале 1925 г. отмечал «малое количество членов пар-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 704, л. 74.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 760, л. 340об.

тии из среды казачества» и считал «необходимым, как одну из очередных задач, вовлечение в ряды партии казаков, связанных с сельским хозяйством».[1] Но к июлю 1928 г. в составе Северо-Кавказской парторганизации насчитывалось 3 042 казака, или всего лишь 3,7 % от общей численности южнороссийских коммунистов. Хотя к этому времени численность казаков-партийцев и выросла на 411 человек по сравнению с началом того же года,[2] их представительство в рядах краевой организации ВКП(б) никоим образом не было пропорционально удельному весу в составе населения Юга России. Данное обстоятельство невозможно было расценить иначе, как тревожный симптом, свидетельствующий о наличии напряженных отношений между властью и казачеством. Казаки не желали связывать себя узами морально-нравственной поддержки с правящей «антиказачьей» партией.

Как видим, даже краевое руководство на Юге России, при всей приверженности классовым принципам, весьма настороженно относилось к казакам и в относительно спокойный период нэпа. В то же время члены крайкома, окружкомов, многие члены райкомов ВКП(б) и соответствующих советских структур старались придерживаться «классово-дифференцированной» позиции по отношению к казачеству и не выступали против огульно-враждебного отношения к казакам. Между тем такое отношение к казачеству демонстрировали иногородние крестьяне, сельские активисты и множество руководителей низового звена – приверженцы «этнографически-унитарного подхода».

Надо сказать, что, по мнению центрального и краевого партийно-советского руководства, острота сословных противоречий во время нэпа заметно снизилась по сравнению с предшествующим периодом. Представители власти убежденно констатировали в 1928 г., что «понятию казак [и] хохол пришло на смену понятие

[1] Практические предложения к резолюции пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) «О казачестве». 27 февраля 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). Сб. документов / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962. С. 398.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 151.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

кулак, середняк, бедняк. Классовая борьба[,] развернувшаяся в деревне, станице, нанесла удар казачеству, как единому целому, что в значительной мере сгладило сословную неприязнь, поставив вопрос о сословности на задний план».[1] Чуть позднее в том же духе высказывались члены ЦК ВКП(б), заслушав доклад кубанского окружного руководства. По их мнению, можно было говорить об «ослаблении, в общем, благодаря политике советской власти, сословной розни между казачеством и иногородними».[2]

В определенной степени эти констатации были справедливы. Однако ослабление сословной розни (и, значит, ослабление позиции по отношению к казачеству, разделяемой иногородними и местным руководством) чаще всего было несущественным, а нередко – кажущимся. Сословная вражда, которая в период Гражданской войны приобрела не только социально-экономическое, но и политическое содержание, в период нэпа вовсе не стала историей, так как значительная часть населения Юга России по-прежнему видела в казаках «контрреволюционеров» и «врагов», а соответственно была готова продолжать «классовую борьбу».

Надо признать, что негативное отношение иногородних к казачеству было исторически обусловлено неравным положением тех и других в социально-экономической структуре Российской империи; Гражданская война только усилила эту вражду, но не породила ее. В значительной степени иногородних крестьян, прекрасно ощущавших на личном опыте всю тяжесть своего «второсортного» статуса в казачьих регионах, можно понять. Вдобавок даже после Гражданской войны казаки в массе своей оставались более зажиточными, чем иногородние. По выборочным гнездовым обследованиям, в 1927 г. в массе хлеборобов Северо-Кавказского края 39,9 % составляли батраки и беднота. Но среди казаков удельный вес этих групп равнялся всего лишь 10 – 12 %. Напротив, удельный вес социальных групп в составе сельского

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 151.

[2] Центральный комитет партии о работе Кубанского окркома ВКП(б) // Молот. 1929. 4 января.

населения, отличавшихся более высоким уровнем материального благосостояния, у казаков был выше, чем у иногородних. Если в массе южнороссийских хлеборобов середняцкая группа составляла 55 %, то у казаков – 73–75 %, а зажиточные, соответственно – 6,1 % и 10–12 %.[1]

Подобное положение раздражало иногородних, которые совершенно иначе представляли себе мирную жизнь по итогам Гражданской войны. Поэтому они выражали желание еще раз осуществить любые меры (отнюдь не исключая и насильственных), чтобы свести казаков к своему уровню, а еще лучше – вовсе устранить их куда-нибудь за пределы Юга России. Как отмечал В.Н. Ратушняк, «…трагедия казачества заключалась в том, что большинство его было среднезажиточным, а казак-середняк по своему экономическому уровню был то же, что зажиточный крестьянин центральной российской деревни. Вот почему большинство казаков в конечном итоге подверглось репрессиям».[2] С оценкой, что «большинство» казаков подверглось репрессиям в советское время, вряд ли можно согласиться, но в остальном приведенное суждение представляется абсолютно справедливым: действительно, во время «раскулачивания» пострадало немало казаков среднего достатка, поскольку с точки зрения иногородних это были самые настоящие «кулаки».

Также надо признать, что казаки не являлись невинной жертвой иногородних, так как нередко сами, своими действиями предоставляли последним вполне весомые причины для возмущения. В период нэпа, в условиях «оказачивания», казаки иной раз чувствовали себя настолько сплоченными и сильными, что заявляли о нежелании терпеть рядом с собой иногородних и даже принимали решения об их выселении, дабы не дробить станичный земельный фонд. Например, в 1925 г. Кубанский окружком ВКП(б)

[1] Баранов А.В. Социальное и политическое развитие северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.). СПб, 1996. С. 275.

[2] Ратушняк В.Н. Выступление на конференции по проблеме расказачивания // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 50.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

докладывал краевому руководству, что во время землеустройства сословная рознь «в ряде станиц на почве земельных отношений доходила до того, что выносились постановления о полном выселении из станиц всего иногороднего населения»; так, в частности, произошло в станицах Полтавской и Тимашевской. Согласно тому же докладу, «всякий земельный передел неизбежно встречает со стороны казачества следующие возражения: «что мы[,] обязаны наделять землей Ставропольцев, воронежцев и прочих, которые бросили свои земли и прут в станицы».[1]

Естественно, ответная реакция иногородних была столь же негативной, тем более что они не без оснований надеялись, что советская власть поддержит их антиказачий протест. В этой связи весьма показательно, что иногородние открыто возмущались отменой ограничений в отношении казачества во время кампании «лицом к деревне», заявляя местным властям: «почему надо снова делить на звания «казак» и «крестьянин»?... слишком много уделяется внимания казаку: дали ему название «казак», а потом дадите атаманство».[2] Подобные действия большевиков, по мнению иногородних, являлись предательством, так как они привыкли считать, что являются на Юге России социальной опорой режима, в отличие от казаков, настроенных антисоветски.

На протяжении 1920-х гг. представители власти неоднократно отмечали факт негативного отношения иногородних к казакам. Как говорил председатель центральной казачьей комиссии С.И. Сырцов на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1925 г., «победу Советской власти казаки восприняли как победу иногородних, а иногородние восприняли перемену положения в том смысле, что с казачьей властью покончено, что теперь власть иногородних и во многих местах стали проявлять тенденцию поставить казачество на такое бесправное положение, в котором в недалеком

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 149.

[2] Цит. по: Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. Ч. 2. Ростов н/Д., 1996. С. 86.

прошлом находилось само иногороднее население».[1] Даже в 1928 г. представители краевого руководства на Юге России признавали, что «довольно крепко укоренилось чувство неприязни к казаку и со стороны иногородних. Иногда это проявляется довольно резко со стороны иногородцев, хотя бы заявлениями о том, что казаки ныне побежденное сословие и их можно поприжать за старое, опять[-]таки это проявлялось в моменты землеустройства, переделов и каких[-]либо внутристаничных дел».[2]

В ряде случаев иногородние высказывали даже намерения физически ликвидировать казаков, как это было во время Гражданской войны. «Дайте нам приказ убить по двадцать человек казаков и кулаков на каждого… Мы их все равно помаленьку вырежем,..» – такие выкрики звучали на собрании бедноты станицы Анастасиевской Северо-Кавказского края летом 1925 г., в самый разгар нэпа.[3]

С 1927 г., ввиду осложнения международной обстановки и ожидания войны СССР с капиталистическими странами (что оживило надежды антисоветски настроенной части общества на иностранную интервенцию и падение большевиков), вражда между казаками и иногородними вылилась в ряд открытых конфликтов. В преддверии ожидавшейся войны с Англией, в 1927 г., один из бывших «красных партизан» станицы Воронежской озвучил настроения иногородних крестьян: «первым долгом перед войной надо выбить заядлых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд».[4] Казаки не остались в долгу: например, в том же году в станице Старокорсунской были зафиксированы случаи избиений казаками иногородних.[5] Летом 1929 г., во время проведе-

[1] Цит. по: Почему гражданская война в казачьих районах протекала с необычайной остротой. Материалы апрельского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б). Содоклад С.И. Сырцова о положении казачества. Публикация подготовлена Я.А. Переховым и С.А. Кислициным // Вестник партийного активиста. 1990. № 16. С. 11.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 149.

[3] Цит. по: Баранов А.В. Многоукладное общество… С. 278.

[4] Цит. по: Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.). СПб, 1996. С. 281.

[5] Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа… С. 295.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ния уравнительного землеустройства, казаки станицы Новомышастовской стали распускать слухи о том, что «в ночь под 1 августа будет казачьей частью населения устроена «черная ночь», т. е. в которую будет проходить избиение бедноты и иногородних». Характерно, что иногородние восприняли эти слухи очень серьезно, «так как в ночь на 1 августа большинство иногородней бедноты не спало, были случаи, когда бедноты собиралась по 20 человек в один дом, вооружалась, чем может, и ждала «черной ночи», многие бедняки выезжали на эту ночь в степь. Женщины-беднячки соседки собирались по три-четыре семьи, чтобы не так было опасно, прятались на чердаках и т. п.».[1] Хотя ничего страшного в эту «черную ночь» таки не случилось, но обращает на себя внимание сам факт реакции иногородних, которые, видимо, имели все основания ожидать от казаков враждебных и жестоких действий. Подобные приступы казакофобии разрушали позитивные общественные настроения в южнороссийской деревне.

Таким образом, под влиянием объективных условий периода нэпа, на Юге России сословная вражда между иногородними и казаками, в которой были повинны обе стороны, сохранялась. Она препятствовала нормализации общественной жизни и интеграции казачьих сообществ в социально-политическую структуру Советской России (Советского Союза). Кроме того, вражда эта таила в себе опасность перехода иногородних, активистов, местных властей к массовым антиказачьим акциям, как это было во время Гражданской войны. Скрытая конфликтогенность имела большой разрушительный потенциал.

Такая возможность в тех условиях была более чем реальна. Ведь, как тонко подметил В.С. Сидоров, несмотря на все попытки установить гражданский мир в стране в 1920-х гг., «военно-коммунистическое сознание поддавалось под усилиями нэпа, но

[1] Из письма курсанта Кубанской окружной совпартшколы К.Ф.Пальчикова об антисоветской агитации кулачества в станице Новомышастовской. 2 августа 1929 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). Сб. документов и материалов / Под ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981. С. 52 – 53.

только наподобие сжимавшейся пружины».[1] В случае смены государственной политики, в случае отказа от нэпа напряженные отношения между казаками и иногородними должны были перерасти в открытый конфликт и, следовательно, сжатая пружина «военно-коммунистического сознания» на Юге России неминуемо должна была развернуться.

Так и произошло в конце 1920-х гг., когда политика нэпа была свернута. Сталинский режим, добиваясь осуществления в кратчайшие сроки модернизации страны и стремясь одновременно укрепить свое положение, широко применил по отношению к советскому обществу репрессивно-террористические методы и позволил своей социальной базе в деревне, – маргинально-неимущей части сельского населения, – заняться выявлением и устранением всех «классово чуждых» и «контрреволюционных» элементов среди сельского населения. Естественно, что значительную часть среди этих элементов на Юге России, по мнению иногородних, составляли казаки.

Еще в 1919 г. Л.Д. Троцкий в своих «Тезисах о работе на Дону», сам того не желая, пророчески написал, обращаясь к казакам: «Мы ничего не забываем». Концовка этой фразы («но за прошлое не мстим»[2]) соответствовала действительности в гораздо меньшей степени, чем ее начало. Радикальные большевики и маргинально-радикальная часть общества (то есть беднейшие его слои, являвшиеся социальной базой большевистского режима) активно ностальгировали по временам «военного коммунизма» и искренне мечтали о том, как бы «отомстить» казакам. Эпоха «великого перелома» предоставила им такой исторический шанс социального реванша. В конце 1920-х гг. «пружина военно-коммунистического сознания» развернулась и с огромной разрушительной силой ударила по советской деревне, в том числе – по казачьим станицам Дона, Кубани и Терека.

---

[1] Крестная ноша. Трагедия казачества. Часть I. Как научить собаку есть горчицу. 1924 – 1934. Сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994. С. С. 278.

[2] Цит. по: Перехов Я.А. Власть и казачество… С. 44.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Очерк второй
Позиция органов власти по отношению к казачеству Юга России в период коллективизации

Предпринятый нами краткий экскурс в историю взаимоотношений большевиков и казачества в 1917–1929 гг. призван подчеркнуть существование двух различных позиций по «казачьему вопросу» («классово-дифференцированной» и «этнографически-унитарной»), которых придерживались, с одной стороны, соответственно, представители высших и средних эшелонов партийно-советского руководства и, с другой – большинство иногороднего населения Юга России вкупе с чиновниками местного уровня и сотрудниками правоохранительных и карательных органов. Факт существования этих двух позиций, среди которых «классово-дифференцированная» являлась относительно взвешенной и позитивной, необходимо особо подчеркнуть, поскольку, как справедливо указывал П.Г. Чернопицкий, в постсоветской историографии укоренился миф «о том, что Советская власть все время проводила по отношению ко всему казачеству только одну, репрессивную политику».[1] В реальности же, как свидетельствует масса исторических источников, в казачьей политике (а вернее, в практике ее осуществления) явно выделялись полярные позиции разноуровневых органов власти (кратическая полярность).

Разность возникших еще в 1917 – 1929 гг. позиций по отношению к казакам (в том числе к донским, кубанским и терским) являлась тем важным фактором, который оказал весьма существенное влияние на положение казачества Юга России в период сплошной форсированной коллективизации, развернутой сталинским режимом в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В это время по-

[1] Чернопицкий П.Г. Об одном историческом мифе // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. – Краснодар, 1996. С. 277.

пытки сохранить классовые основы казачьей политики большевиков соседствовали с массой антиказачьих акций, огульно направленных против казаков как таковых.

Коллективизация была инициирована и направлялась сталинским режимом, стремившимся путем повсеместного создания колхозов «как сдатчиков хлеба»[1] и вовлечения в них подавляющего большинства крестьян обеспечить высокие темпы индустриализации, снабдить продовольствием увеличивающееся городское население и вооруженные силы. Но осуществляли коллективизацию в каждом конкретном селе, станице, хуторе представители местного руководства совместно с активистами, то есть местными же жителями из числа батраков и бедняков – социальной опоры советской власти (тот факт, что на помощь им постоянно присылались двадцатипятитысячники и разного рода инструкторы и уполномоченные районных властных структур, практически ничего не менял). Для этих людей постановления и распоряжения вышестоящих партийно-советских органов являлись лишь законным мотивом, отправной точкой деятельности по проведению «колхозного строительства». Сама же деятельность конкретных коллективизаторов осуществлялась в соответствии с местной спецификой, с их представлениями о том, кто такой «кулак», «подкулачник», «контрреволюционер», «середняк» и т. п. В этих условиях различные указы, постановления, распоряжения и директивы «центра» находили весьма причудливое воплощение на местах. Более того, зачастую практика реализации этих постановлений и директив прямо противоречила их содержанию. Происходила своеобразная бюрократическая конверсия.

Добавим, что роль местных органов власти заметно повышалась в отсутствие детально разработанных и четких планов «кол-

[1] Эта знаменитая характеристика колхозов, доказывавшая, что они с самого начала рассматривались большевистским руководством как подчиненные государству, бесправные сельхозпредприятия, была применена И.В. Сталиным во время его выступления перед сибирскими партийно-советскими работниками в январе 1928 г. (См.: Сталин И.В. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 5).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

хозного строительства»[1] из-за непоследовательности самого центрального руководства. Все это вело к «перегибам», то есть к произволу местных властей, буквально захлестнувшему в период коллективизации российскую деревню, в том числе казачьи станицы (не следует также забывать, что зачастую местные коллективизаторы использовали развертывание репрессий и «раскулачивания» для сведения личных счетов с их собственными врагами из числа односельчан).

Факт повсеместного распространения «перегибов» был настолько очевиден, что признавался даже органами власти и самим И.В. Сталиным. Об этом, например, говорилось в проекте доклада Президиума ВЦИК в ЦК ВКП(б) о признаках зажиточности крестьянских хозяйств, разработанном в июне 1932 г.: «Последнее время… зажиточно-середняцкие хозяйства политически отождествляются с кулацкими, грань между ними фактически исчезает, политическая линия партии стирается. А так как признаки зажиточности нигде не указаны, то фактически открываются возможности подводить под раскулачивание любое середняцкое хозяйство. Практика дает сотни и тысячи случаев раскулачивания бедняцко-середняцких и просто бедняцких хозяйств».[2] А в мае 1933 г. в секретной директиве-инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР о прекращении массовых репрессий в деревне, направленной местным властям, прямо признавалось, что подобного рода меры задевают, «как известно (sic! – авт.), не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».[3]

---

[1] Факт отсутствия у центрального руководства детально разработанных планов коллективизации, как известно, признал сам И.В. Сталин. Когда на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) С.И. Сырцов стал говорить о многочисленных «перегибах», административном нажиме и, в конечном итоге, о недостаточной подготовке коллективизации, Сталин, фактически оправдывая «перегибщиков», иронически вопросил: «Вы думаете, что все можно "предварительно организовать"?» (Материалы ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). 12, 14 – 15 ноября 1929 г. // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 764).

[2] Проект доклада ВЦИК в ЦК ВКП(б) о признаках зажиточности крестьянских хозяйств. 13 июня 1932 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 386.

[3] Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения». 8 мая 1933 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 747.

«Перегибы» и злоупотребления властей в ходе «колхозного строительства» были тем более многочисленны, что сталинский режим, во-первых, сам их и провоцировал своими распоряжениями о проведении коллективизации в кратчайшие сроки, путем «зверского нажима». Во-вторых, ни сам И.В. Сталин, ни кто-либо из его окружения не думали вести решительную борьбу с «перегибами» и фактически их поощряли, видя в зачастую немотивированных, неоправданных репрессиях средство ускорения «колхозного строительства»: ведь крестьяне и казаки, устрашенные широкомасштабным террором, быстрее вступали в колхозы (а невинным жертвам властного насилия оставалось лишь уповать на то, что «Бог на небе узнает своих»). Так что «перегибы» являлись не издержками «колхозного строительства», но непременными его атрибутами, которые, по существу, приветствовались сталинским режимом.

Широкие возможности практически ничем и никем не ограниченного административно-репрессивного произвола, предоставленные в годы коллективизации местным чиновникам и активистам, на Юге России были ими использованы, помимо прочего, и для реализации своей позиции по отношению к казачеству. Различные источники (постановления и резолюции органов власти, доклады, информационные сводки, сообщения ОГПУ, эпистолярные источники, в том числе письма самих казаков, а также воспоминания современников) убедительно свидетельствуют, что в период «колхозного строительства» были воскрешены худшие сценарии Гражданской войны, когда огульная враждебность к казакам переросла в массовые антиказачьи акции.

Уже в апреле 1930 г. в краевой газете Северо-Кавказского края «Молот» была помещена публикация, в которой признавалось существование огульно-враждебного отношения к казачеству среди местного руководства и активистов: «**левые**» (здесь и далее выделено цветом в соответствии с источником – *авт.*) головотяпы расценивают все казачество, сплошь, как враждебную социализму силу. Они не хотят **отличить** казака-середняка от ка-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зака-кулака. Отсюда – «теория» неизбежных конфликтов с казачеством, в том числе и середняцким. Отсюда – прикрытая фиговым листком «левой» фразеологии антипартийная практика **подавления** середняка-казака вместо **переделки** его психологии, игнорирования – вместо привлечения и т. д.».[1]

О существовании той же проблемы в общих чертах говорилось в докладной записке под длинным названием «Материалы проверки выполнения Северо-Кавказским Краевым Комитетом ВКП(б) постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г. по вопросам подъема и реконструкции сельского хозяйства края». Записка, датированная 4 февраля 1931 г., была подписана ответственным инструктором ЦК ВКП(б) О. Галустяном и предназначалась для членов Центрального комитета партии, в связи с чем в ней достаточно подробно и объективно анализировался ход «колхозного строительства» в Северо-Кавказском крае. Помимо прочего, здесь прямо указывалось: «мешает иногда завершению сплошной коллективизации искажение линии партии в практике отдельных парторганизаций. Особенно это нужно отметить в отношении середняка-казака. В ряде организаций, бывших казачьих округов, отмечаются до сего времени еще факты, характеризующие непонимание отдельными руководителями-коммунистами линии партии в отношении бедняцко-середняцкого слоя казаков-единоличников (игнорирование, огульное подведение их под категорию контр-революционеров, отсутствие политическо-массовой работы с бедняцко-середняцким казачеством, недостаточное вовлечение их в участие в советском и социалистическом строительстве)».[2]

Это не были пустые слова. В самой записке содержится относительно немного примеров усиления репрессивно-карательных мер в отношении казаков во время коллективизации. Но массу такого рода примеров можно отыскать в других документах, в кото-

[1] Цалюк Д. Наши классовые задачи и работа среди трудового казачества // Молот. 1930. 27 апреля.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 23.

рых повествуется о «раскулачивании» казаков, о репрессиях против «контрреволюционеров» из состава казачества, и в целом, – о том, что приверженцы «этнографически-унитарной» позиции в конце 1920-х – начале 1930-х гг. неоднократно и повсеместно проводили огульно-массовые антиказачьи акции.

В ходе «раскулачивания» (в 1930 г. в Северо-Кавказском крае было «раскулачено» 50–60 тыс. хозяйств[1]) пострадало немало казаков, поскольку, как уже отмечалось, их хозяйства по своим экономическим показателям нередко превосходили хозяйства крестьян. К тому же именно зажиточные казаки (как и зажиточные крестьяне) и казачья интеллигенция, в том числе военная, отличались наибольшей социально-политической активностью и были наиболее опасны для «колхозного строительства»: достаточно вспомнить в этой связи процитированные нами выше слова Е.Г. Евдокимова о том, что «кулаки» из среды казачества являлись для остальных представителей своего сословия «вождями».

Точный процент казачьих хозяйств в общей массе «раскулаченных» установить затруднительно, поскольку такого рода статистика не велась (во всяком случае, это задача будущих исследований). Очевидно, однако, что процент этот был весьма и весьма значителен. Не случайно первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев признавал в январе 1931 г., что осуществление «раскулачивания» в крае породило среди казаков слухи о повторной попытке «расказачивания».[2] Вместе с тем утверждения о том, что в первой половине 1930-х гг. было «раскулачено» и депортировано из Северо-Кавказского края «более миллиона казаков» (то есть примерно половина от их численности в 1926 г.) выглядят поспешными и необоснованными; столь же необоснованны, на наш взгляд, и по-

[1] Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в Северо-Кавказском каре. Не ранее 20 сентября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 642; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя… С. 201.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7,оп. 1, д. 1074, л. 23.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

пытки трактовать «раскулачивание» как продолжение политики «расказачивания».[1]

Собственно, «раскулачивание» не является наиболее ярким примером того, что в период коллективизации приверженцы «этнографически-унитарной» позиции по отношению к казачеству получили возможность на практике осуществить свои намерения по ликвидации казачьих сообществ. Ведь «кулаки» в любом случае признавались «классово-чуждыми элементами» в советском обществе, неважно, принадлежали они к казачьему сословию или нет (другое дело, что казаки чаще подвергались «раскулачиванию», чем иногородние, но отмеченная тенденция объяснялась не столько антиказачьими настроениями конкретных коллективизаторов, сколько более высоким уровнем экономического развития казачьих хозяйств).

Гораздо показательнее тот факт, что в условиях «колхозного строительства» представители местных органов власти, активисты, сотрудники репрессивно-карательных органов осуществляли акции, направленные против казаков вообще. Эти акции, как правило, носили частный характер и ограничивались пределами сельских населенных пунктов; невозможно утверждать наличие среди местного руководства некоего «антиказачьего сговора» (но очевидна подверженность местных властей, и особенно сотрудников ОГПУ – НКВД, антиказачьим настроениям). Происходил как бы спонтанный точечный социальный реванш в отношении казачества. Однако, судя по свидетельствам источников, подобного рода акции были распространены повсеместно. Так что в конечном итоге представляется возможным говорить о широкомасштабных, хотя и разрозненных, гонениях на казачество как таковое в первой половине 1930-х гг., во время не только собственно сплошной форсированной коллективизации (которая, если следовать заявлениям И.В. Сталина, была завершена в основных

[1] Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь) / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. Ростов н/Д., 2003. С. 87.

зерновых районах страны в начале 1933 г.), но и в процессе дальнейшего «колхозного строительства».

Основанием для этих гонений выступала не только (зачастую – не столько) принадлежность того или иного казака к числу «кулаков». Мотивами репрессий нередко служило исполнение казаком в дореволюционный период тех или иных административных обязанностей в станице (атаман, помощник атамана, писарь и т. п.), его участие в давно минувшей Гражданской войне на стороне белых (а против большевиков воевала тогда преобладающая часть казачества), пребывание некоторое время в эмиграции и т.п. Более того, не столь редко основанием для антиказачьих акций служило ни что иное, как сама принадлежность определенного лица к казачьим сообществам. Как далее будет показано на конкретных примерах, на Юге России в начале 1930-х гг. местные чиновники и активисты доходили до того, что демонстрировали недоверие казаку (со всеми вытекающими последствиями в виде исторжения из социальных связей или репрессий) просто потому, что он – казак.

По справедливому замечанию В.В. Гаташова, в период коллективизации «принадлежность к казачеству, участие в годы Гражданской войны на стороне белых могло служить основанием для зачисления середняков, отвергавших коллективизацию, в разряд кулаков».[1] Действительно, в годы «колхозного строительства», когда понятие «кулак» приобрело не столько социально-экономическое, сколько социально-политическое содержание, основанием для причисления сельского жителя к «кулачеству» могло стать не только применение им в своем хозяйстве наемного труда или относительно высокий уровень материального благосостояния, но и «неудобные» факты его биографии (такие, например, как участие в Белом движении), а также негативное отношение к советской власти, коллективизации, колхозам. При этом совершенно не брался в расчет уровень материального благосостояния или какие-либо

[1] Донская история в вопросах и ответах… С. 293.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

экономические критерии, отличавшие «кулацкие» хозяйства от собственно крестьянско-казачьих: достаточно было хотя бы одного неосторожного высказывания в осуждение властного насилия и произвола, и новоиспеченный «кулак» брался на заметку соответствующими органами.

Поэтому в ходе осуществления «раскулачивания» в начале 1930-х гг. карательно-репрессивные органы и местные власти Юга России нередко причисляли к «кулакам» или просто «противникам колхозного строя» тех казаков, которые являлись «бывшими белогвардейцами» (именно такое устойчивое словосочетание доминирует в документах ОГПУ – НКВД по отношению к данной категории «классово чуждых» лиц), репатриантами и пр. Подчеркнем лишний раз, что к «бывшим белогвардейцам» могло быть причислено большинство казаков (это то, что О. Галустян в цитированной нами записке называл «огульное подведение казаков под категорию контр-революционеров»); данное обстоятельство придавало всем этим антиказачьим акциям действительно массовый характер.

Причем, как свидетельствует разработанный в начале января 1930 г. проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о «раскулачивании» (который мы подробнее рассмотрим чуть далее), представители краевого руководства на Юге России в этом случае были полностью солидарны с местными чиновниками, видя в «бывших белогвардейцах», особенно казачьих офицерах, репатриантах, «казачьих идеологах и авторитетах» реальных и потенциальных «контрреволюционеров».

Надо сказать, что в начале 1930-х гг. служба того или иного казака в Белой или Донской армиях формально-юридически уже не могла быть квалифицирована как преступление: ведь еще в начале 1920-х гг. большевики сами же амнистировали рядовых участников белого движения. Но для сталинского режима (а тем более для множества его рядовых, низовых представителей) срока давности не существовало: казак-«белогвардеец», казак-

«контрреволюционер» времен Гражданской войны оставался таким же в глазах властей и в Советской России, несмотря на минувший десяток лет. Поэтому в условиях форсированной коллективизации для массы казаков, в лояльности которых представители власти сильно сомневались, факт участия в Гражданской войне на стороне белых сам по себе уже являлся отягчающим обстоятельством, а нередко и основой для репрессий.

Для сотрудников ОГПУ – НКВД, которые на всем протяжении 1930-х гг. пытались репрессивно-карательными мерами наладить эффективное функционирование колхозной системы, принадлежность казака к числу «бывших белогвардейцев» служила наилучшим доказательством его враждебности к советской власти или колхозам, его «вредительских» намерений или непосредственно «вредительства». В документах карательных органов неоднократно подчеркивается принадлежность казаков, выступавших против колхозной системы (или попросту критиковавших ее в кругу знакомых и односельчан), к числу «бывших белогвардейцев».[1] При этом зачастую сложно понять, что именно стало основным мотивом репрессий против этих казаков: то ли их антиколхозная деятельность, то ли участие в Белом движении.

Так, в августе 1933 г. в колхозе им. Шевченко Старо-Минской МТС одноименного района Северо-Кавказского края за неудовлетворительное выполнение служебных обязанностей и злоупотребление своим положением была арестована практически вся верхушка административно-управленческого аппарата: председатель, ряд членов правления, завхоз, кладовщик. Это, в общем-то, вполне ординарное событие: в первой половине 1930-х гг. колхозные администраторы очень часто подвергались арестам либо из-за того, что не могли наладить эффективное функционирование вверенных им колхозов, либо по причине непомерного пьянства, растрат, хищений и других злоупотреблений властью. Таким путем сталинский режим пытался наладить нормальную работу колхозной сис-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 136; д. 112, л. 141, 142; д. 114, л. 49.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

темы, не замечая, что борется преимущественно со следствием, но не с побуждающей причиной.

Однако аресты управленцев колхоза им. Шевченко имели одну особенность: вместе с провинившимися колхозными чиновниками аресту подверглись также некоторые рядовые колхозники, «юридически не занимавшие руководящие должности», но, по утверждениям сотрудников ОГПУ, «фактически решавшие основные вопросы в жизни колхоза». Среди этих закулисных кукловодов, которые, якобы, оказывали негативное влияние на колхозных администраторов и исподволь разваливали колхоз, были в первую очередь указаны кубанские казаки, служившие в Белой армии или относившиеся к казачьей верхушке: Д.Ф. Чепурной, «бывший белогвардеец, подхорунжий, служил в личном конвое ген.[ерала] Врангеля и в карательном отряде ген.[ерала] Павлюченко», Н.П. Ганжа – «сын пом.[ощника] атамана» (видимо, имелся в виду станичный атаман), и др.[1]

Сходный пример относится ко второй половине февраля 1934 г. В это время в колхозе «Краснореченский» станицы Чернореченской Лабинского района Азово-Черноморского края была ликвидирована «к[онтр]-р[еволюционная] вредительская, саботажническая группировка», состоявшая почти исключительно из работников колхозной администрации. Эти «микротираны»[2] были обвинены сотрудниками ОГПУ в том, что они занимались «систематическим расхищением и приведением в негодность продовольственных фондов колхоза, избиением колхозников, искусственным созданием тяжелых материальных условий для работы и существования в колхозе социально-близкой нам прослойки колхозников».[3] В отношении главных обвиняемых специ-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 90 – 91.

[2] Выражение Ш. Фицпатрик. См.: Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 388.

[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 6. Надо сказать, что злоупотребления администраторов колхоза «Краснореческий» не являлись чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. В источниках, например, содержится масса свидетельств о склонности

ально подчеркивалась их принадлежность к кубанскому казачеству и участие в антибольшевистских формированиях в период Гражданской войны. Отмечалось, что «бригадир-завхоз» Д.Ф. Кучмасов, который преимущественно и занимался избиениями рядовых колхозников, – казак станицы Чернореченской, «сын кулака», «бывший белогвардеец». Так же характеризовались бригадир 2-й бригады П.К. Чихонин и Я. Ф. Кучмасов – рядовой колхозник, брат Д.Ф. Кучмасова. Сотрудникам ОГПУ не удалось раздобыть компрометирующих сведений о «классовой чуждости» председателя колхоза И.Н. Болдинова (также арестованного) и о его участии в Белом движении, зато они не преминули указать, что он является казаком станицы Губской Лабинского района Азово-Черноморского края.[1]

Любопытно, что в сообщении о злоупотреблениях администраторов колхоза «Краснореченский» ничего не говорилось о принадлежности избитых Д.Ф. Кучмасовым станичников к кубанскому казачеству (в документе названы, с оговоркой «в частности», шесть пострадавших; то есть в реальности их могло быть и больше). Указывались лишь их социальные характеристики: почти все эти люди являлись членами колхоза, в прошлом – батраками.[2] Представляется невероятным, чтобы все пострадавшие были иногородними (ведь в противном случае работники ОГПУ не упустили бы возможности сказать хоть полслова о продолжавшихся бесчинствах зажиточных казаков над иногородним населением). Скорее всего, сословная принадлежность пострадавшей стороны не интересовала работников карательных органов: им важно было подчеркнуть факт угнетения «пробравшимися» в колхоз «кулаками» батраков и бедняков, «классово-близких»

колхозных чиновников к рукоприкладству, избиениях ими рядовых колхозников даже за мелкие провинности. См., например: ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 241, 251 – 252; д. 22, л. 86; д. 111, л. 142, 205; д. 112, л. 209; д. 115, л. 34, 54, 73, 74, 76 – 81, 114; ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 548, л. 39; Анциров. Танцура избивает колхозников // Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС. 1934. 9 сентября

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 5.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 8.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

большевистскому режиму. Подобная расстановка акцентов в данном конкретном примере лишний раз свидетельствует о том, что в первой половине 1930-х гг. большинство представителей местного руководства на Юге России были подвержены антиказачьим настроениям и вкладывали в понятие «казак» сугубо негативное содержание, превращая его в синоним «контрреволюционера», «врага советской власти» и т.п.

Приведем и еще один весьма характерный пример. Во время весенней посевной кампании 1934 г. в Северной области[1] Азово-Черноморского края обнаружилось, что тягло находится в ужаснейшем состоянии: как признавали представители власти, «по меньшей мере» половина тяглового скота вышла из строя вследствие бескормицы, а в ряде колхозов работоспособными оставались не более 30 % волов и коней. Сотрудники ОГПУ немедленно объявили причиной истощения и падежа скота «вредительство». В специально подготовленной ОГПУ в марте 1934 г. докладной записке «О падеже тягловой силы в Северной области и деятельности вокруг этого к[онтр]-р[еволюционного] элемента» указывалось: «в деле сохранения тягла мы имеем определенное притупление классового чутья в районах [и] колхозах, определенную недооценку значения живого тягла на современном этапе. Максимум внимания переключен был только на механическую тяговую силу, волом и лошадью занимались недостаточно», чем и воспользовались вредители.[2] Доказывая правоту выдвинутой ими версии, работники карательных органов ударными методами отыскали «вредителей»: таковыми оказались ветперсонал, конюхи и воловники[3] коллективных хозяйств Северной области.

При этом в уже цитированной докладной записке усиленно подчеркивалась принадлежность едва ли не всех «вредителей»

---

1 В границах Северной области Азово-Черноморского края (с 1935 г. – Северо-Донского округа) объединялись северные районы современной Ростовской области: Белокалитвенский, Верхнедонской, Вешенский, Глубокинский, Каменский, Кашарский, Миллеровский, Морозовский, Обливский, Тарасовский, Тацинский, Чертковский.

2 ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 123.

3 Воловник – работник колхозного животноводства, осуществлявший уход за волами.

(большинство из которых, учитывая специфику верхнедонских районов, были казаками) к числу «бывших белогвардейцев». Таковыми, например, были объявлены ветработники Вешенского района И.А. Демин, Ф.А. Ланченко, П.В. Попов, заведующий конефермой колхоза «1-я конная армия» Каменского района Криворогов, воловники колхоза «Путь к социализму» Тацинского района Саломатин, Петренко, Васильченко, бригадир 2-й бригады колхоза «Новая жизнь» Верхнедонского района И. Дерябкин (в отношении него подчеркивалось, что он – «активный белогвардеец, репатриант»), члены той же бригады Е. Дерябкин («активный участник к[онтр]-р[еволюционного] восстания»), Рябухин (просто «участник к[онтр]-р[еволюционного] восстания»), и т. д.[1]

Еще более тяжким обвинением для того или иного казака, попавшего в зону внимания ОГПУ, являлась его принадлежность к числу реэмигрантов, к числу казаков, вернувшихся на Родину из-за рубежа в 1920-х гг. по предоставленной советской властью амнистии. Казаки-реэмигранты (или, как нередко писали составители сводок ОГПУ, «репатрианцы»[2]) чуть ли не автоматически считались «врагами», поскольку когда-то имели несчастье скрыться на территории других стран от наступавшей Красной Армии (а потом имели еще большее несчастье вернуться на Родину, оказавшуюся на самом деле мачехой). Логика здесь была проста: если эмигрировал, то чувствовал за собой вину, значит, был настоящим врагом советской власти, значит, может вновь стать ее врагом. То, что в данной ситуации на казаков, по ироничному выражению А.И. Козлова, «навешивали дохлых собак»,[3] (то есть припоминали прошлые грехи, при фактическом отсутствии противоправных деяний в настоящем), сотрудников ОГПУ нисколько не смущало.

В ряде случаев репатрианты, которые в силу убеждений весьма критично оценивали политику и конкретные мероприятия

1 ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 213 – 221.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп.1, д. 111, л. 13.
[3] Козлов А.И. М.А. Шолохов: времена и творчество. Ростов н/Д., 2005. С. 443.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

большевиков, давали сотрудникам ОГПУ основания для подозрительности и, значит, – для репрессий (ведь в 1930-х гг. побудительным мотивом для карательных мер в отношении тех или иных противников сталинского режима служили отнюдь не противоправные действия или хотя бы решение суда, а всего-навсего голословное обвинение, навет или попросту подозрение). Так, в начале января 1934 г. колхозник-репатриант из сельхозартели «Путь Ильича» Морозовского района Северо-Кавказского края неосторожно озвучил свое негодование действиями коллективизаторов: «если бы узнал, где имеется банда, вступил бы в нее и начал бы расстреливать эту свору, которая закабалила нас. Эх, хотя бы скорей организовать ее!». Естественно, что после столь резких слов он был арестован,[1] хотя понятно, что это высказывание само по себе не содержало состава преступления: вряд ли кто-либо смог бы убедительно доказать, что возмущенный репатриант все же войдет в состав банды.

Чаще всего однако принадлежность казака к репатриантам сама по себе служила обвинением либо обстоятельством, отягчающим вину. Например, весной 1934 г. в одном из колхозов Мешковской МТС Азово-Черноморского края была «вскрыта и ликвидирована» (еще одно устойчивое словосочетание из документов ОГПУ-НКВД) «хищническая группировка»[2] из 6 человек. Как обычно, в отношении каждого участника группировки были указаны анкетные данные с явным обвинительным уклоном

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 17.

[2] В данное время, в соответствии с принятой в документах ОГПУ-НКВД классификацией, «контрреволюционные группировки» делились на повстанческие, разложенческие, хищнические, вредительские (часто упоминаются и смешанные группировки, например, хищническо-разложенческие). Как можно понять по имеющимся документам, повстанческими группировками объявлялись группы сельских жителей, имевших неосторожность затронуть в своих разговорах тему народных восстаний против советской власти. Разложенческие группировки – группы лиц, критиковавших колхозные порядки и призывавших колхозников не участвовать в общественном производстве из-за низкой оплаты труда, тяжелых условий работы и пр. Хищнические группировки – группы лиц (нередко представители колхозной администрации), совершавших хищения колхозной собственности. Вредительские группировки – группы лиц, портивших колхозный инвентарь, калечивших скот и т. п.

(подчеркивалось, что большинство арестованных относились к «кулакам», имели осужденных родственников или сами в недалеком прошлом имели судимости и пр.). При этом относительно одного из арестованных участников данной «хищнической группировки» сотрудники карательных органов сочли возможным указать единственную характеристику – «репатриант».[1] Как видим, в описанном нами случае принадлежность к репатриантам выглядит настолько тяжким обвинением, что работники ОГПУ просто не стали утруждать себя поиском иных компрометирующих материалов: по их мнению, казак-белогвардеец, эмигрировавший с войсками П.Н. Врангеля, а затем вернувшийся в Советскую Россию, гарантированно являлся врагом большевиков.

В марте 1934 г. колхозник сельхозартели «Согласие» Каменского района Азово-Черноморского края Ковалев в разговоре со своими станичниками поднял тему о неудовлетворительном материальном обеспечении членов коллективных хозяйств и выразил мысль о том, что в этих условиях единственным надежным источником снабжения является личное подсобное хозяйство: «Вот видите[,] вам в колхозе кушать нечего, а я ем, что хочу, у меня и капуста и картофель есть. Моя жена не ходила работать в колхоз, а посеяла огород, а вы своих жен гоняете на работу, потому и сидите голодными». После того, как какой-то доброхот донес об этих словах «куда следует», Ковалев был арестован за «антиколхозную агитацию». Очевидно, следователям ОГПУ доказательства обвинения представлялись недостаточно убедительными (либо они попросту решили перестраховаться: ведь даже за это единичное критическое замечание, и даже в относительно спокойном 1934 г., сельскому жителю грозило тюремное заключение или ссылка, как «подкулачнику» или как ведущему «антиколхозную кулацкую агитацию»). Поэтому в качестве неопровержимого доказательства явной «классовой чуждости», «контрреволюционности» и, в конечном счете – виновности Ковалева

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 44.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

было указано, что он репатриант.[1] Это звучало в те времена как приговор.

В ряде случаев обвинительный характер констатаций о принадлежности того или иного казака к числу репатриантов мог быть еще более усилен конкретными «неблаговидными» фактами его биографии. В частности, в апреле 1934 г. на территории колхоза «Украина» станицы Екатериновской на Кубани была «вскрыта» группировка единоличников из 10 человек, ведших среди колхозников «контрреволюционные» разговоры о негативных сторонах колхозной системы. В составе этой группировки, как отмечалось в сообщении ОГПУ, было «5 добровольцев белой армии», в том числе двое «репатрианцев». При этом подчеркивалось, что один из этих казаков-репатриантов «состоял в личном конвое Деникина», а другой был «шкуринцем» (то есть, по всей видимости, входил в известный «волчий отряд» отряд генерала А.Г. Шкуро).[2] Образно выражаясь, в этом и других подобных случаях сотрудники ОГПУ поступали, как художник, доводя выдвинутое ими обвинение против казака-репатрианта до полного совершенства (точнее, до максимальной степени убедительности) несколькими броскими, яркими мазками. Сам фигурант дела их интересовал в меньшей степени. Главное, дело-то есть! Тем самым существовала предопределенная деликвентность в отношении казаков-репатриантов.

В любом случае казаки-репатрианты являлись первоочередными объектами репрессивных мер, даже если их конкретное участие в антисоветских (антиколхозных) мероприятиях не было полностью доказано. Показателен следующий пример. В августе 1933 г. в колхозе «Гроза» Отрадненского района Северо-Кавказского края сломалась молотилка, поскольку в поданном в нее снопе оказался металлический болт. Естественно, этот случай был расценен как «вредительство». Сотрудники ОГПУ момен-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 42.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 165.

тально доложили руководству, что «вредитель арестован»: им оказался колхозник-середняк, «бывший белогвардеец», репатриант, который, если верить обвинительному заключению, «умышленно вложил в сноп болт».[1]

Правомерность обвинения репатрианта в совершении «акта вредительства» вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что, хотя случаи сознательного вредительства имели место в суровой сельской реальности 1930-х гг.,[2] большинство «вредительских актов» являлись выдумкой сотрудников ОГПУ-НКВД, искажавших факты в угоду идеологической доктрине. Так, в докладной записке полномочного представителя (ПП) ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 17 мая 1933 г. многочисленные факты «перегрузки» тракторов, «обкармливания» скота, уничтожения посевного материала в ходе обязательного протравливания его формалином и т.п. квалифицировались как «вредительство».[3] В единичных случаях это действительно могли быть акты целенаправленного «вредительства», но по большей части все эти негативные явления объяснялись гораздо проще: колхозной бесхозяйственностью и низкой квалификацией механизаторов, агроспециалистов и других работников.

То же самое можно сказать и о приведенном выше примере с выходом из строя молотилки, в которую казак-репатриант якобы умышленно подал сноп с вложенным в него металлическим болтом. В первой половине 1930-хгг., когда урожай обмолачивали ча-

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 5.

[2] В 1933 – 1934 гг. на колхозных полях неоднократно неизвестными лицами вбивались деревянные и металлические колышки, которые портили уборочную технику МТС, в первую очередь комбайны (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 34, 98, 99; д. 112, л. 131). Подобные действия нельзя трактовать иначе, как осознанные попытки нанести ущерб колхозам и МТС. Наблюдались и факты сознательного вывода из строя живого тягла. Так, в марте 1934 г. в колхозе «13-я годовщина Октября» Голодаевской МТС Азово-Черноморского края неизвестные порезали языки у 19 колхозных лошадей, а у двух лошадей на лбу красной краской нарисовали крест. Там же несколько лошадей были накормлены кукурузой, смешанной с битым стеклом (хотя в последнем случае могло иметь место обычное разгильдяйство, а не вредительство) (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 217).

[3] Из докладной записки Информационного отдела ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и ДССР «О ходе весеннего сева в русских районах края». 17 мая 1933 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 752.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ще всего именно молотилками, а не комбайнами, случаи попадания в молотилки различных посторонних предметов были весьма и весьма многочисленными. Сотрудники карательных органов, констатируя этот факт, на своем специфическом языке докладывали краевому руководству летом 1933 г., что «наиболее распространенными формами вредительства при обмолоте являются ввод в барабаны молотилок со снопами различного рода железных предметов, умышленной поломки локомобилей»[1] (локомобиль – паровой двигатель для молотилки). Чего только не попадало в многострадальные молотильные агрегаты! Всего лишь в нескольких сводках и сообщениях политотделов МТС Северо-Кавказского края за август 1933 г. говорилось о том, что в вышедших из строя молотилках были обнаружены: различные куски железа; «цепь, которой тормозят колеса фургона»; уже известные нам металлические болты; вилы (видимо, забытые каким-то колхозником в снопе); «рядно», то есть кусок материи (в этом случае было «установлено, что на платформе молотилки ночь спали женщины, которые оставили там рядно»); ватный пиджак, попавший в молотилку примерно так же, как и «рядно», и пр.[2]

Никоим образом нельзя исключать, что иной раз какой-либо недовольный колхозник мог сознательно бросить в молотилку посторонний предмет, дабы вывести ее из строя. Но очевидно, что чаще всего подобное случалось просто по халатности, столь присущей колхозной системе. Скорее всего, в колхозе «Гроза» молотилка вышла из строя вследствие случайного стечения обстоятельств. Работники ОГПУ, реализуя установку на поиск «вредителей» и выполняя соответствующий план, заявили о злом умысле и привлекли к ответственности казака-репатрианта, то есть того, кто наилучшим образом подходил на роль «вредителя», неисправимого врага советской власти. Как говорится, Чезаре Ломброзо просто отдыхает в этом случае.

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 34.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 65.

Повсеместно распространенные в селах и станицах Юга России в первой половине 1930-х гг. репрессии против казаков-репатриантов и «бывших белогвардейцев», при всей надуманности и голословности обвинений, все-таки имеют разумное и внятное объяснение с позиций классового подхода. По логике классовой борьбы, бывшие участники Белого движения, являвшиеся одной из категорий «врагов советской власти», обязательно должны были противиться «колхозному строительству» и вредить колхозам. Именно об этом говорилось в знаменитой сталинской теории «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», которая усиленно внедрялась в массовое сознание в 1930-х гг. Согласно одному из положений данной теории, «кулаки» и иные «контрреволюционеры» (в том числе казаки-«белогвардейцы») стремились попасть в колхозы, чтобы продолжать там свою «вредительскую» деятельность.

Увязывая теорию и практику, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) уже в начале 1930 г. распустил колхоз в кубанской станице Екатериновской на том основании, что он состоял почти исключительно из «кулаков» и зажиточных», «социально-политическая физиономия [которых] – это казачья часть: всякого рода атаманы, палачи, вредители и т. д.».[1] На протяжении последующих лет уверенность властей в том, что «кулаки» (в том числе из казачьих сообществ) пытаются устроиться в колхозы с целью «вредительства», только крепла. Представители районного руководства Суворовского района новообразованного Северо-Кавказского края рассказывали на II пленуме крайкома ВКП(б) в 1934 г., что местные казаки-белогвардейцы всячески стремятся «пробраться» в колхозы и зачастую им это удается: ведь «это люди, которые во много раз умнее [местных руководителей,] хоть они и белогвардейцы». Один из выступавших поведал собравшимся, что в ряде колхозов этим казакам (среди них был даже бывший заведующий интендантством генерала А.Г. Шкуро) уда-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 24.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

лось устроиться на пасеки, «и там их наши пчелы не жалят»[1] (чем не исторический анекдот: попытка обвинить колхозных пчел в «притуплении классовой бдительности»!).

Поскольку большевики были твердо уверены в неисправимой враждебности «бывших белогвардейцев» (в том числе и казаков), то, с их точки зрения, этих людей необходимо было как можно скорее устранить из деревни. Именно на них падали подозрения, когда в коллективных хозяйствах случались какие-либо чрезвычайные происшествия.

Однако в данное время репрессиям подвергались и многие донские, терские, кубанские казаки, которые не воевали на стороне белых в годы Гражданской войны (или не принимали активного участия в боях и карательных акциях). Они превращались в объекты деятельности советского репрессивно-карательного аппарата просто потому, что принадлежали к казачьим сообществам. Гонения на казаков как таковых, возрождавшие мрачные реалии Гражданской войны, стали апогеем антиказачьих мероприятий, осуществлявшихся в период «колхозного строительства» карательно-репрессивными органами, местным руководством и активистами на Юге России.

В источниках содержится немало примеров, когда в период коллективизации казаки на Дону, Кубани или Тереке изгонялись из состава местного руководства или не принимались в коллективные хозяйства лишь на том основании, что они принадлежали к казачьим сообществам, а не к числу иногородних. Так, в уже цитированной нами докладной записке О. Галустяна от 4 февраля 1931 г. констатировалось, что «в текущую перевыборную кампанию Советов в ряде районов казака немного потеснили. Например, Ново-Романовская станица, Тихорецкого района среди избирателей имеет 70 % казаков – [но] в Стансовет не избран ни один казак; Копанская станица Краснодарского района: среди избирателей 96 % казаков – в Президиум стансовета не избран ни один

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 92.

казак». Разумеется, такие явления не были случайными: они представляли собой закономерный результат самодеятельности местных властей и активистов, которые, пользуясь безоговорочной поддержкой иногородних, использовали коллективизацию для усиления давления на казаков. Показательно, что здесь же О. Галустян подчеркивал роль краевых органов в исправлении этих «перегибов»: Северо-Кавказский крайисполком, ознакомившись с обескураживающими результатами выборов, распустил Ново-Романовский станичный совет и президиум Копанского стансовета, назначив новые выборы.[1] Эти действия крайисполкома – явное свидетельство противостояния в период коллективизации двух различных позиций по отношению к казачеству.

В той же записке О. Галустяна признавалось, что искривления классовой политики в «казачьем вопросе» наблюдались не только при формировании органов местного самоуправления, но также «имели место по линии колхозной. Имеется ряд случаев, когда активного бедняка, середняка-казака исключали из колхозов». Нередко мотивом исключений являлась не только принадлежность исключенных к казачьим сообществам, но и их социальное происхождение, а также факты их биографии. В частности, в Константиновском районе из колхоза «Пробуждение» был «вычищен» казак-краснознаменец (кавалер ордена Красного Знамени) под тем предлогом, что его отец – зажиточный (хотя до этого исключенный казак в течение четырех лет честно трудился на посту председателя этого же колхоза и до развертывания сплошной коллективизации колхозников не беспокоили факты его биографии). В станице Темрюевской Курганенского района из колхоза им. Ленина был «вычищен» казак, бывший «красный партизан», на том основании, что в своей «дореволюционной» жизни он дослужился до чина прапорщика. В той же станице из колхоза была исключена казачка Анна Виленко «как жена бывшего офицера», несмотря на то, что сын ее, «красный командир»,

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 23а.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

погиб в Гражданской войне, а дочь являлась членом ВЛКСМ (дочь, кстати, также исключили из колхоза).[1]

Из приведенных выше примеров трудно понять, что являлось основным мотивом исключения казака из колхоза – просто принадлежность его к казачьим сообществам Юга России или же факты биографии. Скорее всего, для иногородних эти мотивы были равноценны: человек, принадлежавший к числу «кулаков» (пусть даже он сам таковым не являлся, но состоял с ними в «родственной связи», как упомянутый казак-краснознаменец) вызывал тем большее недоверие и враждебность иногороднего населения и местных властей, что он еще и происходил из ненавистного казачьего сословия.

Однако зачастую гонения вызывались просто тем, что гонимый являлся казаком. В записке О. Галустяна прямо признавалось: «в ряде мест [колхозники-иногородние] отказывались принимать в колхоз единоличников только из-за того, что они – казаки».[2] Учитывая такого рода сообщения, можно со всей уверенностью утверждать, что насильственная коллективизация являлась основным фактором, под влиянием которого сословная рознь между казаками и иногородними, тлевшая в период нэпа, вспыхнула ярким пламенем.

Да и позднее принадлежность к казачеству могла вызвать негативную реакцию властей, которые напролом шли к поставленной цели. С осени 1932 г. в Северо-Кавказском крае начался, как известно, «слом кулацкого саботажа хлебозаготовок», то есть узаконенный грабеж деревни, когда власти, преодолевая сопротивление хлеборобов, отбирали последний хлеб в целях реализации завышенных хлебозаготовительных планов. При этом представители местного руководства и карательных органов не преминули подчеркнуть принадлежность многих колхозников и единоличников, пытавшихся скрыть хотя бы минимум продовольст-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 23а.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 23а.

вия и резко критиковавших процесс хлебозаготовок, к числу «матерых кубанских казаков».[1]

В марте 1934 г. в станице Петропавловской Курганенского района Азово-Черноморского края подверглась аресту группа из четырех станичников, критиковавших колхозные порядки и призывавших колхозников покинуть местное коллективное хозяйство «Красный партизан», не способное обеспечить их хотя бы минимумом продовольствия. В отношении одного из арестованных казаков, – П. Головенко, – сотрудники ОГПУ привели неопровержимое свидетельство его явной виновности. В обвинительном заключении указывалось, что он являлся бывшим помощником станичного атамана, то есть представителем дореволюционной казачьей администрации, в «контрреволюционности» которой у большевиков не возникало ни малейших сомнений. Биография трех других арестованных – Бардукова, Демидова и Ковалева, – видимо, не содержала компрометирующих сведений. Поэтому сотрудники ОГПУ просто констатировали их принадлежность к средним слоям казачества, дополнительно усилив обвинение тем, что все эти люди был исключены из колхоза «за систематический невыход на работу».[2]

Вообще при анализе документов первой половины 1930-х гг. создается впечатление, что в казачьих регионах представители местного советско-партийного руководства из числа иногородних (или присланных на Юг России из других районов страны) чувствовали себя, как в осажденной крепости, постоянно испытывали тревогу и беспокойство из-за соседства с потенциально опасными «контрреволюционерами» и «классово чуждыми элементами». Весьма характерное свидетельство содержится в одном из сообщений ОГПУ за май 1934 г. В это время колхозы Усть-Грязновской МТС Обливского района Северной области Азово-Черноморского края в силу истощенности живого тягла, дефици-

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 144об.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 83.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

та горючего для тракторов, низкий трудовой активности колхозников настолько затянули весеннюю посевную кампанию, что местные власти квалифицировали положение с севом как «угрожающее». Перечисленные причины срыва посевных планов были банальны: с ними в данное время сталкивалось едва ли не каждое коллективное хозяйство Юга России. Однако сотрудники ОГПУ увидели в сложившейся ситуации не только экономический, но и социально-политический аспект, отмечая, что срыв посевкампании создает благоприятную обстановку для антисоветской деятельности «классового врага» (проще говоря, для недовольства населения, которое, едва пережив голод 1932 – 1933 гг., из-за затяжки сева опять ожидало неурожая и новых «продовольственных затруднений»). В условиях срыва весенней посевной кампании в Обливском районе широкое развертывание «антисоветской деятельности», по мнению работников государственного политического управления, было неизбежно, «тем более, что население ряда колхозов, [представляет собой] исключительно казачество, активно участвовавшее в прошлом на стороне белых».[1]

Последние слова отражают всю глубину взаимного недоверия между казачьими сообществами Юга России и местным руководством, которое привычно относило казаков к числу «контрреволюционеров», зачастую не имея представления об истинных настроениях и интересах казачества. В этом смысле приведенный нами пример за 1934 г. практически ничем не отличается от событий конца 1920-х гг.: достаточно вспомнить процитированное нами в первом очерке сообщение краевых руководителей Юга России в ЦК ВКП(б) о нежелательности расформировывать сельские райкомы в казачьих районах, чтобы не ослаблять контроль за казачеством. Можно привести и другие примеры. Так, В. Ставский, побывавший на Кубани во время хлебозаготовок 1928 г., сам того не желая, обрисовал всю слабость и шаткость социальной опоры большевиков в казачьих станицах. По его сло-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 158 – 159.

вам, «нас» (то есть местных работников и хлебозаготовителей) «было сотни полторы, а населения в станице – 11 тыс. человек».[1] В.С. Сидоров, осмысливая это невольное признание советского литератора, справедливо констатировал: «убийственная пропорция. Такие результаты 10-летнего правления – политическая катастрофа, смертный приговор для власти… Власть – пришлая, власть – опирающаяся на захудалое меньшинство, власть – бесхозяйственная».[2] В ходе «колхозного строительства» социальная база советской власти в казачьих станицах Юга России заметно расширилась за счет большинства колхозников, особенно колхозной молодежи (следует согласиться с В.Е. Щетневым, который, оценивая весь период взаимоотношений большевиков и казачества, указывает, что «в первую очередь за советской властью пошла казачья молодежь»[3]). Но коллективизация, как видим, почти ничего не изменила в настроениях и, соответственно, действиях местных партийно-советских чиновников: они продолжали крайне негативно относиться к казакам.

Думается, что настороженно-враждебное отношение местного руководства к казакам как таковым в период «колхозного строительства» объяснялось в значительной мере культурно-психологическим непониманием (зачастую – неприятием), усиленным спецификой классового подхода. Донские, кубанские, терские казаки уже самим фактом жизнедеятельности пытались отстаивать специфическое мировоззрение, культуру, жизненный уклад своих сообществ в Советской России. С точки зрения местных активистов и местного же руководства (большая часть которого, как уже отмечалось, была представлена иногородними и вообще неказаками), попытки сохранить особый жизненный уклад казачьих сообществ не могли приветствоваться: ведь это препят-

[1] Ставский В. Станица. Кубанские очерки. М., 1930. С. 47.

[2] Сидоров В.С. Комментарии к сборнику писем и документов // Крестная ноша. С. 335, 337.

[3] Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 21.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ствовало упрочению единства советского общества, способствовало сохранению вредных для советской власти сословных пережитков и создавало питательную основу для деятельности разного рода «контрреволюционеров». Поэтому в период коллективизации местные руководители (на уровне станиц или даже районов), при поддержке сельского актива из иногородней, а то и казачьей бедноты и колхозников, попытались не только ликвидировать казаков-«контрреволюционеров», но и раз и навсегда осуществить «расказачивание».

Выше мы уже отмечали, что представители краевого, окружного (а вслед за ними и районного) руководства на Юге России придерживались иных позиций в «казачьем вопросе», чем чиновники местного, низового уровня. Каково же было отношение краевых властей к самодеятельности местных «революционеров», выражавшейся в огульных антиказачьих акциях?

Прежде всего надо сказать, что представители высших и средних эшелонов власти полностью одобряли и поддерживали инициативу местных активистов в деле «раскулачивания» и борьбы с «контрреволюционными элементами» в составе сельского населения: ведь такого рода действия, по мнению членов Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), способствовали ускорению «колхозного строительства». Широкие масштабы «раскулачивания» и репрессий находили удовлетворительное объяснение в сознании высшего руководства страны и краевых властей, поскольку Северный Кавказ считался «прибежищем контрреволюционеров», в том числе и из среды казачества, особо ненавидимого в среде большевистских лидеров. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев, используя весьма своеобразный (но в духе эпохи) лексикон, заявлял в начале 1929 г.: «нечего доказывать, что Северный Кавказ является наиболее махровым районом из всего Союза Сов.[етских] Республик, где эта самая грязь, антисоветские нечистоты сосредоточились больше, чем где-либо в других районах, потому что сюда откатывалась контрреволюция во время граждан-

ской войны, и здесь белогвардейцы в известной степени задержались в своем разбитом виде…».[1]

Не случайно на бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в первой половине января 1930 г. детально обсуждался проект специального постановления о коллективизации и раскулачивании, где шла речь об административном выселении из края «кулаков», причем в качестве последних понимались не только собственно главы предпринимательско-производящих сельских хозяйств, систематически использовавшие наемный труд, но все упорные и последовательные противники сталинского режима. Согласно данному документу высшей властной инстанции в крае, следовало «подвергнуть выселению контрреволюционный кулацкий социально-опасный элемент, который был замечен в срыве проводимых политических и экономических кампаний на селе, участвовавший в вооруженной борьбе против Советской власти, в частности, следующих категорий:

а) кулаков – активных белогвардейцев в прошлом, казачьих идеологов и авторитетов, бывших белых офицеров, карателей, репатриантов, бывших бело-зеленых бандитов, имеющих в эмиграции сыновей-офицеров;

б) кулаков, активно проявивших себя в проведении антисоветской агитации на селе;

в) кулаков, отбывших наказание по ст. 58 п. 8, 10 и 107 УК;[2]

г) кулаков – членов церковных советов, сектантских общин, групп, особенно краснодраконовцев;

---

[1] Из доклада А.А. Андреева на 8-й краевой партконференции «О борьбе с бюрократизмом в наших рядах» // Молот. 1929. 30 января.

[2] Статья 107 Уголовного кодекса предусматривала наказание за спекуляцию в виде лишения свободы от года до трех лет с конфискаций части или всего имущества. Пункт 8 ст. 58 УК предусматривал наказание за совершение террористических актов против представителей власти и активистов в виде лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией части или всего имущества либо же – смертной казни. Пункт 10 ст. 58 УК предусматривал те же наказания за пропаганду или агитацию, «содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» (при смягчающих обстоятельствах за эти действия предусматривалось лишение свободы на срок не ниже полугода).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

д) кулаков, раскулаченных в последние два года, представляющих из себя злостный вредительский элемент, в том числе бывших помещиков и крупных земельных собственников;

е) кулаков – шабаев,[1] ростовщиков и кулаков, демонстративно разрушающих свое хозяйство».[2]

При таком специфическом подходе «кулаком» мог быть объявлен любой крестьянин или казак, даже тот, кто относился к бедняцко-середняцким слоям деревни, сражался на стороне красных в годы Гражданской войны, имел отличные характеристики по службе, вступил в ряды компартии. Достаточно было какому-либо сельскому жителю (даже представителю местного руководства) открыто выразить недовольство политикой коллективизации и «раскулачивания» или, скажем, проявить снисхождение к выселяемым «кулацким» семьям, – и такой человек считался «утратившим классовое чутье», заносился в ряды «подкулачников» или «кулаков». Принимаемые центральным партийно-советским руководством и краевыми властями Юга России документы, подобные процитированному нами проекту постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), лили воду на мельницу антиказачьих настроений, способствовали широкому распространению антиказачьих акций при осуществлении коллективизации и особенно – «раскулачивания».

Вместе с тем представителей краевого руководства на Юге России нельзя обвинить в огульной враждебности ко всем вообще казакам. Партийно-советские чиновники краевого уровня придерживались классового подхода, согласно которому безусловной и скорейшей ликвидации подлежали лишь «кулацкие» казачьи хозяйства. Конечно, при расширенной трактовке в число «кулаков» попадало немало казачьей бедноты и середнячества. Но все-таки о репрессиях против средних и беднейших слоев ка-

[1] Шабай (шибай) – скупщик, барышник, торговец.

[2] Проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении кулацких хозяйств. Не ранее 8 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 101.

зачества лишь на том основании, что это были казаки, краевое руководство не помышляло: ведь эти слои являлись социальной опорой большевистского режима. Репрессивное «расказачивание» отвергалось краевыми властями и как идея, и как политика, и как комплекс конкретных антиказачьих акций.

Другое дело, что (снова подчеркнем это обстоятельство) представители краевого руководства так же, как и местные власти, видели конечный результат своей политики по отношению к казачьим сообществам в том, что казаки должны были без остатка раствориться в массе колхозного крестьянства. Но если местные руководители, радикалы-казакофобы, намеревались принять в состав колхозников лишь относительно небольшую часть казаков, а большинство их стремились либо вытеснить за пределы Юга России, либо ликвидировать, то краевые (окружные, районные) власти заняли намного более разумную позицию. Растворение казаков в массе колхозников, – эта конечная цель, по мнению краевых властей, должна была быть достигнута не только путем устранения (нередко физического) казачьих «контрреволюционеров», но, главным образом, путем привлечения массы казаков к «социалистическому строительству», чтобы они таким образом преодолели свою обособленность и превратились в обычных (но вместе с тем и полноправных) граждан советского общества.

Налаживание контактов с казачьей беднотой и средними слоями станицы, которые расценивались как «классово близкие» – это, так сказать, идеологический аспект казачьей политики краевого руководства на Юге России. Однако существовали также социально-политический и социально-экономический факторы, важность которых невозможно преуменьшить.

В социально-политическом отношении речь шла о том, чтобы массовыми антиказачьими акциями, осуществляемыми без учета классового расслоения казачьих сообществ, не спровоцировать массового же сопротивления казаков. В том, что казаки могут стать весьма опасной помехой при осуществлении коллекти-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

визации, представители партийно-советского руководства не сомневались. Поэтому не следовало огульными антиказачьими акциями отталкивать от советской власти беднейшие и средние слои населения казачьих станиц. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в этой связи указывал в своем директивном письме местным парторганизациям: «важнейшему и решающему вопросу коллективизации – привлечению середняка ко всей системе колхозной работы… до сих пор еще не обеспечено достаточное внимание… особенно остро стоит эта проблема в казачьих округах, где вопрос об участии середняка есть вопрос в значительной степени привлечения казака к работе колхоза, а небольшевистская практика оттирания и недоверия к середняку дает в руки кулака возможность все больше разжигать сословную рознь между казаками и иногородними (особенно Кубань, Дон, Терек)».[1]

В социально-экономическом плане первостепенную роль играло значение казаков в аграрном производстве Юга России. Руководство Северо-Кавказского края не могло не учитывать и важность казачьих хозяйств в процессе производства сельхозпродукции, и значительный удельный вес казаков в составе земледельческого населения (а, следовательно, и значимость казачества как источника рабочей силы для организуемых в массовом порядке коллективных хозяйств). Казаков, конечно, можно было не любить и относиться к ним с подозрением. Но сбрасывать со счетов, а тем более пытаться ликвидировать свыше 2 млн. представителей казачьих сообществ (напомним: это составляло более 30 % от общей численности южнороссийских хлеборобов) означало по меньшей мере нанести серьезный ущерб сельскому хозяйству Северо-Кавказского края и сорвать планы развития колхозного полеводства и животноводства. Забегая вперед, подчеркнем: именно так и случилось (к счастью, в ограниченных масштабах), когда московское руководство, игнорируя или попросту не понимая

[1] Директивное письмо Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) партийным организациям края о мероприятиях по укреплению колхозов в весеннем севе. 28 марта 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 287.

специфику Юга России, предприняло на Кубани огульно-массовые антиказачьи акции в конце 1932 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют со всей определенностью утверждать, что представители высших и средних эшелонов власти Северо-Кавказского края прекрасно понимали социально-экономическое значение казачьих обществ. В частности, в апреле 1930 г. в одном из постановлений Терского окружкома ВКП(б) признавалось, что «немыслимо было бы обеспечить успехи советского и хозяйственного строительства в крае, так-же как и немыслимо строить колхозы и укреплять социалистическое строительство без бедняцко-середняцких масс казачества в дальнейшем».[1]

Еще более четко по этому вопросу выразился первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев, выступая 11 апреля 1930 г. на бюро крайкома. В своем выступлении Андреев признал, что весенний сев затянулся: по его словам, мы сеем «скоро месяц», а засеяли лишь около 30 % ярового клина. Причем отставали наиболее хлебородные районы: «во главе [отстающих] идет Кубань, Армавир, Майкоп – это самые неблагополучные районы по яровому севу». По словам Андреева, напряженное положение с севом, сложившееся в крае, – «это[,] пожалуй главная опасность для настоящего момента из всех опасностей и трудностей».[2]

Констатировав напряженное положение в сфере выполнения посевных планов, первый секретарь крайкома ВКП(б) произнес далее слова, которые могут показаться непредставимыми (невероятными) в устах чиновника такого ранга и, тем более, в такое время, как сплошная форсированная коллективизация: «выходит, что донские казаки перекрыли кубанских целиком и полностью. Я думаю, что и в печати не мешает так поставить дело, что донцы покрыли кубанцев. Тут сословной розни нет, а это идет по той

[1] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 179.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 1.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

линии, что у них велась все время борьба и т. д.».[1] То есть, по существу, Андреев предлагал воззвать (причем вполне официально, в краевой печати) к некоему «казачьему патриотизму», чтобы тем самым стимулировать кубанцев на своеобразное «казачье-социалистическое соревнование» с донцами по выполнению посевной кампании.

Все эти цитаты из постановлений и выступлений представителей высших властных звеньев на Юге России убедительно свидетельствуют, что по идеологическим, политическим, социально-экономическим соображениям о «расказачивании» не могло быть и речи. По мнению членов крайкома, окружкомов, многих райкомов ВКП(б) Северо-Кавказского края, следовало решительно бороться с казачьей «кулацко-белогвардейской», «контрреволюционной» верхушкой, но не с массой рядовых казаков. Поэтому вышестоящее руководство не уставало напоминать местным властям, упоенно занимавшимся осуществлением огульных репрессивных мер в отношении казаков, о необходимости учета интересов средних слоев казачества и привлечения их к «социалистическому строительству».

На сегодняшний день можно указать ряд документов, в которых местные власти Юга России призывались к налаживанию работы и контактов с «трудовым казачеством»; причем исходят эти документы не только от Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), но и от нижестоящих властных структур.

Так, в конце 1920-х гг. Терский окружком ВКП(б) постановил усилить работу с «казачьей и национальной беднотой и батрачеством в станицах и селах, привлекая их полностью к работе собраний и групп бедноты и выдвигая на руководящую работу в станичные органы».[2] Тот же окружком 7 августа 1929 г. принял постановление «О работе среди казачества в Ессентукском районе», где констатировал слабое привлечение казаков к делу кол-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 2.
[2] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 31, л. 164.

лективизации, слабое выдвижение их на ответственные посты в местных властных структурах. Поэтому окружком постановлял «взять курс на решительное выдвижение из батрацко-бедняцкой и лучшей части середняцкого актива казачества во все низовые и, особенно, районные звенья и отрасли советской общественной руководящей работы», «усилить работу среди казачьей интеллигенции путем большего вовлечения ее в общественную работу, использование в борьбе с отрицательными традициями и навыками казачества». Кроме того, особе внимание обращалось на необходимость работы «среди казачьей молодежи» и женщин-казачек:[1] очевидно, потому, что работники окружкома считали эти половозрастные группы в наибольшей степени готовыми к сотрудничеству с советской властью.

6 апреля 1930 г. Терский окружком, вновь вернувшись к позиции местного руководства по отношению к казакам, принял решение «О работе среди казачества». Здесь, в частности, отмечалось, что «во всех казачьих районах округа бедняки и середняки-казаки чрезвычайно слабо привлечены к руководящей работе стансоветов, кооперации, в правлениях колхозов, в качестве бригадиров, уполномоченных и т. д.». В целях исправления этой нетерпимой ситуации окружком дал распоряжение Ессентукскому, Георгиевскому, Прохладненскому и Моздокскому райкомам ВКП(б) «в течение месяца добиться того, чтобы в составе председателей и президиумов стансоветов, правлений колхозов, бригадиров и т. д. были-бы большинство бедняков и середняков-казаков из местного, выдвинувшегося актива».[2] Сходные по содержанию постановления принимали и другие окружкомы ВКП(б) Северо-Кавказского края, в частности, Донской окружной комитет компартии.[3]

Не остались в стороне и краевые руководители. 11 апреля 1930 г. А.А. Андреев в уже цитировавшейся нами речи на бюро

[1] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 36, л. 113об.
[2] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 166.
[3] См.: Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм… С. 110 – 111.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) осудил невнимание местных властей к средним слоям казачества, пренебрежение их интересами, игнорирование их при пополнении сельской (станичной) и колхозной администрации. Выступление Андреева было живым, эмоциональным, далеким от казенных трафаретов, и это понятно: ведь первый секретарь в значительной мере основывался на личных впечатлениях, полученных во время визита на Кубань. Посетив, помимо прочих, и Кореновский район, Андреев увидел, что там, несмотря на преобладание казаков в составе населения, казачье представительство в органах власти практически равно нулю: «большинство казачьего населения и ни одного пред.[седателя] стансельсовета, ни одного председателя колхоза и даже нет членов правлений казаков в колхозах». Сказав, что терпеть такое положение невозможно (так как «иначе мы не [с]можем организовать советы и колхозы при таком положении вещей»),первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) предложил «пойти на то, чтобы 50 % председателей колхозов в казачьих районах было обеспеченно за казаками, чтобы не менее 50 % председателей советов были казаки… Вот это требование надо предъявить, поставить и через 1,5 – 2 месяца проверить, как кто выполнил».[1]

Эти слова почти без изменений легли в основу постановления бюро крайкома «О проведении весенней посевной кампании и мерах укрепления колхозного строительства», которое было принято в тот же день и разослано нижестоящим партийным организациям. Здесь, в полном соответствии с призывами Андреева, предполагалось набрать из числа казаков не менее половины местных чиновников. И, как и предлагал Андреев, предусматривалось, что через два месяца специальные комиссии крайкома должны были проверить исполнение данного постановления местными органами власти.[2] 26 апреля 1930 г. вышло расширенное

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 16 – 17.
[2] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 179.

постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения региона, где, в частности, отмечалось, что «небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях». Здесь вновь предлагалось в казачьих округах края усилить представительство казаков в составе колхозного руководства, доведя их удельный вес не менее чем до 50 %.[1]

Как видим, краевое и окружное руководство Юга России в период коллективизации достаточно четко выражало свою позицию по «казачьему вопросу». Однако местное начальство (члены сельских и станичных советов, сельских и колхозных парторганизаций, колхозные администраторы), от которого в конечном счете и зависело положение в каждой конкретной казачьей станице, зачастую игнорировало рекомендации вышестоящих органов власти.

П.Г. Чернопицкий отмечал, что реализация апрельского (1930 г.) постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе с казачеством привела к заметному повышению удельного веса казаков в составе членов сельских и станичных советов.[2] Однако к занятию иных должностей казаки по-прежнему зачастую не допускались. Так, старший инспектор Кубанской окружной КК – РКИ на основе выборочного обследовании 25 крупных колхозов округа в мае 1930 г. отмечал, что в обследованных коллективных хозяйствах большинство членов составляют именно казаки. Из 42 820 объединенных в этих 25 крупных колхозах дворов 27 606 (64,5 %) составляли казачьи хозяйства. Однако удельный вес казаков в органах управления колхозами был непропор-

[1] Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения Северного Кавказа // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 295 – 296.

[2] Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995. С. 13.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ционально низок. Среди 195 членов колхозных правлений насчитывалось только 55 казаков (28,2 %), среди 73 членов ревизионных комиссий – лишь 23 (31,5 %), среди 472 «старост» (видимо, имелись в виду разного рода уполномоченные по работе с населением станичных кварталов, «десятидворок», «пятидесятидворок» и т. п.) – не более 216 (45, 8 %). Казаки преобладали только среди полеводов (эта должность отчасти напоминала должность бригадира, распространившуюся в колхозах несколько позднее): здесь их было 289 из 517 (55,9 %).[1]

В начале февраля северо-кавказская пресса осуждающе замечала, что в большинстве колхозов Славянского района казаков нет вообще либо же они составляют там явное меньшинство.[2] Тогда же Кореновский райком ВКП(б) (тот самый, о слабой работе которого с казачеством осуждающе говорил А.А. Андреев на бюро крайкома 11 апреля 1930 г.) констатировал, что из 1 118 членов стансоветов 712 человек (или 63,3 %) – казаки; среди 158 членов президиумов стансоветов насчитывалось 85 казаков (54,4 %).[3] В данном случае апрельское (1930 г.) постановление крайкома ВКП(б) формально было выполнено. Но на самом деле все было не столь хорошо, как казалось на первый взгляд. Если казаки были привлечены в состав местных представительных органов в количестве, обозначенном краевыми властями, то к занятию руководящих должностей они допускались гораздо менее охотно. По данным райкома, среди председателей колхозов казаки составляли

---

[1] Рассчитано по: Докладная записка старшего инспектора Кубанской окружной КК – РКИ о результатах выборочного обследования 25 крупных колхозов округа. Не ранее 8, не позднее 27 мая 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 315.

[2] Хащенко В. В правлениях славянских колхозов мало казаков // Молот. 1931. 8 февраля.

[3] Произведенный нами пересчет дал несколько иные результаты: среди членов стансоветов казаки составляли не 63,3 %, как докладывал райком, а 63,7 %; среди членов президиумов стансоветов вместо 54,4 % казаков, по данным райкома, мы получили 53,8 %. Расхождения, конечно, не столь существенные: всего 0,4 % - 0,6 %. Однако в таком щекотливом вопросе, как удельный вес казаков в составе местных органов власти, важны даже десятые доли процента. Кроме того, произведенный нами пересчет лишний раз подчеркивает небрежность расчетов, столь характерную для данного периода времени.

только 25 %, а среди председателей стансоветов и того меньше – всего 14,5 %; в составе членов президиума райисполкома казаков не было вовсе.[1] Иными словами, местные власти, формально реализуя постановление крайкома ВКП(б), фактически оттирали казаков от реальных, а не эфемерных, рычагов управления. Вместо того, чтобы формировать местный административно-управленческий аппарат за счет казаков, им оставляли роль статистов (своеобразной «массовки») в представительных органах станичного уровня, которые, по существу, ничего не решали.

Даже в начале 1932 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев на VII Северо-Кавказской краевой партконференции был вынужден признать, что, хотя «вопрос о казачестве приобретает все меньшее и меньшее значение», все же «было бы неправильно снять этот вопрос полностью, и наоборот, необходима борьба с недооценкой казачества, недостаточном вовлечении его в руководство колхозами, советами [и] всей нашей работой».[2] То есть «недооценка» казачества имела место и в это время.

Подобные несоответствия деклараций краевого руководства и реального положения дел на местах служат для некоторых авторов основанием утверждать, что все благие постановления (вроде принятых крайкомом ВКП(б) в апреле 1930 г.) являлись ничем иным, как маскировкой «расказачивания»: «осуществляя преследование казачества, власти никогда и нигде открыто не признавали факта подавления политической воли казачества, изоляции его интеллигенции, былых авторитетов и т. д. Трагический опыт «циркуляров» 1919 г. и вешенского восстания научил большевистский режим более осторожному и коварному обраще-

[1] Из отчетного доклада Кореновского райкома ВКП(б) 10-й районной партийной конференции о вовлечении казачества в социалистическое строительство. 25 февраля 1931 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). Сб. документов и материалов / Под ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981. С. 114.

[2] На передовых позициях строительства социализма. Политотчет первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева на 7-й краевой партконференции // Ударник колхоза. 1932. № 1 – 2. С. 9.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

нию с казачеством, обеспечению режима секретности при проведении репрессивных акций, манипуляции общественным мнением с помощью пропаганды».[1]

Данная точка зрения представляется нам несостоятельной уже хотя бы потому, что не соответствует фактам и заставляет сделать вывод о слабом знакомстве ее приверженцев со всем комплексом источников, особенно архивными материалами. Прежде всего, большевики «никогда и нигде» не скрывали, что верхушка казачества, куда относились и интеллигенция, и «авторитеты», и пр., подлежит безусловной ликвидации либо в силу «классовой чуждости», либо из-за приверженности антисоветской (точнее – антисталинской) позиции. Ведь это вполне соответствовало классовой политике большевиков. Самое же главное – при таком подходе совершенно игнорируется разность позиций по отношению к казачеству, которых придерживались представители тех или иных эшелонов власти. А позиции эти, как мы уже неоднократно подчеркивали, были весьма различны, зачастую – прямо противоположны (хотя и совпадали в видении конечного результата).

Правда, нельзя и полностью снимать ответственность с региональных властей Северо-Кавказского края за многочисленные огульно-массовые антиказачьи акции периода коллективизации. Во-первых, крайком крайне слабо противостоял такого рода акциям, являвшимся самодеятельностью местных властей. Как говорил А.А. Андреев в выступлении на бюро крайкома 11 апреля 1930 г., «вина Крайкома заключается не в том, что мы увлеклись в Крайкоме [форсированием темпов коллективизации], а в том, что мы слабо держали других за фалду».[2] Тот факт, что на Юге России «проказачьи» постановления крайкома и окружкомов нередко игнорировались нижестоящими партийно-советскими чиновни-

[1] Кислицын С.А. О заключительном этапе «расказачивания» в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995. С. 79 – 80.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 6.

ками, свидетельствует как раз о «слабом держании их за фалду» краевыми властями. Нам неизвестны случаи, когда крайком наказал бы кого-либо из местных руководителей за неисполнение постановлений о вовлечении казачества в «социалистическое строительство» (порицания и осуждения не в счет). Видя, что реальные наказания практически не применяются, местные власти зачастую не очень-то считались с благими пожеланиями вышестоящего руководства.

Во-вторых, и сами краевые руководители были несвободны от недоверия к казачеству. Взять хотя бы указания Андреева относительно удельного веса казаков в составе местного руководства. Почему он ориентировал своих подчиненных на обеспечение представительства казаков среди местных властей «не ниже 50 %»? Ведь в Северо-Кавказском крае были районы (например, Вешенский), где казаки составляли в массе населения 70 – 80 % и даже больше. В таких районах обеспечение рекомендованной Андреевым нижней границы фактически означало бы сохранение ущемленного положения казачества (при этом следует принять во внимание, что местные власти чаще всего ограничивались именно минимальной цифрой, стремясь, чтобы в администрации и представительных органах казаки составляли пресловутые 50 % и не более того). При серьезном подходе к делу краевое руководство должно было бы разработать дифференцированные нормы представительства казаков в местных органах власти, прямо пропорциональные доле казачества среди населения тех или иных районов и округов Северо-Кавказского края. То, что этого не произошло, свидетельствует либо о недостаточном внимании членов крайкома к «казачьему вопросу», либо о недоверии к казачеству (и стремлении обеспечить значительную часть мест в органах власти за иногородними), либо о том и другом вместе.

Но, несмотря на все просчеты и все недоверие к казакам, представители высших и средних эшелонов власти Юга России не могли спокойно (а тем более одобрительно) относиться к идее

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

и практике репрессивно-террористического «расказачивания» по указанным выше идеологическим, социально-политическим и социально-экономическим соображениям. Поэтому, основываясь на комплексе документов и материалов, мы полагаем возможным утверждать, что факт недостаточно активного исполнения местными властями и активистами на Юге России постановлений краевого и окружного руководства о привлечении казачества к «социалистическому строительству» свидетельствует не о наличии якобы тщательно скрывавшейся и тайно осуществлявшейся политики «расказачивания», а о конфликте позиций различных уровней властной вертикали. Если представители власти на уровне края (района) демонстрировали достаточно выдержанную позицию в «казачьем вопросе» (хотя среди районного руководства было и немало противников мягких мер в отношении казаков), то местное руководство, а также масса сельских активистов, в большинстве своем были готовы осуществлять огульно-массовые антиказачьи акции.

С позиций большевистской идеологии, построенной с учетом социально-классовых, но не сословных различий, в «казачьем вопросе» правы были краевые руководители Юга России, а не местное начальство. Однако в 1932 г. И.В. Сталин и его окружение, стремясь решить вполне практические задачи хлебозаготовок, в который раз нарушили идеологические догмы и осуществили в Северо-Кавказском крае такую масштабную антиказачью акцию, как занесение ряда казачьих станиц на «черную доску» с последующей депортацией всех (или многих) их жителей. Тем самым центральное партийно-советское руководство, отстаивая занятую ими позицию в вопросе хлебозаготовок, сыграло на руку местным южнороссийским радикалам-казакофобам. Они быстро развернулись как мощный Левиафан и буквально репрессивным катком прошлись по казачьим станицам.

История занесения ряда станиц Северо-Кавказского края на «черную доску» и выселения практически всех или многих их жи-

телей, впервые обстоятельно исследованная Е.Н. Осколковым,[1] ныне хорошо известна. В конце октября 1932 г. И.В. Сталин, раздраженный тем, что колхозы и единоличники Юга России чрезвычайно медленно выполняли установленные им завышенные планы хлебозаготовок, направил в край сформированную из высших партийно-советских чиновников специальную комиссию во главе с его верным приспешником, секретарем ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичем. Комиссия была наделена чрезвычайными полномочиями и имела целью во что бы то ни стало, путем применения любых, даже самых жестких мер, заставить южнороссийских хлеборобов выполнить хлебозаготовительные планы.

К чести секретаря Северо-Кавказского крайкома Б.П. Шеболдаева надо сказать, что он пытался воспрепятствовать усилению репрессий в крае и даже выехал в Москву, чтобы уговорить И.В. Сталина отменить посылку комиссии. Но, как и следовало ожидать, его старания не увенчались успехом.

В общем комплекте карательно-репрессивных мер комиссия применила и такую, как занесение ряда станиц Северо-Кавказского края на «черную доску». Выражение «занести на "черную доску" первоначально означало «публично предать позору» (в то время как занесение на «красную доску» представляло собой метод поощрения, прославления передовиков производства); это был метод морального стимулирования колхозников и колхозной администрации, нацеленный на то, чтобы путем общественного порицания заставить их лучше работать и выполнять различные государственные задания.

В литературе нередко можно встретить утверждения, что систему «черных досок» ввел в обращение первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев.[2] На самом деле это

---

[1] См.: Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3 – 23.

[2] Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Шолохов и история России. Парадоксы великого писателя. Ростов н/Д., 2005. С. 180; Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. С. 216.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

не так: публикации о занесении тех или иных промышленных предприятий и колхозов Северо-Кавказского края на «черные» и «красные» доски содержатся во многих номерах краевой газеты «Молот» за 1930 г., когда секретарем крайкома ВКП(б) был еще А.А. Андреев[1] (более того, указанная практика бытовала и в досоветский период: так, великолепный знаток старой Москвы В.А. Гиляровский, описывая существовавший в городе Английский клуб, упомянул, что на стене одной из комнат в здании клуба «висела «черная доска», на которую записывали исключенных за неуплаченные долги членов клуба, которым вход воспрещался впредь до уплаты долгов»[2]). С Шеболдаевым же «черные доски» связывают, по всей видимости, потому, что именно тогда, когда он возглавлял краевую парторганизацию, данный метод морального стимулирования рабочих и колхозников получил наиболее печальную известность: ведь 4 ноября 1932 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял постановление, в котором перечислялись меры по ускорению хлебозаготовок, и одной из них стало занесение на «черную доску» колхозов и станиц «за так называемый явный срыв планов по севу и хлебозаготовкам».[3]

Но с подачи комиссии Кагановича смысл выражения «занести на "черную доску" резко поменялся. Теперь «чернодосочные» станицы подвергались уже не просто позору, а вполне реальным репрессивно-карательным мерам, вершиной которых являлась депортация их жителей.

«Чернодосочными» (или, как говорили кубанцы, «чернодащатыми»[4]) были сначала объявлены станицы Ново-Рождественская (Тихорецкого р-на), Медведовская (Тимашевского р-на), Темиргоевская (Курганенского р-на), затем – Полтавская (Славянского р-на) и Незамаевская (Павловского р-на). В целом на «чер-

[1] См., например: Молот. 1930. 31 января; 5 февраля.

[2] Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. Ростов н/Д., 1958. С. 210.

[3] Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933…. С. 39

[4] ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 6.

ную доску» были занесены 15 станиц, из них 13 кубанских и 2 донские. В ходе депортаций были выселены почти все жители станиц Полтавской, Медведовской, Урупской: из 47,5 тыс. человек, проживавших в этих трех станицах, в общей сложности было выселено 45,6 тыс. Из станицы Уманской (Павловского р-на) выселили еще 6 тыс. человек. Из других станиц, занесенных на «черную доску», было выселено не менее 10 тыс. человек. Итого, по подсчетам Е.Н. Осколкова, депортации подверглись более 61,6 тыс. жителей «чернодосочных» станиц.[1]

Практически во всех этих станицах преобладало казачье население, что косвенно подтверждается и сопоставлением итогов дореволюционных и советских переписей населения. Если в 1915 г. на Юге России насчитывалось 1,3 млн. кубанских казаков, то к исходу 1937 г. в Краснодарском крае их было «предположительно» 1,1 млн. человек.[2] Как видим, даже к исходу 1930-х гг., несмотря на все усиливавшиеся в это время в СССР тенденции восстановления досоветской численности населения, кубанские казачьи сообщества недосчитывались 200 тыс. своих членов. Эти потери объяснялись не только тем, что десятки тысяч кубанцев погибли или эмигрировали в период Гражданской войны, но и негативными демографическими процессами периода коллективизации, в том числе и депортацией жителей «чернодосочных» станиц.

Тот факт, что в «чернодосочных» станицах преобладало казачье население, которое и подверглось депортациям, вовсе не был случаен. Е.Н. Осколков обоснованно указывал, «что руководство партии и государства стремилось придать своим насильственным акциям в Северо-Кавказском крае антиказачий характер».[3] О том, что депортация была направлена именно против казаков, заявил сам Л.М. Каганович, который, естественно, лишь выполнял лич-

[1] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 18.

[2] Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. Краснодар, 1997. С. 806.

[3] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 19.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ные указания Сталина: «…надо, чтобы все кубанские казаки знали, как в 21 г. терских казаков переселяли, которые сопротивлялись Советской власти. Так и сейчас – мы не можем, чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засевались, а засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались… мы переселим вас».[1] Таким образом, в 1932 г. Москва, в противовес официально признанной большевистской политике классово-дифференцированного отношения к казачеству, применила огульно-массовые репрессии против казаков.

Надо сказать, что только лишь депортацией населения «чернодосочных» станиц дело не ограничилось. В колхозах, расположенных в этих станицах, чистки продолжались и позднее. Об этом, в частности, свидетельствуют отчеты политотделов местных МТС о количестве членов колхозной администрации, «вычищенных» из ее состава как «классово чуждые элементы». Так, на протяжении 1933 г. в колхозах Ирклиевской МТС из 136 колхозных администраторов[2] были «вычищены» как «классово чуждые» 46 человек (31,6 %), и были исключены по тем же причинам еще 142 рядовых колхозника. В колхозах Каневской МТС из 160 управленцев были «вычищены» 45 (28,1 %), изгнаны 80 рядовых колхозников; в колхозах Красноармейской МТС из 339 администраторов чистке подверглись 66 (19,5 %), исключены 266 рядовых колхозников; в колхозах Ленинградской МТС были вычищены 90 управленцев из 342 (26,3 %), изгнаны 133 колхозника; в колхозах Лабинской МТС были «вычищены» 33 управленца из 319 (10,3 %), изгнаны 133 колхозника; в колхозах Отрадненской МТС потери составили 35 администраторов из 215 (16,3 %) и 164 рядовых колхозника; колхозы

[1] Цит. по: Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 9 – 10.

[2] Отчеты политотделов МТС о количестве «классово-чуждых» элементов, «вычищенных» из состава колхозной администрации в 1933 г., представляют собой стандартные бланки-таблицы. В них перечислены следующие категории колхозных управленцев: председатели колхозов, члены правлений колхозов, завхозы, кладовщики, бухгалтеры и счетоводы, заведующие животноводческими товарными фермами, бригадиры, бригадные учетчики. Итого – 8 категорий колхозного административно-управленческого аппарата, которыми данный аппарат (в 1933 г.) практически и ограничивался.

Старо-Минской МТС лишились в короткий срок 123 управленцев из 254 (48,4 %) и 444 колхозников[1] и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что основная масса «вычищенных» приходится на два первых квартала 1933 г., когда местные власти на Юге России по инерции, заданной московской комиссией, проявляли наибольшую активность в борьбе с «кулацким саботажем хлебозаготовок». Ближе к исходу 1933 г. масштабы «чисток» постепенно уменьшились. При этом наибольшие потери понесли как раз колхозы кубанских МТС, в то время как на Дону, Тереке, Ставрополье масштабы «чисток» были гораздо скромнее.

Жестокость центрального партийно-советского руководства в отношении кубанских казаков объяснялась стремлением во что бы то ни стало выполнить хлебозаготовительные планы и раз и навсегда запугать хлеборобов, чтобы более они не пытались сопротивляться мероприятиям сталинского режима; ради этого Сталин пошел на очевидное попрание классовых принципов большевистской идеологии. Хлебозаготовки, как известно, были в основном выполнены. Но каковы же итоги крайне жестких действий сталинского руководства для населения и сельского хозяйства Юга России? Если говорить только о казачестве, то здесь, во-первых, заметны нарастание напряженности во взаимоотношениях казачьих сообществ и властей и, во-вторых, кризис аграрного производства в колхозах «чернодосочных» станиц. Антиказачьи акции Москвы нанесли сильнейший удар по мероприятиям краевого руководства на Юге России, направленным на привлечение казаков к «социалистическому строительству».

По существу, именно об этом говорил в конце января 1933 г. на III объединенном пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и краевой контрольной комиссии представитель Северной Осетии Демиховский. Ему во время «слома кулацкого саботажа» случилось побывать в Невинномысском районе, и вот к каким выводам он пришел: «Я слышал в Невинномысском районе

[1] Рассчитано по: ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 463, л. 103, 107, 109, 118, 119, 123, 139.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

много выступлений, что станица такая-то, в бригаде такой-то 50 % или все 100 % белых и [местные работники] стараются этим оправдать то, что нет семян, то, что лошади дохнут. Мне кажется, что это очень опасный уклон в этом отношении, дающий оружие в руки классовому врагу, дающий возможность кулаку-казаку создать единый фронт с казаком-бедняком, дающий возможность ему провоцировать бедняка – если он казак вообще, а тем более, если имел несчастье быть в белой армии, хотя бы мобилизованным, [то теперь кулак может сказать ему: «]знай – все равно тебя угробят, такое отношение к тебе». Необходимо, продолжал Демиховский, в отношении сельского населения придерживаться классового подхода, и это требование «должно быть подчеркнуто в наших тезисах больше, чем в них об этом сказано, особенно в условиях наших казачьих районов. Нельзя допустить, чтобы классовый враг мог разговаривать относительно нашего особого отношения к казакам и т. д.».[1]

Однако призывы Демиховского большинством партийных и советских работников услышаны не были, так что «классовый враг» заговорил-таки об особом отношении большевиков к казачеству. Казаки, естественно, восприняли депортацию жителей «чернодосочных» станиц как свидетельство осуществления «расказачивания». Эта акция Москвы никоим образом не способствовала налаживанию добрососедских отношений между властями на Юге России и казаками: она привела только к нарастанию взаимного недоверия и к росту протестных настроений в массе казачества.

Показателен следующий пример, демонстрирующий всю глубину недоверия, которое казаки после депортации жителей «чернодосочных» станиц испытывали к заверениям властей о том, что они строго придерживаются классового подхода в отношении казачества. Когда в мае 1934 г. в колхозе «Социалистическое земледелие» Кущевского района Азово-Черноморского края пошли разговоры о выселении всех казаков на Север, население отреа-

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 50.

гировало немедленно. Сотрудники ОГПУ докладывали, что «отдельные колхозники» на волне слухов о выселении готовятся «к выезду из станицы, распродают имущество, заготавливают сухари и др. продукты на дорогу, вплоть до выкапывания только что посаженного картофеля».[1]

В социально-экономическом плане выполнение завышенных хлебозаготовительных планов стало одной из основных причин Великого голода 1932 – 1933 гг. и привело к кризису аграрного производства на Северном Кавказе. Причем в данном случае важно подчеркнуть негативные последствия не только государственного грабежа колхозов и единоличников (у которых власти забирали даже семенное зерно, чем ставили под угрозу весеннюю посевную кампанию), но также и выселение жителей «чернодосочных» станиц. Ведь в результате депортаций Северо-Кавказский край потерял минимум несколько десятков тысяч рабочих рук. Кроме того, многие сельские жители сами бежали из своих сел, станиц, хуторов, видя, что коммунисты ради выполнения хлебозаготовок не останавливаются ни перед какими репрессиями и им глубоко плевать, что будет с хлеборобами после реализации хлебозаготовительных планов. Особенно значительных масштабов бегство населения достигло на Кубани, о чем говорил на уже упомянутом нами III объединенном пленуме Северо-Кавказского крайкома и крайКК ВКП(б) представитель Тимашевского района Волков: «положение такое, что сейчас в ряде колхозов людей нет. Люди текут, бегут, расползаются».[2]

В итоге уже в начале 1933 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев признавал, что имеющийся в крае недосев озимых в размере 500 тыс. га «падает преимущественно на районы Кубани и примыкающие к ним»,[3] то

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 204 – 205.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 64.
[3] Шеболдаев Б.П. Об итогах осенних сельскохозяйственных работ, хлебозаготовок и о задачах весеннего сева. Доклад и заключительное слово на объединенном пленуме С.[еверо]-К.[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 26–28 января 1933. Ростов н/Д, 1933. С. 9.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

есть те районы, которые пострадали от депортаций жителей «чернодосочных» станиц. Даже к исходу 1933 г. 16 районов Кубани просили краевое руководство для возмещения убыли депортированных казаков прислать не менее 32,7 тыс. человек (за счет переселенцев), что составляло 7,5 % от общего числа трудоспособных жителей этих районов.[1]

Даже в следующем году ситуация оставалась крайне сложной. Начальники политотделов МТС, расположенных в тех районах, где находились «чернодосочные» станицы, в один голос жаловались, что из-за выселений возник дефицит рабочей силы, и просили краевое руководство изыскать для них новых работников, чтобы реализовать поставленные перед ними производственные задачи. Так, начальник политотдела Ленинградской МТС Лапшин сообщал краевому руководству в июне 1934 г., что на подчиненной ему территории, где насчитывалось 16 колхозов, «раньше было 30 000 населения, [а] сейчас имеется 19 000», и просил «дать … помощь людскими силами из Ростова, в порядке шефства, хотя бы 500 человек».[2] Тогда же начальник политотдела Отрадо-Кубанской МТС Саенко докладывал в краевой центр, что ему для прополки не хватает 1,8 тыс. человек, а при этом на коллективных хозяйствах висела обязанность выделить для местных совхозов еще 750 человек. Отмечая, что «при таком положении выполнить все правила агротехники по обработке почвы, уборке, молотьбе, а также количественно справиться со всеми сельскохозяйственными работами будет чрезвычайно трудно», Саенко просил вышестоящее руководство «завезти в колхозы района деятельности МТС трудоспособных колхозников за счет переселенцев не менее 1 500 человек» и

[1] Рассчитано по: ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 2, л. 55.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 35. Понятно, почему в колхозах Ленинградской МТС наблюдалась такая резкая убыль населения. Ведь станица Ленинградская – это бывшая станица Уманская, из которой было выслано не менее 6 тыс. человек (плюс к этому неустановленное количество колхозников и единоличников, высланных из близлежащих к станице хуторов или бежавших оттуда). Помимо Уманской, переименованию, как известно, подверглись также кубанские станицы Полтавская (объявленная Красноармейской) и Урупская (ставшая Советской).

освободить коллективные хозяйства от обязанности изыскать для совхозов 750 работников.[1]

О негативных последствиях инициированных Москвой антиказачьих акций говорили даже власти новообразованного Северо-Кавказского края, относительно слабо пострадавшего от борьбы с «кулацким саботажем хлебозаготовок» (хотя к нему отошел ряд кубанских казачьих станиц). Представители местного руководства рассуждали на II пленуме крайкома ВКП(б) в июне 1934 г.: «как в таких казачьих станицах, как Невинка[,] утекает рабочая сила. Это началось с момента ломки саботажа. Часть [казаков] выбыла, часть выслали, часть разбежалась сама и последнее время накануне окончания прошлого года у нас начался отход последних остатков из бывших репрессивных хозяйств на разные работы – на шерстомойку, на железную дорогу», на другие местные предприятия, в совхозы и т. д. В итоге, констатировали представители власти, в казачьих колхозах района катастрофически не хватает рабочих рук, и «мы вынуждены будем прибегать к помощи посторонней рабочей силы, пусть это будут колхозники, пусть это будут единоличники, но мы обязаны убрать весь хлеб до единого зерна».[2]

Для устранения дефицита рабочей силы, образовавшейся после депортаций жителей казачьих «чернодосочных» станиц, краевое руководство Юга России попыталось организовать переселение сюда колхозников с территории Ставрополья и «северных крестьянских районов края».[3] Но за счет внутрикраевых ресурсов покрыть убыль казачьего населения в кратчайшие сроки, то есть до весенней посевной кампании 1933 г., не представлялось возможным. Поэтому было срочно организовано переселение в Северо-Кавказский край демобилизованных красноармейцев, которые рас-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 227, л. 16.

[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 108.

[3] «Записка по прямому проводу» секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича и секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева И.В. Сталину о выселении с Кубани единоличных и «кулацких» хозяйств // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930 – 1940. Кн. I. М., 2005. С. 561.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ценивались как резерв для создания наиболее дисциплинированных, сознательных и трудолюбивых кадров колхозников (в этой связи Б.П. Шеболдаев одобрительно говорил, что «прошедшие школу Красной армии колхозники – это другие люди, не те, которые выросли в деревне»[1]). Из красноармейцев предполагалось сформировать новые коллективные хозяйства и колхозные бригады, которые должны были «внедрить в колхозы и колхозное производство славные красноармейские традиции – стальную дисциплину и высокую организованность», стать «образцами колхозного производства для окружающих колхозов и станиц Кубани».[2]

Надо сказать, что данная акция не являлась совершенно новой для Юга России. Красноармейцы, часть из которых была родом из центральных и северных регионов РСФСР, расселялись на территории кубанского Черноморья еще с 1931 г.[3] (опять-таки возмещая убыль населения, образовавшуюся здесь в результате депортации свыше 9 тыс. «кулацких» хозяйств в начале этого года). Так, уже в июне 1931 г. Сочинский райком ВКП(б) рассматривал хозяйственные вопросы, связанные с организацией «красноармейской коммуны», а командированный в район военный комиссар 5 кавалерийский дивизии СКВО Амалин констатировал неудовлетворительные темпы строительства (в частности, он констатировал, что если строительные работы будут и далее продолжаться черепашьими темпами, то к середине сентября запланированные 200 красноармейских «семейств» не смогут вселиться).[4] В целом к весне 1934 г., по имеющимся данным, в причерноморских районах Кубани (Анапском, Геленджикском, Новороссийском, Сочинском, Туапсинском, Шапсугском), за счет

---

[1] Шеболдаев Б.П. Об итогах осенних сельскохозяйственных работ… С. 52.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1375, л. 102; ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 10.

[3] ЦДНИ РО, ф. 7, оп.1, д. 1076, л. 108 – 109об; ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 1798, л. 224, 226; оп 7, д. 462, л. 230; Залесский И.Л. Коммунистическая партия – организатор помощи Красной Армии трудящемуся крестьянству в социалистическом преобразовании сельского хозяйства в 1927 – 1932 годах (На материалах Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа): Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1981. С. 152 – 156.

[4] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, л. 108 – 109об.

красноармейцев-переселенцев было организовано 14 коллективных хозяйств.[1] По данным статорганов Краснодарского края, в красноармейских колхозах Черноморья к 1 января 1939 г. насчитывалось 428 семейств.[2]

Но масштабы переселения красноармейцев в колхозы Юга России в 1933 г. были намного значительнее, чем в 1931 г., и размеры помощи, оказываемой переселенцам государством и местными органами власти – тоже.[3] Уже к середине февраля 1933 г. первые контингенты красноармейцев (около 20 тыс.) прибыли в «чернодосочные» станицы,[4] увидев здесь тяжелейшие последствия «борьбы с саботажем»: разрушенные дома, поля, заросшие сорняками, изломанный сельхозинвентарь.[5]

Преимущественно красноармейцы переселялись из Ленинградского, Белорусского, Московского и других центральных и северо-западных военных округов, а также с Украины; небольшие группы красноармейцев прибыли в «чернодосочные» станицы из Закавказья и непосредственно из Северо-Кавказского военного округа. Большинство красноармейцев до службы были связаны с сельским хозяйством, что было немаловажно для устройства их на новом месте жительства и работы (причем нередко представители власти стремились сразу установить, кто из переселенцев имеет отношение к сельскому хозяйству, а кто – нет; ведь горожане чаще всего уезжали обратно, лишь только увидев «прелести» разоренных большевиками кубанских станиц). Переселенцы, правда, в большинстве своем не представляли специфики природно-климатических условий Кубани и особенностей сельскохозяйственного производства в данном регионе. Поэтому, чтобы они лучше представляли себе, в каких условиях им придется работать, на станции Батайск была организована специаль-

[1] ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 2, 24, 63, 137, 303, 346, 388.
[2] ГАКК, ф. р-1378, оп. 2, д. 3, л. 66.
[3] ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 1800, л. 4 – 6, 10, 21.
[4] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 18.
[5] ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 442, л. 34.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ная сельхозвыставка, которую посетили до 80 % глав семей и до 30 % членов семей красноармейцев[1] (Батайск был выбран по той причине, что он являлся приемно-распределительным пунктом для эшелонов с переселенцами: все они прибывали сюда и здесь же распределялись по направлениям мест вселения).

К 10 апреля 1934 г. в Азово-Черноморском крае, преимущественно на Кубани, насчитывалось около 48,2 тыс. красноармейцев-переселенцев и членов их семей (в новообразованный Северо-Кавказский край отправилось лишь 572 красноармейца). Из них было сформировано 200 производственных бригад, которые рекомендовалось не смешивать с бригадами из местных жителей. На 5 октября 1934 г. в Азово-Черноморском крае насчитывалось уже около 62,2 тыс. переселенцев.[2]

Отчасти переселение демобилизованных красноармейцев в казачьи «чернодосочные» станицы способствовало ослаблению дефицита рабочих рук и оказало определенное позитивное влияние на состояние колхозного производства Кубани, что было немаловажно в те времена. Однако из-за слабого снабжения, непривычных природно-климатических условий, повлекших массовую заболеваемость переселенцев малярией, а также из-за враждебности местного казачьего населения (воспринявшего демобилизованных красноармейцев как пособников сталинского режима и захватчиков – об этом мы скажем в следующем очерке) значительная часть красноармейцев – примерно 30 % к осени 1934 г. – вернулась обратно на родину.[3] Полностью исправить тяжелейшие последствия антиказачьих акций периода борьбы с «кулацким саботажем» переселение демобилизованных красноармейцев было неспособно. Признавая этот факт, Азово-Черноморский крайком ВКП(б) уже апреле 1934 г. принял решение дополнительно рассе-

[1] ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 5, л. 59, 188, 188об; д. 7, л. 1.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп.1, д. 1390, л. 5; ф. 166, оп. 1., д. 113, л. 88; ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 3232, л. 48; ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 6, 7.

[3] Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 113.

лить в крае еще 20 тыс. колхозных семей из других регионов Советского Союза.[1]

Итак, во время «колхозного строительства» на Юге России было заметно противостояние двух позиций по отношению к казачеству – «классово-дифференцированной» (ее придерживались представители высших эшелонов власти, на уровне края – района) и «этнографически-унитарной» (ее активными сторонниками были местные руководители, активисты, сотрудники репрессивно-карательных органов, вообще большинство иногороднего населения). Хотя приверженцы этих позиций были солидарны в видении конечной цели политики по отношению к казачеству (растворение казаков в массе колхозного крестьянства), они намеревались добиваться этого разными методами, т.е. наблюдавшаяся кратическая полярность была направлена все же в одну сторону. Несмотря на постоянные призывы краевого и окружного руководства соблюдать в отношении казаков классовый подход и всячески привлекать к «колхозному строительству» беднейшие и средние слои казачества, масса местных руководителей и активистов (которые преимущественно были иногородними) практиковала огульно-массовые репрессивные меры в отношении казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека. Позиция местных радикалов-казакофобов была, по существу, поддержана и усилена высшим партийно-советским руководством во главе с И.В. Сталиным, которое в конце 1932 г. осуществило такие антиказачьи меры, как депортация жителей «чернодосочных» станиц. Необоснованные репрессии против казаков как таковых привели, как и предупреждали представители высшего руководства на Юге России, к тяжелейшим общественно-политическим и социально-экономическим последствиям, которые выразились в кризисе аграрного производства и обострении взаимного недоверия между значительной частью южнороссийского казачества и властью, что позволяет говорить нам о проколхозном кризисе.

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 58, л.39об, 50об – 52.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Очерк третий
Казачество Юга России и коллективизация: «за» и «против»

Согласно господствовавшей в СССР идеологической доктрине, сплошная форсированная коллективизация сельского хозяйства, развернутая сталинским режимом в конце 1920-х гг., представляла собой «революцию сверху», которая осуществлялась «при прямой поддержке *снизу* (курсив источника – авт.) со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь».[1] Противниками коллективизации являлись сравнительно немногочисленные «кулаки» и «подкулачники», которым иногда, «кое-где», удавалось «даже подбить крестьян на прямые антисоветские выступления», но лишь потому, что эти крестьяне были недовольны «перегибами» местных партийно-советских работников при осуществлении «колхозного строительства».[2]

Эта схема практически без изменений накладывалась и на казачьи регионы России, в том числе Дон, Кубань, Терек. В официальных документах, в литературе, в прессе подчеркивалось, что подавляющее большинство казаков-бедняков и середняков поддержало коллективизацию, а сопротивление ей оказала лишь «офицерско-кулацкая верхушка, со звериной ненавистью боровшаяся против советской власти, против колхозов, пускавшая в ход все средства борьбы, какие только могла изобрести изощренная в ремесле душителей революции кровавая свора опричников царизма».[3] Одним из характерных примеров может служить описание советскими журналистами «колхозного строительства» в Вешенском районе Северо-Кавказского края, относящееся к вес-

[1] История ВКП(б). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1950. С. 291 – 292.

[2] История ВКП(б). Краткий курс. С. 294.

[3] Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля.

не 1930 г., то есть сделанное, что называется, «по горячим следам» событий: «хутора и станицы единогласно принимают решения коллективизироваться. Выступили в колхозный поход. Казачество охвачено массовым энтузиазмом, он разрастается, как пламя под ветром».[1] Вместе с тем подчеркивалось, что Вешенский район «имеет значительный процент кулацких хозяйств; в станицах и на хуторах – засилье сектантов. Отсюда целый ряд срывов классовой борьбы и острота в колхозстроительстве».[2]

Необходимо снова подчеркнуть, что классовый подход зачастую не работал в отношении казачьих сообществ Юга России: мотивы про- или антиколхозных действий тех или иных групп казаков в период коллективизации определялись не только (нередко – не столько) размерами их хозяйств или социальным статусом. Казаки не делились столь четко, как это подавалось официальной идеологической доктриной, по социальному признаку на бедняков и середняков – сторонников колхозов, и на «кулаков» и зажиточных – противников и коллективных хозяйств, и советской власти. Противниками или сторонниками колхозов и советской власти могли быть представители самых разных слоев и групп в составе казачества (как, впрочем, и в составе крестьянства). Причем в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. казаки нередко меняли свое отношение к власти и колхозной системе под влиянием мероприятий высшего партийно-советского руководства, действий местного начальства, состояния самих коллективных хозяйств и множества иных факторов. Собственно, и сталинская идеологическая машина была вынуждена перестроиться с учетом данного обстоятельства, превратив понятие «кулак» из некогда более-менее четкого, определенного в нечто аморфное, расплывчатое, и присовокупив к «кулакам» еще и «подкулачников», то есть их пособников из числа бедняков, середняков, даже представителей местного и колхозного руководства. Но, при всех

[1] Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. 1930. № 4. С. 32.
[2] Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. 1930. № 4. С. 33.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

оговорках, не может быть подвергнут сомнению тот факт, что казачество не выступило единым фронтом ни «за», ни «против» коллективизации. Однако эту ситуацию нельзя классифицировать как социальный нейтралитет.

Определенная часть казаков уже в 1920-х гг. вошла в колхозы, которые еще не были уродливо деформированы сталинским режимом и представляли собой относительно добровольные и самостоятельные производственные объединения. Правда, на протяжении 1920-х гг. (до 1928 г.) в коллективных хозяйствах было намного больше иногородних, чем представителей казачьих сообществ. Так, 14 марта 1928 г. заведующий окружной секцией колхозов Кубанского округа докладывал II пленуму Кубанского окружкома ВКП(б), что казаки составляли в колхозах лишь 10,5 % их членов. Особенно незначителен был удельный вес казаков в коммунах (всего 5,1 %); в артелях представительство казаков повышалось до 14,9 %, в ТОЗах – до 20,3 %.[1]

Однако к лету 1928 г. ситуация изменилась в связи с притоком массы хлеборобов в уже существующие колхозы и возникновением множества новых коллективных хозяйств (что являлось следствием как увеличившихся государственных дотаций на нужды «колхозного строительства», так и боязни крестьян и казаков попасть под пресс «чрезвычайных хлебозаготовок», от которых они надеялись укрыться в колхозах). В докладе руководителя сельскохозяйственной группы Северо-Кавказской РКИ на III пленуме краевой контрольной комиссии ВКП(б) 27 июля 1928 г. говорилось, что «число колхозов в крае увеличилось больше чем в два раза» за период с 1 января по 1 июля текущего года. Причем в колхозы вступали не только иногородние, но и многие казаки, так как, по данным обследования 102 колхозов края, в Терском округе удельный вес казаков в коллективных хо-

[1] Из доклада заведующего окружной секцией колхозов 2-му пленуму Кубанского окружкома ВКП(б) о колхозном строительстве. 14 марта 1928 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). Сб. документов и материалов / Под ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981. С. 22.

зяйствах равнялся 45,6 %, в Кубанском округе – 40,1%, в Донском округе – 17,7%.[1]

Любопытно, что в докладе был сделан следующий вывод: «анализ данных по различным формам [колхозов] показывает, что казачество в этом случае (то есть вошедшее в колхозы – *авт.*) ничем не отличается от иногородних».[2] «Колхозное строительство», таким образом, воплощало в жизнь надежды большевиков на постепенное растворение казачьих сообществ в массе кооперированных крестьян.

Вместе с тем столь категоричное суждение представляется верным лишь отчасти. Ведь советские аналитики, являвшиеся последовательными сторонниками материализма, обычно фиксировали лишь социально-экономические изменения, практически не принимая во внимание сферы самосознания, коллективной психологии и пр. Казаки-колхозники, действительно, в социально-экономическом плане представляли собой едва ли не полный аналог колхозникам-иногородним. Но, как показали последующие события (например, кампания «за советское казачество»), многие донские, кубанские, терские казаки, вошедшие в колхозы и уже не выделявшиеся в массе рядовых колхозников занятиями, размерами хозяйств, уровнем жизни, тем не менее продолжали ощущать свою принадлежность к казачеству, свою морально-психологическую и культурную особость, непохожесть на иногородних.

В связи с этим вспоминается сюжет «Поднятой целины», где Давыдов встречается на полевом стане одной из своих колхозных бригад с Иваном Нестеренко – секретарем райкома. Нестеренко приехал в бригаду на заре, когда утомленные пахотой колхозники (и Давыдов, пахавший вместе с ними) еще спали. Не спала только стряпуха Куприяновна, пытавшаяся раздуть костер и сварить

[1] Из доклада руководителя сельскохозяйственной группы Северо-Кавказской РКИ на III пленуме краевой контрольной комиссии ВКП(б) о результатах обследования колхозного строительства в крае. 27 июля 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 98.

[2] Там же, С. 98.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

бригаде завтрак. Нестеренко помог кухарке разжечь костер, начистить картошки и в конце концов покорил Куприяновну своей простотой и обходительностью. Поэтому, когда он, побеседовав с Давыдовым, уезжал из бригады, Куприяновна очарованно смотрела ему вслед и громко выражала свое восхищение: «ну, вылитый казак, да ишо старинной выправки!». Когда же Давыдов сказал, что Нестеренко не казак, а украинец (что было чистой правдой), Куприяновна «вспыхнула, как сухой порох: – Ты своей бабушке сказки рассказывай, а не мне! Я тебе точно говорю, что он истый казак! Неужто тебе глаза залепило? Его издаля по посадке угадаешь, а вблизу – по обличью, по ухватке, да и по обхождению с женщиной видать, что он казачьей закваски, не из робких…».[1]

То, что в данном случае Куприяновна ошиблась, приняв «хохла» Нестеренко за казака, не важно; важна ее убежденность в том, что настоящего казака, будь он хоть колхозник, хоть единоличник, можно отличить от русского или украинца по стилю поведения, манере общения и т.д. Точно такая же убежденность в своей особости, непохожести на иногородних была присуща в 1930-х гг. и многим колхозникам-казакам Дона, Кубани и Ставрополья.

Разумеется, в советское время, и особенно в процессе и по завершении коллективизации, такие настроения проявлялись гораздо слабее, чем в дореволюционный период. Чаще всего эти настроения уже не перерастали в акции, направленные на ущемление прав и интересов иногородних (как это было до революции и даже на протяжении 1920-х гг.). Если же такое иногда случалось, то, как будет показано далее, органы власти быстро и жестко напоминали, что в СССР больше нет сословий и все граждане равны (исключая, конечно, самих представителей сталинского режима, которые, по знаменитому выражению Д. Оруэлла, были «более равны», чем остальное население[2]). О решительности, с

[1] Шолохов М.А. Поднятая целина. М., 1960. С. 379.

[2] Оруэлл Д. «Ферма животных» / Оруэлл Д. 1984. «Ферма животных». М., 1989. С. 310.

которой большевики боролись со своеобразным казачьим шовинизмом, хорошо сказал А.В. Венков, заметив, что «власть многие годы выбивала эту дурь, подчас излишне сурово и у некоторых вместе с душой».[1] Так что с каждым годом ощущение казаками своей самобытности слабело. Но, тем не менее, на протяжении рассматриваемого нами периода времени донские, кубанские, терские казаки, ставшие (многие не по своей воле) колхозниками, все-таки еще ощущали свою особость и самобытность: полного и безвозвратного растворения казачьих сообществ в массе колхозного крестьянства не произошло (к данному тезису мы еще вернемся в последнем очерке).

Необходимо подчеркнуть одну специфическую деталь, присущую казачьей политике сталинского режима в данный период времени. Хотя большевики видели, что коллективизация, действительно, способствует социально-экономическому уравнению казаков и иногородних, слиянию их в однородную массу колхозников, они все же не спешили предавать казачество забвению. В условиях развертывания «колхозного строительства» это было не только преждевременно, но и весьма нежелательно для коллективизаторов: ведь в таком случае немало казаков стало бы воспринимать коллективные хозяйства в качестве некоей «могилы казачества», что, несомненно, замедлило их приток в колхозы и затруднило осуществление коллективизации в казачьих регионах (тем более, что многие донцы, кубанцы и терцы и без того понимали «колхозное строительство» с сопровождавшим его «раскулачиванием» как «расказачивание»). Напротив, постоянные утверждения советских пропагандистов о том, что все больше и больше казаков становится колхозниками, повсеместно публикуемые и тиражируемые призывы казаков-колхозников к казакам-единоличникам последовать их примеру должны были стимулировать еще не кооперированную часть населения казачьих станиц на скорейшее вступление в колхозы.

[1] Венков А.В. Печать сурового исхода… С. 8.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Отнюдь не случайно в обращении Северо-Кавказского краевого съезда рабочих и крестьян к трудящимся края, принятом в январе 1930 г., казаки были выделены как особая группа хлеборобов края: «наш съезд собрался в момент решительного перехода широчайших масс основных слоев крестьянства, казаков и горцев на путь коллективизации».[1] Тем самым подчеркивалось позитивное отношение «широчайших масс» казачества к коллективизации, а все колеблющиеся казаки как бы приглашались принять активное участие в «колхозном строительстве».

Несколько отвлечемся от основной канвы нашего повествования, но нельзя не отметить, что в данном обращении казаки фактически понимались в качестве специфической этносоциальной группы, ибо они были упомянуты не просто вместе с крестьянами как социальным слоем, но также и вместе с горцами, то есть народами Северного Кавказа. Любопытно, что неопределенность этносоциального статуса казаков довлела над партийно-советскими деятелями и позже. Так, во время осуществления кампании «за советское казачество» первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, выступая на торжественном заседании Ростовского горсовета, объяснял собравшимся смысл правительственных мероприятий по отношению к казакам и сказал буквально следующее: «мы взяли все, что было хорошего, у металлистов, у шахтеров, у крестьянства, у партизан; от всех национальностей берем все для того, чтобы вложить это в дело нашего великого строительства. И мы возьмем и от казачества то, что у него было хорошего».[2] Как видим, и здесь казаки выступали в качестве некоего промежуточного звена между социальными группами и национальностями. Социальный адрес казачества оставался не определенным.

---

[1] Из обращения Северо-Кавказского краевого съезда рабочих и крестьян к трудящимся края. Не позднее 11 января 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 227.

[2] Выступление Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. 23 марта.

Возвращаясь к теме данного очерка, подчеркнем, что обращение Северо-Кавказского краевого съезда рабочих и крестьян не являлось голословным: казаки действительно принимали самое живое и непосредственное участие в коллективизации. В частности, когда в Славянском районе Северо-Кавказского края в середине января 1930 г. была созвана районная бедняцко-середняцкая конференция по сплошной коллективизации, среди 171 ее участника многие являлись казаками (причем это обстоятельство специально подчеркивалось в материалах конференции). Правда, в своих выступлениях эти казаки никак не подчеркивали свой особый статус, ничего не говорили о «казачьем вопросе» и делили сельское население не по сословным (казаки и иногородние), а по социальным (бедняки, середняки, «кулаки») характеристикам. Их вполне стандартные речи, по содержанию ничем не отличавшиеся от выступлений иногородних крестьян, были посвящены исключительно вопросам технико-организационного и социально-экономического переустройства южнороссийских сел и станиц: замене мелких индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств крупными колхозами, осуществлении механизации, борьбе с «кулаками» и т. п.

Так, казак-середняк Юрчевский призвал собравшихся создавать колхозы и изолировать «кулаков»: «По приезде домой нам нужно выполнить задачу и объединиться в крупный колхоз, а кулакам заявить: «Никакого ходу вам больше нет». Его поддержал казак-бедняк Игнатенко: «Партия и Советская власть нас никогда не обманывали. А кулаки нам говорят, что тракторы только обещают, но не дадут. Мы знаем, что кулак врет, потому что мы на него наступаем. Довольно с кулаком церемониться, пусть он к нам теперь придет и тридцать раз поклонится, как кланялись когда-то мы ему, а мы скажем: "Ты нас эксплуатировал, кровь пил и иди к черту". Мы сами буржуазию побили, мы собственными силами и средствами построим крупные колхозы без помощи кулака…». Показательно, что о том же говорили и выступавшие на

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

конференции крестьяне: «надо… злостной кулацкой провокации объявить жестокую борьбу» (Кушнаренко, крестьянин-середняк); «я скажу одно, что колхоз наш друг. Да здравствует сплошная коллективизация!» (Валан, крестьянка-беднячка) и т.д.[1]

Материалы Славянской районной конференции, как и многие другие подобные документы, хорошо отражают специфику «колхозного строительства» в казачьих районах Юга России. С одной стороны, подчеркивалось активное участие казаков в «колхозном строительстве», их заинтересованность в создании колхозов, доброжелательное отношение к коллективным формам ведения сельского хозяйства. С другой стороны, в процессе коллективизации власти (и сами казаки, выступавшие за колхозы) акцентировали внимание на социальных, а не сословных характеристиках и противоречиях южнороссийской станицы. Более того, анализ документов позволяет утверждать, что «колхозное строительство» понималось и большевиками, и многими казаками не просто как средство улучшения жизни беднейших и средних слоев казачества, но как наиболее эффективный метод окончательного решения «казачьего вопроса»: коллективизация выступала как мера по окончательной ликвидации сословного статуса казачьих сообществ и растворения их в массе колхозников. Иными словами, коллективизация понималась, помимо прочего, и как комплекс мер по завершению «расказачивания» (другое дело, что вообще следует понимать под «расказачиванием» и было ли оно завершено на протяжении 1930-х гг.; об этом пойдет речь в последнем из наших очерков).

Как бы там ни было, немало казаков, повторимся, действительно достаточно активно участвовало в процессе «колхозного строительства». Уровень коллективизации в казачьих районах был не ниже, чем в районах с преобладанием иногороднего населения. Так, уже в начале 1930 г. в станице Некрасовской на Ку-

[1] Из протокола Славянской районной бедняцко-середняцкой конференции по сплошной коллективизации. 15 января 1930 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). С. 69, 70 – 71.

бани «колхоз объединил все бедняцко-середняцкое казачество», то есть около 1 700 дворов.[1] К марту 1930 г. были едва ли не полностью коллективизированы основные ведущие «казаче-крестьянские округа» Северо-Кавказского края. Показатели коллективизации в Кубанском округе составили 94,9 %, Донецком – 92,8 %, Донском – 82,4 %, Шахтинском – 87,8 %, Армавирском – 81,5 %, Терском – 77,8 %.[2] Конечно, необходимо учитывать стремление местного и краевого руководства завысить процент коллективизации,[3] а также колебания хлеборобов, которые то вступали в колхозы, то выходили из них. Огромная масса южнороссийского крестьянства и казачества не вошла в колхозы, а была загнана в них властями. Но показательно, что часть казаков агитировала за колхозы и последовательно укрепляла их (в частности, самоотверженным трудом в общественном производстве), веря, что путь коллективного земледелия спасет их от нужды.

Подчеркивая факт активного участия значительных групп казачества в «колхозном строительстве», Терский окружком ВКП(б) 18 мая 1930 г. решил направить в Ростов-на-Дону «специальную казаче-крестьянскую делегацию в составе 15–20 человек… для доклада Крайисполкому об итогах весеннего сева в Терском округе».[4] Инициатива окружкома не была единственной в своем роде и не представляла собой чего-либо выдающегося.

---

[1] Ульянов Ив. Коллективизация Северо-Кавказского края // Наши достижения. 1930. № 1. С. 92.

[2] Панкратов А.Б. Полеводческая кооперация на фронте сплошной коллективизации и весенней посевной кампании // Северо-Кавказский край. 1930. № 3. С. 122.

[3] Официальные данные о темпах коллективизации порой противоречат сведениям, почерпнутым из других документов. Так, в отчетах, которые руководство Северо-Кавказского края направляло в Москву, утверждалось, что к началу 1931 г. в колхозах состоят уже более 60 % крестьянских хозяйств. Но, по предварительным данным учета объектов налогообложения, исходящим от органов народнохозяйственного учета Северо-Кавказского края, по десяти русским округам края в начале 1931 г. коллективизированные хозяйства составляли менее половины их общей массы, так как на единоличников приходилось 51,6 % (рассчитано по: ГАРО, ф. р-98, оп. 2, д. 58, л. 126). Думается, при всей нестабильности социальной обстановки в деревне периода коллективизации, доверять следует все же данным органов народнохозяйственного учета. В конце концов, на их основе рассчитывались суммы налога, а преуменьшать его не было смысла.

[4] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 248.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Казаки рапортовали о достигнутых успехах в процессе осуществления коллективизации и с более высоких трибун.

В июне 1930 г. состоялась VI Северо-Кавказская краевая партийная конференция, на которой выступали терские казаки, гордо заявившие присутствующим: «Слушайте, делегаты! У нас коллективизировано 67 % всех бедняцко-середняцких масс!»»[1] (как видим, это было уже на 10 % меньше, чем в начале того же года: сказывался вызванный статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов» массовый отток из колхозов крестьян и казаков, загнанных туда насильно). А когда в мае–июне 1930 г. в Москве проходил XVI съезд ВКП(б), то на нем «от колхозников–казаков и крестьян Северного Кавказа» выступал колхозник Каркач, доложивший делегатам об успехах «колхозного строительства» в крае: «Мы, колхозники, казаки Северного Кавказа, имеем задание партии и нашей рабоче-крестьянской власти перевести посевной клин на колосовые и культурные семена. Мы это выполнили на 100 %».[2] Кроме того, среди рапортов, направленных в адрес съезда, был и рапорт «трудовых казаков и крестьян» Донецкого округа. В рапорте отмечалось, что округ коллективизирован на 82 % (по сравнению с началом года – спад на те же 10 %, что и в Терском округе), казачьи районы превысили посевные площади по сравнению с прошлым годом на 40–50 %, и это при том, что среднее превышение по всем районам составило лишь 26 %. Далее в рапорте содержались знаменательные слова, которые должны были весьма и весьма порадовать и делегатов съезда, и представителей высшего руководства страны: «Мы, казаки станиц Вешенской, Казанской, Митякинской, Мигулинской и других, твердо заявляем, что того казака, на которого опирались царь и буржуазия, нет и не будет никогда и что коллективизированное

[1] Корреспонденция из газеты «Молот» о выступлении терских казаков на VI Северо-Кавказской краевой партийной конференции. 7 июня 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 338.

[2] Рапорт колхозников Северного Кавказа XVI съезду ВКП(б). 28 июня 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 328.

казачество и крестьянство Донецкого округа будет защищать Советскую власть до последней капли крови».[1]

В колхозах многие казаки трудились добросовестно и активно, на самом деле веря утверждениям партийно-советских «вождей» и пропагандистов о том, что самоотверженной работой колхозники приблизят наступление «светлого завтра». В частности, в номере «Молота» за 27 апреля 1930 г., в связи с публикацией постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди казачьего населения Северного Кавказа», была опубликована широкая подборка материалов, повествующих о трудовом энтузиазме казаков-колхозников.[2] При всем том, что эти публикации были призваны подчеркнуть правильность позиции крайкома, сомневаться в фактах, изложенных в них, не приходится.

Однако далеко не все казаки разделяли позитивный настрой по отношению и к «колхозному строительству» вообще, и к колхозам, в частности. Ведь коллективизация, развернутая сталинским режимом в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг., была не только сплошной и форсированной, но и насильственной. Специалисты справедливо указывают, что «И.В. Сталин, почерпнув из опыта гражданской войны привычки и навыки военно-административных методов руководства, не мог отрешиться от них до конца и использовал на новом этапе развития страны (то есть в эпоху «великого перелома» – *авт.*)».[3] Но, согласно древней истине, насилие порождает ответное насилие, и период коллективизации не стал исключением: попытки сталинского режима методами устрашения и репрессий загнать крестьянство в «светлое будущее» вызвали ожесточенное сопротивление населения советской деревни. Субъектами сопротивления были не только крестьяне в

[1] Рапорт казаков и крестьян Донецкого округа Северо-Кавказского края XVI съезду ВКП(б). 10 июня 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 323.

[2] Товаровский Б. Участок казака Грекова // Молот. 1930. 27 апреля; Гандкин А. Тов. Лютарь на первом месте // Там же; Алов А. Колхозное половодье // Там же.

[3] Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е годы XX века. Краснодар, 1993. С. 98.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

собственном смысле слова и даже не только земледельцы, но и представители других социальных групп советского общества (интеллигенция, духовенство, «бывшие»[1] и т. д.). Одним из активных участников противостояния между деревней и властью являлось казачество, в том числе (и в особенности) донцы, кубанцы и терцы.

Анализ событий, происходивших в селах и станицах Юга России во время и по завершении «колхозного строительства», позволяет выделить несколько этапов в противостоянии сталинского режима и крестьянско-казачьего населения. Эти этапы различаются масштабами противостояния, остротой и накалом борьбы, методами протеста против коллективизации и колхозов, численностью участников протестного движения и т.д.

1. Конец 1920-х гг. – начало 1930-х гг. – этап либертарного социального взрыва в южнороссийской деревне. Это время наиболее ожесточенного противоборства между крестьянством и казачеством, с одной стороны, и сталинским режимом – с другой. Соответственно, данный этап характеризуется наличием наиболее масштабных и наиболее острых протестных акций, преобладанием активных методов протеста (бунты, массовые выступления, «террористические акты»,[2] создание тайных повстанческих организаций и т.д.) над пассивными (уклонение от работы в колхозах, бегство из деревни и т.п.).

---

[1] «Бывшими» в Советской России назывались относительно немногочисленные представители сословий и социальных групп, ликвидированных после Октябрьской революции, во время Гражданской войны: аристократия, помещики, предприниматели, частично интеллигенция и пр. На протяжении 1920-х гг. «бывшие» получили возможность интеграции в социально-экономическую жизнь Советского государства. Многие из них, обладая достаточно высоким уровнем образования и профессиональных знаний, пополнили ряды инженерных кадров, чиновничества и пр., устроились на работу в различные предприятия и учреждения. Однако с 1927 г. начинаются превентивные акции ОГПУ против «бывших», в которых власть видела своих непримиримых противников. В 1930-х гг. многие из «бывших» были репрессированы.

[2] «Терактами», «террористическими актами» в терминологии тех лет именовались индивидуальные акции протеста, носившие «физический» либо «имущественный» характер. «Террористические акты» «физического» характера выражались в убийствах, избиениях или хотя бы попытках избиения партийно-советских работников, сельских активистов, колхозников и пр. «Террористические акты» «имущественного» характера – это уничтожение или порча колхозного имущества, инвентаря и пр.

2. 1933 г. – начало 1940-х гг. – этап скрытой конфликтогенности. Это время постепенного угасания протестной активности крестьянства и казачества Юга России в результате систематических и широкомасштабных репрессий (с помощью которых сталинский режим устранял из деревни всех инакомыслящих и недовольных), голода 1932 – 1933 гг., постепенного улучшения условий жизни колхозников вследствие организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств и пр. На протяжении данного этапа превалировали пассивные формы протеста, особенно такие, как уклонение от участия в общественном производстве, хищения колхозной продукции (которая формально ведь принадлежала самим колхозникам, но фактически им зачастую не доставалась, в связи с чем они и были вынуждены совершать правонарушения), выражение (причем непубличное) устного недовольства негативными характеристиками колхозной системы и пр.

3. Время Великой Отечественной войны можно назвать в данном случае этапом реверсивного социального реванша, когда некоторая часть казачества с оружием в руках поддержала нацистов, стремясь с их помощью ликвидировать советское устройство и вернуть досоветские порядки. Хотя освещение данного периода не входит в круг определенных нами задач, все же следует отметить, что казачий коллаборационизм был генетически связан с событиями 1930-х гг. и являлся реакцией «непримиримых» казаков на антиказачьи мероприятия советских властей времен «колхозного строительства».

На протяжении первого из указанных нами этапов протест жителей села против коллективизации носил ярко выраженный активный характер. Если в 1929 г. органы ОГПУ зафиксировали в советской деревне около 12,8 тыс. различных акций протеста, то в 1930 г. – уже около 32 тыс.[1] Только в массовых выступлениях

[1] Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово к сборнику документов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в пяти томах. Т. 1. М., 1999. С. 8 – 9.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

(которых в 1930 г. произошло в целом по СССР 13,8 тыс., что более чем в 10 раз превышало уровень 1929 г.) приняли участие не менее 2,5 млн. человек.[1]

При этом Северо-Кавказский край занимал одно из первых мест в стране по масштабам и накалу протестного движения. В сводке ОГПУ от 17 марта 1930 г., где районы и области Советского Союза подразделялись на три группы в зависимости от степени остроты протестного движения («сильно пораженные», «пораженные» и остальные районы), к первой группе относился и Северо-Кавказский край, наряду с Центрально-Черноземной областью (ЦЧО), Украиной, Московской областью, Узбекистаном, Белоруссией, Грузией и т.д.[2] По данным на тот же месяц, Северо-Кавказский край занимал второе место после Украины по числу и масштабам крестьянских акций протеста, спровоцированных коллективизацией. Лишь по числу «терактов» Северный Кавказ находился на пятом месте после Украины, ЦЧО, Урала и Сибири.[3]

По данным ОГПУ, за период с начала 1930 г. до 20 сентября того же года в десяти русских округах Северо-Кавказского края насчитывалось 988 «массовых эксцессов» с числом участников свыше 235 тыс. человек (исключая «террористические акты» и случаи распространения листовок, которые учитывались отдельно). По числу участников на первом месте был Кубанский округ (227 эксцессов при 92,3 тыс. человек), а по числу эксцессов – Донской (295 с 61,8 тыс. участников).[4] В целом же за весь 1930 г. на Северном Кавказе, без учета национальных районов, про-

---

[1] Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 804.

[2] Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 267.

[3] Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ… (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 802.

[4] Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в Северо-Кавказском крае. Не ранее 20 сентября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 642.

изошло 1 061 массовое выступление.[1] Однако на протяжении последующих лет протестная активность крестьян и казаков заметно снизилась. За период с января 1931 г. по март 1932 г. включительно в десяти округах Северо-Кавказского края было зарегистрировано 186 массовых выступлений (157 в 1931 г. и еще 29 в январе – марте 1932 г.).[2]

Без сомнения, одной из важных причин того, что Северо-Кавказский край отличался особой остротой протестного движения против коллективизации, являлось наличие здесь казачьих сообществ, в которых роль объединяющей и направляющей силы играли представители казачьей интеллигенции, бывшие казачьи офицеры и пр. Значение участия казаков в антиколхозном протестном движении нельзя недооценивать, поскольку донцы, кубанцы и терцы уже в силу своей сословной специфики (будучи своеобразной кастой воинов-земледельцев) отличались от крестьян большей сплоченностью, дисциплинированностью, решительностью, умением обращаться с оружием.

Решимость казаков бороться против «колхозного строительства» многократно укреплялась в связи с тем, что они расценивали коллективизацию как новую попытку «расказачивания». Как иронично отмечали советские журналисты, уже в самом начале коллективизации антисоветски настроенные казаки заговорили «об окончательной потере святой казацкой вольности»[3] (действительно, арестованный осенью 1932 г. за «контрреволюционную» деятельность кубанский казак И.П. Ковтун характеризовал коллективизацию примерно в таких же выражениях: «я считал, что коллективизация окончательно завершает закабаление казачест-

[1] Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ….(15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 803.

[2] Подсчитано по: Справка СПО ОГПУ «О характере и динамике массовых антисоветских проявлений в деревне с 1 января по 1 октября 1931 г.». 13 октября 1931 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 777; Спецсправка Секретно-политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в 1931 – январе – марте 1932 г. (Не ранее апреля 1932 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 331.

[3] Катаев Ив. Двое // Наши достижения. 1930. № 12. С. 62.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ва, несет окончательный удар по его самостоятельному существованию»[1]). В неоднократно цитированной нами записке О. Галустяна в ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1931 г. прямо подчеркивалась взаимосвязь между антиказачьими акциями властей в период коллективизации (что давало повод казакам говорить о «расказачивании») и ростом протестных настроений казачества: «надо отметить последний маневр кулачества, который направлен на будоражиние единоличника-середняка и особенно казака. Кулачество очень усиленно распространяет провокацию о, якобы, проводимым на Северном Кавказе расказачивании. Этим маневром кулачество пытается создать панические настроения среди единоличных середняцких слоев казачества и побудить его к ликвидации своего хозяйства и уходу из станиц, в целях дезорганизации своевременно[й] подготовки к весеннему севу и срыву его».[2] В то же время о распространении среди казаков подобной трактовки коллективизации говорили и представители властных структур Северо-Кавказского края, в частности, работники Кореновского райкома ВКП(б): «в период выселения кулачества, нажима на кулацко-зажиточные хозяйства по линии хозяйственно-политических кампаний в районе имелись случаи контрреволюционной агитации кулачества о том, что вслед за выселением кулачества будет проходить расказачивание. Больше того, что выселяют только казаков и т. д.».[3]

Понимание коллективизации как «расказачивания» окрепло в конце 1932 г., когда жители казачьих «чернодосочных» станиц были депортированы, а на их место переселились демобилизованные красноармейцы, преимущественно из центральных и северных регионов СССР. Эта инициированная Москвой акция

---

[1] Справка ОГПУ о предварительных результатах следствия по делу контрреволюционной организации в станице Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края. 25 ноября 1932 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 233.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 23а.

[3] Из отчетного доклада Кореновского райкома ВКП(б) 10-й районной партийной конференции о вовлечении казачества в социалистическое строительство. 25 февраля 1931 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). С. 113 – 114.

воскрешала в памяти казачества сценарии Гражданской войны, когда, например, А. Френкель призывал выселить казаков с Дона и заселить Область Войска Донского крестьянами и рабочими («трудовым элементом»).[1] Да и весной 1933 г. по Кубани пошли слухи о тайных намерениях властей осуществить «расказачивание»: «Советская власть умышленно вызывает голодовку, чтобы половина казаков умерла».[2] Такие слухи отчасти опирались на действия и высказывания местных работников, цинично заявлявших: «Сов.[етское] правительство не дало нам права убивать Казаков, но морозить их холодом и морить голодом не запретило».[3] Разумеется, антиказачьи акции и высказывания представителей власти провоцировали ответные действия казаков.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что нередко (и даже, скорее всего, в большинстве случаев) казачий протест был направлен не столько против «расказачивания», сколько против собственно коллективизации как комплекса мер, ущемлявших интересы южнороссийских хлеборобов. Источники позволяют утверждать, что многие казаки, а то и большинство представителей казачьих сообществ Юга России, в период коллективизации боролись не столько за свои сословные права и привилегии (которые к началу 1930-х гг. уже являлись абстракцией, канули в Лету), не столько за сохранение своего особого статуса, сколько за возможность свободно хозяйствовать на земле. В этом случае интересы казаков и иногородних крестьян совпадали, и их протест против коллективизации был единым. Если в конце 1920-х гг., как мы уже отмечали в первом очерке, на Юге России имели место столкновения казаков и иногородних, то в период коллективизации сословные противоречия отошли на второй план (хотя и не исчезли вовсе): весь гнев хлеборобов: и казаков, и

[1] Донская история в вопросах и ответах... С. 256.

[2] Из докладной записки Информационного отдела ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и ДССР «О ходе весеннего сева в русских районах края». 17 мая 1933 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 752.

[3] Казачий словарь-справочник: В 3-х т. Т. I / Издатели А.И. Скрылов, Г.В. Губарев. Кливленд, Охайо, США. 1966. – Репринт. воспроизведение. М., 1992. С. 64.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

крестьян, был теперь направлен против попыток сталинского режима закрепостить их в колхозах. В этом случае показательно высказывание одного из казаков, который в 1929 г. писал своим родственникам за границу: «одним словом, не только казаки против [коллективизации], но и все мужики, кроме партийных. Уже все наелись свободы».[1]

Исходя из вышеизложенного, казачьи акции протеста на Юге России в период «колхозного строительства» можно (с известной степенью условности) подразделить на два типа: 1) протестные акции, преследовавшие цель воспрепятствовать форсированной коллективизации и, 2) акции, направленные не только против коллективизации, но также в защиту особых прав и интересов казачества (причем зачастую речь шла попросту о праве казаков на существование).

Характерным примером казачьих антиколхозных выступлений являлись события в ст. Александрийской Северо-Кавказского края, произошедшие в начале 1930 г. Здесь, как докладывали сотрудники ОГПУ, «кулачеством была организована – волынка и выступление казаков (преимущественно женщин) с черным флагом с надписью: «Да здравствует советская власть без коммунистов и колхозов». Повстанцы кольями избивали активистов и разбирали обобществленное имущество».[2] Как видим, хотя в данном сообщении и подчеркивалось, что бунтовщики были представлены исключительно казаками, но ничего не говорилось о «проказачьих» лозунгах: по всей видимости, потому, что такого рода лозунгов просто не было (иначе сотрудники карательных органов не преминули бы обратить на это внимание руководства).

Больше того, нередко против коллективизации, хлебозаготовок, «перегибов» крестьяне и казаки действовали совместно, причем казачий компонент даже не был особенно заметен в общей массе протестующих. Источники содержат немало примеров

[1] Крестная ноша. С. 122.
[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп.1, д. 753, л. 3.

массовых волнений в станицах Северо-Кавказского края: массовое выступление жителей станицы Махошевской Майкопского округа против завышенных хлебозаготовок и «перегибов» при их осуществлении (21 декабря 1929 г.); массовый протест населения станицы Темиргоевской Курганского района Армавирского округа против сплошной коллективизации; антиколхозные выступления «красных партизан» в станице Белореченской, селах Великое и Вечное Майкопского округа 20–24 июля 1930 г., и т. д.[1] Большая или меньшая часть населения станиц была представлена казаками, которые, естественно, принимали активное участие в волнениях и протестах. Однако сотрудники ОГПУ ни разу не выделили казаков в особую группу участников протестных акций, что позволяет предположить отсутствие каких-либо специфически казачьих лозунгов во время всех этих событий.

В большей мере стремление бороться не только против насильственной коллективизации, но и за сохранение прав и свобод казачества было присуще разного рода «контрреволюционным организациям» и «группировкам»,[2] в которых заметную роль играли представители казачьей верхушки («кулачества»), интелли-

[1] Из рапорта командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Белова наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову о выступлении крестьян против хлебозаготовок в станице Махошевской Майкопского округа. 2 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 97; Сообщение ИНФО ОГПУ о массовом выступлении крестьян в Армавирском округе. Не ранее 15 января 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 78; Из внеочередного политдонесения Политуправления Северо-Кавказского военного округа в Политуправление РККА о положении в Майкопском округе. 26 июля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 550 – 553.

[2] В документах ОГПУ различались «контрреволюционные» «организации» и «группировки». Как можно понять, «организации» чаще всего представляли собой действительно тайные сообщества единомышленников, имевшие более-менее четкую программу действий и в ряде случаев сумевшие частично ее осуществить. «Группировки» же в подавляющем большинстве случаев «представляли собой искусственно объединенных участников собраний или каких-то разговоров, высказывавших отрицательное отношение к коллективизации, раскулачиванию, хлебозаготовкам и т. п.» (Данилов В., Верт Н., Берелович А., Самуэльсон Л. Советская деревня 1930 – 1934 гг. по документам ОГПУ – НКВД. Предисловие к сборнику документов // Советская деревня глазами ВКЧ – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 17). Впрочем, уже со второй половины 1930 г. различия между «организациями» и «группировками» практически исчезли (Там же, С. 27). Взамен появилось расплывчатое определение «контрреволюционные кулацкие образования».

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

генции, офицерства, то есть те, кого первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев в одном из своих выступлений, процитированном нами в предыдущем очерке, изящно обозначил как «антисоветские нечистоты». Эти люди, в отличие от простых казаков-хлеборобов, имели достаточный уровень образования для того, чтобы подняться над интересами рядового сельского жителя (обычно стремившегося лишь к защите своего хозяйства и семьи от посягательств государства) и расценивать коллективизацию не просто как новую попытку закрепощения прежде самостоятельных крестьян, но как угрозу для самого существования казачества – и как особой социальной группы, и как субэтноса. Они являлись наиболее решительными и последовательными противниками не только колхозов, но и большевистского (сталинского) режима.

К началу 1930-х гг. в Северо-Кавказском крае имелось немало таких «контрреволюционеров» из числа казачества. В частности, это были бывшие офицеры, оставшиеся в регионе после Гражданской войны (или вернувшиеся в ходе объявленной в начале 1920-х гг. амнистии). Многие из них скрывали от советских властей свою биографию, другие же, которые либо были амнистированы, либо относились к «красному» лагерю, жили в селах, станицах и городах Юга России вполне легально (но даже «красные» казачьи офицеры нередко выражали возмущение коллективизацией и были готовы выступить против большевиков). Часть из них перешла в ряды Красной армии, другие устроились в различные учреждения, на предприятия и т. п.

О «засоренности» советских и даже партийных организаций «классово чуждыми элементами» свидетельствовали чистки, проводившиеся органами партийного и советского контроля для выявления неблагонадежных лиц. В конце 1920-х гг. такие чистки представляли собой превентивные меры, призванные устранить из деревни реальных и потенциальных противников сталинского режима. К началу февраля 1929 г. в ходе очередной чистки

было проверено более 2,5 тыс. учреждений Северо-Кавказского края с 32 тыс. работников. В списке «вычищенных» значились 562 белогвардейских офицера (помимо 569 фабрикантов, купцов и торгашей, 112 помещиков, 113 поповских особ, 252 растратчиков, 103 жандармов и полицейских, около 50 иных «классово враждебных элементов», а также около 700 бюрократов и волокитчиков, изгнанных из учреждений, «невзирая на их происхождение»).[1] Среди офицеров очень многие были казаками, в годы Гражданской войны воевавшими против большевиков. Так, оказалось, что бухгалтер расположенной в Ростове-на-Дону типографии Н.В. Сидоренко – казак, с 1919 г. служивший в белой армии в «Атамановском полку», активно участвовавший в боях против Красной армии и в составе казачьих формирований отступавший до Севастополя, но не сумевший эмигрировать; В.А. Николаев – «казак Донской области», с 1914 г. по 1917 г. служивший в царской, а в 1918–1919 гг. – белой армиях в чине офицера (адъютанта), и т. д.[2]

Весьма колоритным примером в данном случае является письмо-донос некоего А.И. Фролова, направленное во время чистки 1929 г. в Центральную контрольную комиссию. «По линии предстоящей чистки советского аппарата и партийных организаций имею сообщить нижеследующее», – писал Фролов. – Сухоруков Иван Федорович, белый офицер, террорист отряда Мамонтова, 15-го полка, активно участвовал [в боях] против Красной Армии, в 1920 г. случайно остался на побережье Черного моря и под флагом рядового устроился: вначале делопроизводителем Ново-Черкасского караульного дивизиона – адъютантом и затем начальником и вступил в ряды ВКП(б). В 1921 – 22 году был начальником Краснодарской кавалерийской школы, после поступил в академию генерального штаба в Москве, но был исключен по заявлению знающих его. В 1927 году я имел сведения, что он

[1] Андронов П. Первый удар (некоторые итоги чистки советского аппарата) // Молот. 1929. 7 февраля.

[2] ГАРО, ф. р-1185, оп. 2, д. 1004, л. 88, 114об.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

служил на ст. Прохладной по Тихорецкой ж.[елезной] дор.[оге] Начальником какого-то отряда особого назначения, а теперь сведений о нем не имею, т. к. с 1918 года с ним не встречался, но т. к. он доводится мне двоюродный брат, то с родителями его виделся, а также и со своими[,] которые и передавали мне такие сведения. Кроме того, когда он приезжает домой устраивает пьянку и под пьянку говорит[:«] никуда не денешся, послужим (большевикам – авт.), а придет время[,] послужим и себе[»]. И вот имея такие сведения[, я] и ранее писал в Н.-Черкасскую парторганизацию и в Краснодар и до сего времени его не вычистили и зная его как мамонтовца[,] боюсь как бы чистка не обошла его мимо за его преданность Мамонтову и К°. Прошу на это обратить серьезное внимание. Его адрес, где родился: ст. Клетская, хут. Лиловского, Усть-Медведицкого окр. Сталинградской губ.».[1] Любопытно, что Сухорукова так и не нашли, несмотря на весьма активные поиски. ЦКК из Москвы запросил относительно Сухорукова Нижне-Волжскую контрольную комиссию, переслав туда заявление А.И. Фролова. Та, в свою очередь, не обнаружив нигде присутствия бывшего «террориста-мамонтовца», отправила запрос Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии с припиской: «если т-щ у Вас на учете не состоит, перешлите заявление Кубанской КК». Но и с Кубани пришел ответ, что Сухоруков у них не значится.[2]

Казачьи офицеры, как и многие другие «бывшие», обладали навыками, опытом и знаниями, необходимыми для организации планомерного вооруженного сопротивления сталинскому режиму. В большинстве своем они сражались во время Гражданской войны против «красных» и, выступив против коллективизации, свой военно-организаторский опыт применили для создания антибольшевистских заговорщических организаций. Они сознавали, что массово протестное движение периода коллективизации для них – по-

[1] ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 66, л. 54.
[2] Там же, л. 52, 53, 55.

следний шанс свалить ненавистный им коммунистический режим, и что, в случае поражения, пощады им не будет. Тем решительнее они бросились в новую схватку с большевиками.

В источниках содержатся свидетельства о целом ряде «контрреволюционных организаций», возникших на Юге России уже в самом начале сплошной форсированной коллективизации. Вне зависимости от того, где и кем они создавались, в их деятельности явно прослеживались общие черты: большинство руководителей таких организаций не собирались действовать напролом, но стремились как можно лучше подготовить вооруженные выступления, приурочив их либо к началу стихийных массовых антибольшевистских выступлений крестьянства и казачества, либо к моменту развертывания иностранной интервенции (которая, как они верили, скоро начнется). Подчеркивая этот факт, сотрудники полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю докладывали своему начальству в мае 1930 г., что «основной в деятельности большинства ликвидированных контрреволюционных организаций является интенсивная работа по вооружению своих кадров, поиску оружия».[1] Наряду с этим «другая группа контрреволюционных организаций, представленная исключительно опытной, «махровой» частью контрреволюционного элемента, вела глубоко законспирированную работу, стремясь всемерно расширить свое влияние через насаждение ячеек. Вооруженные выступления намечались на случай стихийных восстаний или интервенции».[2]

Одной из наиболее мощных и разветвленных «контрреволюционных организаций», в состав которой входило немало казаков, можно считать повстанческую организацию Кононенко. Она была сформирована на Кубани уже в конце 1929 г. бывшим полковником царской армии Кононенко и состояла из отдельных

[1] Из доклада ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в ОГПУ о проведенных мероприятиях по ликвидации кулачества. 16 мая 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 453.

[2] Там же, С. 453.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ячеек по пять человек в каждой («пятерок»); причем в целях конспирации члены одной ячейки ничего не знали о других. По данным ОГПУ, организация Кононенко и охватила сетью своих ячеек 21 населенный пункт на территории Кубанского, Донского, Майкопского округов и Черкесской области Северо-Кавказского края.

Деятельность ячеек координировалась единым руководящим центром; в руководстве состояло 10 человек, в том числе полковники Кононенко и Ковалев, Бекетов – эмиссар из Поволжья и др. Всего в организации состояло 90 человек, большинство из которых были «контрреволюционные кулаки-лишенцы и активные белогвардейцы» (то есть кубанские казаки, воевавшие в Гражданской войне против «красных» и остававшиеся непримиримыми противниками большевизма). Как показал на допросе один из заговорщиков, «все члены организации являлись противниками существующего строя, в любую минуту готовы были выступить против соввласти. Все ждут падения этой власти и прихода на престол Романовых».[1]

Свергнуть «соввласть» организация намеревалась путем вооруженного восстания, которое было намечено на весну 1930 г. До восстания деятельность организации должна была выражаться в вербовке новых членов, сборе оружия и боеприпасов, вредительстве с целью дискредитации советской власти. Однако организация была ликвидирована еще до того, как наступило время поднимать восстание.[2]

В феврале 1930 г. органами ОГПУ была ликвидирована «контрреволюционная организация» в станице Н.-Золотаревской Шахтинского округа. В ее состав входили 11 человек, «преимущественно кулаков» (при этом в спецсообщении сотрудников ОГПУ подчеркивалось, что эти люди – «в прошлом активный бе-

[1] Из оперсводки № 9 СОУ ОГПУ «о ликвидации контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских элементов» за период с 20 по 30 марта 1930 г. (1 апреля 1930 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 269.

[2] Там же, с. 269; См. в том же томе: Примечания. С. 817.

логвардейский элемент», то есть опять-таки в большинстве своем казаки, во время Гражданской войны поддержавшие отнюдь не большевиков). Члены организации якобы готовили вооруженное выступление и, стремясь навербовать новых сторонников, вели агитацию среди переменного[1] состава кавалерийского полка.[2] В том же месяце в Армавирском округе подверглась разгрому «контрреволюционная повстанческая организация», состоявшая из «поквартальных групп» во главе со «старшими» и насчитывавшая 39 человек (27 «кулаков», 1 бывший белый офицер, 10 «активных белогвардейцев»). Центр организации находился в станице Беломечетенской, но ее деятельность распространялась на четыре населенных пункта. Члены организации готовили восстание к весне 1930 г. В том же округе существовала другая организация, под недвусмысленным названием «самзак» («самозащита казачества»), которой руководил реэмигрант Малахов. Из числа ее членов было арестовано 47 человек; принцип построения организации – законспирированные «тройки» по станицам. Как утверждали сотрудники ОГПУ, ячейки находились в четырех станицах Армавирского округа и в прилегающих к ним хуторах, а также в станице Ильинской Кубанского округа, станице Андруковской Майкопского округа и одном из аулов Адыгеи.[3]

В июле 1930 г. в Вешенском районе была ликвидирована тайная организация под руководством бывшего есаула А.С. Сенина (прототип есаула Половцева из «Поднятой целины»), имевшая ячейки в населенных пунктах сопредельных районов, с общим

[1] Переменники, переменный состав подразделений Красной армии – военнообязанные, проходившие службу в территориально-милиционных частях РККА по месту жительства и без отрыва от производства. Как правило, переменники ежегодно призывались на кратковременные военные сборы, а в остальное время занимались непосредственной профессиональной деятельностью. Этим они отличались от кадрового состава Красной армии, для которого срок постоянной службы был установлен в 5 лет.

[2] Из оперсводки № 1 СОУ ОГПУ о ходе «операции по контрреволюционным кулацко-белогвардейским и бандитским элементам» на 6 февраля 1930 г. (6 февраля 1930 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 146.

[3] Из оперсводки № 4 СОУ ОГПУ о ходе «операции по контрреволюционным кулацко-белогвардейским и бандитским элементам» на 17 февраля 1930 г. Не ранее 17 февраля 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 180.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

числом участников 98 человек, практически все из которых являлись казаками. Как отмечает А.И. Козлов, многие из членов организации вовсе не случайно разделяли повстанческие настроения, так как и ранее являлись врагами большевиков: 4 из них в 1905 – 1907 гг. участвовали в подавлении выступлений рабочих и крестьян, 35 – участники антисоветских восстаний периода Гражданской войны, 5 – участники разгрома отряда Подтелкова и Кривошлыкова, 2 – врангелевцы и репатрианты и т.д.[1]

Повторимся, что в деятельности ряда «контрреволюционных организаций», по сравнению со стихийными массовыми волнениями казаков, более четко прослеживалось стремление защищать сословные права и интересы казачества. Чего стоит одно только название организации реэмигранта Малахова – «самзак», «самозащита казачества». Однако и в данном случае «сословно-охранительное» начало зачастую было выражено нечетко, а то и вовсе подавлялось стремлением противостоять коллективизации.

Так, А.С.Сенин на допросе практически ничего не сказал о желании восстановить дореволюционное положение в Области Войска Донского. Он утверждал, что его подтолкнула встать на путь борьбы со сталинским режимом именно насильственная коллективизация: «Я не согласен с принудительной административной коллективизацией крестьянских хозяйств… Я являюсь сторонником развития индивидуального хозяйства, предоставления полной инициативы и свободы хозяйственной деятельности хлеборобу. А отсюда, совершенно естественно, я не согласен с целым рядом практических мероприятий, связанных с проведением сплошной коллективизации». При этом Сенин добавлял, опровергая попытки сотрудников ОГПУ превратить его в некоего «махрового контрреволюционера»: «Я – не монархист, а сторонник демократического образа правления государством». О коллективизации как основном мотиве своих протестных настроений говорили и члены сенинской организации. Причем вряд ли они

[1] Козлов А.И. М.А. Шолохов. Времена и Творчество. Ростов н/Д., 2005. С. 253 – 263.

лукавили, стремясь запутать следствие: ведь их слова не расходились с делами. В частности, как отмечает А.И. Козлов, «Сенин перешагнул через сословную рознь» и установил связи с иногородними, недовольными коллективизацией «по-сталински».[1]

Можно утверждать, что, несмотря на восприятие массой казачества коллективизации как «расказачивания», собственно казачьи акции протеста (и по составу участников, и по выдвигаемым лозунгам, и по сформулированным целям и задачам) составляли очень небольшой процент в общем протестном антиколхозном движении жителей советской деревни. Чаще всего казаки действовали совместно с крестьянами-иногородними, борясь против коллективизаторов, хлебозаготовителей и вообще разного рода «перегибщиков» (то есть, выражаясь простым языком, верных исполнителей и проводников сталинской «генеральной линии» в деревне). При всем том, что местные руководители и активисты на Юге России с упоением проводили антиказачьи мероприятия в период коллективизации, население южнороссийских сел и станиц чаще всего выступало против власти единым фронтом, ибо общая беда сгладила сословные противоречия.

Говоря о казачьем протестном движении в ответ на коллективизацию, необходимо осветить еще одну деталь, а именно – отношение населения казачьих станиц Юга России к возможному вмешательству иностранных держав во внутренние дела СССР с целью прекращения коллективизации и ликвидации большевистского режима. Выше мы уже говорили, что многие «контрреволюционные организации» надеялись на иностранную интервенцию и собирались выступить против большевиков в момент ее развертывания. Однако надежды на иностранную интервенцию как на средство преодоления коллективизации были присущи не только завзятым «контрреволюционерам», но и широким слоям населения российской деревни (в том числе казачьих станиц Дона, Терека и Кубани). Источники единогласно свидетельствуют,

[1] Козлов А.И. М.А. Шолохов…. С. 256 – 257, 258, 262.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

что основная масса казаков (а также и крестьян) видела в иностранной интервенции (а вместе с нею и в возвращении домой казаков-эмигрантов) едва ли не единственное эффективное средство преодоления политики коллективизации.

Данный сюжет заслуживает особого упоминания в силу крайне слабой освещенности (что неудивительно, поскольку такая неудобная тема старательно замалчивалась в советский период времени, да и в постсоветской историографии она явно не относится к числу приоритетных). Важно подчеркнуть, что распространение в станицах Юга России надежд на интервенцию свидетельствовало, на наш взгляд, о кризисе казачьей ментальности, который наблюдался уже в годы Гражданской войны, был несколько ослаблен в период нэпа и до крайности обострился в процессе сплошной форсированной (и, самое главное – насильственной) коллективизации. Не столь уж часто в отечественной истории бывало так, что русские люди не просто ожидали иностранную интервенцию, но призывали и торопили ее. Тем более это не было характерно для казаков. Но в 1930-х гг., вследствие антинародной политики сталинской клики, все изменилось. В наибольшей мере кризису подверглись такие сущностные, базовые компоненты казачьей ментальности, как патриотизм, осознание себя защитником Родины, стремление служить Отечеству.

Известный донской историк А.П. Пронштейн писал, что «особые условия жизни определили характер донских казаков. Это были воины и охотники, активные защитники пограничных рубежей…».[1] Постоянные бои и походы, охрана границ от многочисленных врагов выработали специфическую казачью ментальность, центральным звеном которой (неким системообразующим стержнем, психологической основой) являлся патриотизм, готовность защищать родную землю, не щадя жизни. Казак ощущал себя прежде всего воином, защитником Отечества, и гордился этим стату-

[1] Пронштейн А.П. Предисловие // Новак Л.А., Фрадкина Н.Г. Как у нас-то было на тихом Дону: Историко-этнографический очерк. Ростов н/Д., 1985. С. 3.

сом, хотя он и налагал на каждого представителя казачьей общности целый ряд обременительных и опасных обязанностей. Но в 1930-х гг., в условиях неоднократно предпринимаемых большевиками антиказачьих акций, патриотизм как основа казачьей ментальности подвергся серьезнейшему кризису.

Многие крестьяне и казаки в период коллективизации опасались открыто выступать против сталинского режима, не веря в победу над мощным репрессивно-карательным аппаратом. Но это не значило, что они готовы были примириться с колхозами. В этих условиях в советской деревне периода коллективизации широко распространись надежды на иностранную интервенцию, находившие выражение в многочисленных слухах, циркулировавших среди сельского населения. Так что надежды на интервенцию и слухи о ней свидетельствовали не только о недовольстве крестьян и казаков политикой сплошной форсированной коллективизации, но и об их неверии в собственные силы для борьбы со сталинским режимом.

Судя по частоте упоминаний в документах, советская деревня эпохи коллективизации буквально бредила иностранной интервенцией, ожидая вторжения со стороны то Великобритании, то Японии, то Китая, то Польши, то Германии (выбор в народном сознании конкретной иностранной державы на роль интервента обусловливался тем, с каким именно государством в данный момент конфликтовал СССР).

В казачьих станицах Юга России ожидания и надежды на иностранную интервенцию были особенно сильны, поскольку многие их жители состояли в родстве с казаками-эмигрантами и, как отмечалось в докладах ОГПУ, поддерживали с ними «письменную связь».[1] Как говорил полномочный представитель ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимов в 1928 г., «у нас непосредственно из станицы эмигрировал довольно большой кадр, который при той международной обстановке, в которой мы сейчас находимся, будет давать о себе знать и тем самым обактив-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 103

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

лять оставшихся здесь».[1] События периода коллективизации в определенной степени подтвердили прогнозы Евдокимова.

Уже в 1927–1929 гг., в предколлективизационный период, когда сталинский режим только еще проводил пробу тех репрессивно-карательных мер, которые он чуть позже обрушил на деревню, немало донцов, кубанцев и терцев высказывали надежды на интервенцию и возвращение «наших» (то есть казаков-эмигрантов).[2] При этом многие крестьяне и казаки Юга России серьезно верили в возможность иностранной интервенции, поскольку с 1927 г., когда обострились советско-английские отношения, средства массовой информации в СССР начали усиленно нагнетать военный психоз. Военная истерия была полезна и необходима И.В. Сталину, который призраком грядущей войны мог, в частности, оправдать свои жесткие меры в отношении деревни. Но оборотной стороной в этом случае выступало повсеместное распространение слухов о предстоящем вторжении интервентов, которые могли серьезно поколебать устойчивость сталинского режима.

По мере развертывания коллективизации численность казаков, выражавших надежды на иностранную интервенцию и возвращение «наших», многократно увеличилась. В 1929 г. в письмах «советских» казаков, направляемых родственникам-эмигрантам за границу (чаще всего в Чехословакию и Польшу), появляются призывы о помощи: «Приезжайте к нам и помогите нам, а мы поможем Вам и выгоним коммуниста, а выберем народиста»; «Боже милосердный, где наши спасители? Идите скорей, какой угодно ценой, а то дальше ни вы, ни мы не нужны уже будем…».[3] В марте 1930 г. священник Яковлев в станице Лысогорской Георгиевского района обратился к прихожанам с пропове-

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 704, л. 75 – 76.

[2] Сводка № 30 информотдела ОГПУ о ходе весенней хлебозаготовительной кампании по Северо-Кавказскому краю. 20 июня 1928 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 2. С. 759.

[3] Крестная ноша. С. 112, 114.

дью: «Колхозы скоро огонь пожжет, а кто сдает семена [для засыпки семфонда] – того будет вешать христолюбивое воинство, которое наступает из Америки… помните об эмигрантах, они страдают за веру-Христа и отечество». [1] В 1931 г. один из донских казаков сообщал родственникам-эмигрантам за границу: «у нас усиленно говорят, что Европа скоро будет идти войной на нас, так многие и работать не хотят. Говорят, хоть бы Бог дал скорей».[2] Можно привести еще массу подобных примеров, свидетельствующих о широком распространении среди казачества надежд на иностранное вмешательство, способное прекратить безумие коллективизации.

Причем следует особо подчеркнуть, что казаки (как, впрочем, и иногородние крестьяне), распространявшие слухи о предстоящей, а то и уже якобы начавшейся иностранной интервенции, однозначно были на стороне агрессора. Они убежденно говорили о неминуемом поражении СССР и желании большинства советских граждан помочь интервентам в свержении большевистского режима. Как сказал один из кубанских казаков в 1931 г., «была Россия непобедимая, а теперь если бы и Китай наступал, или кто да нибудь, булы бы рады, абы власть сковырнуть».[3] Иначе и не могло быть: ведь сталинский режим сам настроил против себя массу сельских жителей собственными действиями, особенно коллективизацией с ее «перегибами», «раскулачиванием», репрессиями.

Легко представить, с какой душевной болью казаки-эмигранты читали письма от своих родственников в СССР, наполненные призывами о помощи: ведь они ничем не могли помочь станичникам, подвергнутым «великому перелому». Однако казаки и крестьяне Юга России, как и всего СССР, под влиянием советской пропаганды (и особенно многочисленных слухов) были

[1] Из информационной справки Терского окрисполкома о ходе сплошной коллективизации и сопротивлении кулачества. 20 марта 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 283.

[2] Крестная ноша. С. 224.

[3] Крестная ноша. С. 179.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

убеждены, что интервенция скоро начнется или уже началась. Вообще надо сказать, что выражением кризиса власти в данное время являлось, помимо прочего, и то, что советские люди больше доверяли слухам, чем лаконичным и всегда оптимистичным (что уже само по себе вызывало сомнения в искренности) официальным СМИ. Зачастую именно слухи формировали в данное время общественное мнение, влияли на настроения сельских жителей: как писали в год «великого перелома» терские казаки, «мы и сами не знаем, что творится в нашем Союзе. Среди казаков и мужиков ходят только слухи».[1]

Доверчивое восприятие населением слухов о скорой интервенции и возвращении казаков-эмигрантов в определенной мере препятствовало форсированию коллективизации на Юге России, так как в ожидании «вторжения капиталистов» немало крестьян и казаков не спешили вступать в колхозы. Противники коллективизации нередко пользовались этим весомым аргументом, склоняя станичников не пополнять ряды колхозного крестьянства. В частности, по сообщениям советской прессы, в станице Полтавской (будущая «чернодосочная» станица) в то время, «когда Кубань волей основных масс революционного казачества начала коллективизироваться, ликвидируя кулачество», станичное «контрреволюционное ядро» решило «держаться, пока придут наши», а «пока записываться в колхозы». При этом местные «контрреволюционеры» убеждали бедняцко-середняцкие слои казачества и иногородних: «не идите в колхоз, там раздор и гибель, а придут наши казаки, и вовсе вам не сдобровать!».[2]

Кроме того, как уже отмечалось, зачастую вера в скорую интервенцию придавала сил активным противникам большевистского режима, которые стремились создать законспирированные вооруженные организации, имевшие целью нанести удар в тылу советской власти и тем облегчить армии вторжения (неважно, ка-

[1] Крестная ноша. С. 112.
[2] Радин Ал. Саботаж в Полтавской // Социалистическое земледелие. 1933. 9 января.

кому государству она принадлежала) разгром СССР. Показательна в данном отношении история «тайной организации» есаула А.С. Сенина. Когда в начале 1930 г. Сенин подбирал сторонников в свою организацию, житель хутора Горбатовского Хоперского округа Т.С. Багров сообщил ему, что на Дон из-за границы «на аэропланах» уже прибыли бежавшие с Врангелем в 1920 году бывший атаман Вешенского округа Алферов, белый офицер Матасов и некий летчик «для проведения организационных мероприятий и чтобы принять на себя руководство событиями». Так что Сенин вполне убежденно говорил своим единомышленникам: «Важно начать, а к этому времени заграница нас поддержит».[1]

Если верить полномочному представителю ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимову, кубанских казаков отличали такие же настроения. Он утверждал, что в так называемом «полтавском деле» (о «контрреволюционной организации», ячейки которой располагались в 26 станицах, а центр – в станице Полтавской) явно прослеживается связь с заграницей: «организация была связана с зарубежом в лице бывшего атамана станицы Полтавской, когда-то директора гимназии, деятеля украинской рады, эсера, некоего ОМЕЛЬЧЕНКО. Он и его компания, находящаяся в Праге, связаны с так называемым «украинским правительством», вкупе с которым они ведут подготовку войны против нас, под руководством, само собой разумеется, жандарма империализма – Польши и ее разведывательных органов, высылали они на нашу территорию (теперь это установлено следствием) группу своих эмиссаров, причем, они ехали одновременно на Украину и к нам. Эмиссары – это старые казачьи офицеры, имеющие старые связи и родство [в кубанских казачьих станицах]».[2]

Евдокимов же утверждал, что в расчете на интервенцию осуществляли свою «контрреволюционную» деятельность и члены возникшего в 1932 г. «Союза Кубани и Украины», состоявшего в

[1] Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и Творчество. С. 259.
[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 6.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

значительной мере из кубанских казаков. По его словам, «эта организация была раскрыта в январе 1933 г. Ее основной политической программой являлось отторжение от Советского Союза Кубани и Украины, образование националистического буржуазно-демократического государства «Единой Соборной Украины». Эта организация успела развернуть свою деятельность в 12 районах. На чем покоились ее убеждения и надежды? Они покоились на предположениях о возможной в скором времени интервенции, поддерживались теми трениями, которые возникли между Советским Союзом и Японией на Дальнем Востоке».[1]

В данном случае важно подчеркнуть, что в вопросе о возможном развертывании интервенции партийно-советское руководство СССР было полностью солидарно со своими противниками из казачье-крестьянского лагеря. Представители власти в Советском Союзе неоднократно утверждали, что разведки капиталистических держав (а также белоэмигранты, не отказавшиеся от идеи реванша за поражение в Гражданской войне) не только готовили вторжение в «первое в мире государство рабочих и крестьян», но также руководили «кулаками» и «контрреволюционерами», действовавшими непосредственно на территории СССР.

Так, Карл Радек в январе 1934 г., подводя итоги «колхозного строительства», утверждал: «за волной индустриализации пошла волна коллективизации. Мировая буржуазия глубоко обеспокоилась и, не надеясь на то, что пятилетка сама обанкротится, взялась за постановку интервенции. 1930 – 1931 г.г. проходили в атмосфере громадной военной опасности. Не подлежит никакому сомнению, что когда будут раскрыты архивы международной дипломатии и главное – архивы генеральных штабов, то станет ясным, что мы в 1930 – [19]31 г.г. находились в непосредственной военной опасности».[2] Помимо реальных угроз в этом высказывании отчетливо смыкаются внешние фобии с внутренними.

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 15; ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 10.

[2] Радек К. Мы успели – они опоздали // Молот. 1934. 28 января.

В полном согласии с Радеком первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев заявлял в 1935 г.: «неопровержимо доказано, что по прямым указаниям контрреволюционеров из-за границы, верхушка станицы – белогвардейцы, атаманы, кулаки – вошла в колхозы с целью разложить их изнутри, подготовить восстание и организовать голод».[1] Как видим, Шеболдаев умело использовал натянутые отношения СССР и «капиталистических стран», пытаясь свалить на последних даже вину за голодомор 1932 – 1933 гг.

Трудно сказать, верили сами представители советско-партийного руководства в собственные заявления о вполне возможной иностранной интервенции, располагали они такой информацией, или это была политическая игра. Ясно одно: утверждения об ожидаемой агрессии со стороны капиталистических держав были очень выгодны властям СССР, так как позволяли оправдать и многочисленные «перегибы», и широкомасштабные репрессии, на том основании, что в условиях обострения международной обстановки советское государство было вынуждено спешить с осуществлением «социалистических преобразований» и не церемониться с разного рода «врагами».

Более того, руководство ВКП(б) (а вслед за ним и органы власти на Юге России) не ограничилось только разговорами о вероятной интервенции, а предприняло ряд мер, имеющих целью уменьшить вероятность внутренних вооруженных мятежей в случае ее развертывания. Нам представляется, что в значительной мере именно боязнью интервенции (вполне вероятной, по мнению властей) объясняется депортация населения «чернодосочных» станиц, населенных в основном казаками. Подавляющее большинство этих станиц были кубанскими, а Кубань вызывала у представителей власти особое беспокойство как пограничный регион; казаки же, естественно, рассматривались как «пятая колонна» и готовое вооруженное пополнение для интервентов. Не слу-

[1] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 3.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

чайно председатель Северо-Кавказского крайисполкома В.Ф. Ларин, выступая на первом краевом съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г., обмолвился: «Кубань, верно, ближе к морю, что облегчает связь с заграничной белогвардейщиной и кубанскими кулаками».[1] С учетом этих фактов представляется вполне справедливым мнение Н.С. Тарховой о том, что руководство СССР после депортации жителей «чернодосочных» станиц вовсе не случайно решило создать на Кубани красноармейские колхозы, «так как это был пограничный регион».[2]

Впрочем, вопреки всем громогласным заявлениям и слухам, интервенция не началась. Если большевики могли это легко пережить, то для «контрреволюционеров» и вообще множества крестьян и казаков, выступавших против насильственной коллективизации, крах надежд на интервенцию стал тяжелым ударом: ведь без помощи извне они не имели сил для победы над сталинским режимом. Поэтому вполне понятна та ярость, с которой один из донских казаков в 1931 г. поносил в письме своих родственников-эмигрантов за медлительность в развертывании интервенции: «что же вы … (следует ругательство – *ред.*) и в 1931 г. ничего не будете делать?! Газеты пишут то об интервенции, то о папе Римском – все на бумаге, а на деле ничего нет!».[3]

Но и яростные призывы, и отчаянные надежды антисоветски (точнее, антибольшевистски) настроенной части казачества Юга России оказались напрасны: «заграница» не пришла им на помощь. Как писала Д.Э. Пеннер, казаки «слишком большие надежды возлагали на возвращение своих из-за границы».[4] Эти надежды, как мы знаем, не оправдались. Сталин с торжеством объявил о завершении коллективизации в основных районах Совет-

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1372, л. 56.

[2] Тархова Н.С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932 / 1933 г. (по материалам РГВА) // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 38.

[3] Крестная ноша. С. 196.

[4] Пеннер Д.Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и коммунистической партией в 1920 – 1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 26.

ского Союза в начале 1933 г.,[1] а циркулировавшие по южнороссийским селам и станицам слухи о якобы готовящейся интервенции так и остались слухами.

Уже в 1931–1932 гг. протестная активность крестьянства и казачества Юга России, обусловленная форсированной коллективизацией, стала постепенно затухать. Одним из последних крупных антиколхозных (и антибольшевистских) выступлений, в которых казаки играли решающую роль, стало Тихорецкое восстание. По сообщениям казачьей эмигрантской прессы, восстание вспыхнуло в Тихорецком районе Северо-Кавказского края в ноябре 1932 г. под влиянием многочисленных «перегибов» в ходе «колхозного строительства», завышенных хлебозаготовок и слухов о том, «что в Москве решили изъять все активное молодое население» и выслать его в северные районы страны. По утверждениям зарубежных журналистов, в восстании участвовали не менее 6 тыс. вооруженных казаков (плюс к этому практически все невооруженное мужское население Тихорецкого района), которым первоначально удалось ликвидировать местные органы власти, небольшие гарнизоны, отделы ОГПУ. Почти неделю восставшие контролировали территорию Тихорецкого и частично сопредельных районов, но затем были разгромлены.[2]

Среди комплекса причин, приведших к поражению протестного движения крестьянско-казачьего населения южнороссийской деревни против коллективизации, следует, на наш взгляд, в первую очередь выделить разобщенность жителей села, причем не только по социальным, но также по политико-идеологическим и даже возрастным критериям. Д.Э. Пеннер справедливо указывает: «отсутствие полного единодушия у казачества против большевистского режима – на мой взгляд, это один из важнейших факторов, которым объясняется загадка того, почему такая мощ-

[1] Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 195 – 196.

[2] Сидоров В.С. Комментарии к сборнику писем и документов // Крестная ноша. С. 465 – 466.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ная военная сила, как казачество, не могла управлять недовольством крестьянства во время сплошной коллективизации».[1] Действительно, отнюдь не все казаки разделяли антиколхозные настроения или, по крайней мере, имели силы и желание открыто и решительно выступить против коллективизации.

При всем том, что классовый подход зачастую не срабатывал в отношении казачьих сообществ, все же определенная часть бедняков и середняков из казачьей среды доверяла большевистской пропаганде и полагала, что путь «колхозного строительства» ведет к счастью и изобилию. Нередко, впрочем, массы «трудового казачества» принимали участие в антиколхозных волнениях и выступлениях, будучи раздражены колхозной неустроенностью и бесхозяйственностью, крайне низким уровнем оплаты труда, произволом колхозной и местной администрации. Но протестная активность этих казаков не была устойчивой и исчезала при улучшении условий жизнедеятельности и быта (или при ужесточении репрессий).[2]

Социальная разобщенность казачества минимизировала и результативность деятельности тайных заговорщических организаций. Эти организации представляли наибольшую опасность для сталинского режима, поскольку, как мы уже отмечали, возглавлялись наиболее активными, образованными и последовательными его противниками из числа казачьей верхушки, офицерства, интеллигенции (и представители тех же групп составляли основу таких организаций). Но именно в этом же и заключалась слабость данных организаций, поскольку многие казаки (не говоря уже об иногородних крестьянах) испытывали недоверие к «кулацко-офицерской верхушке», несмотря даже на присущую казачьим сообществам сословно-корпоративную сплоченность. Поэтому тайные казачьи ор-

---

[1] Пеннер Д.Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и коммунистической партией в 1920 – 1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 26.

[2] О позиции таких жителей села хорошо было сказано летом 1928 г. работниками Северо-Кавказской РКИ: «стоит только объявить населению, что завтра даем по 5 фун.[тов] муки, в настроении происходит изменение в лучшую сторону» (ГАРО, ф. р-1185, оп. 2, д. 55, л. 116).

ганизации были немногочисленными, имели весьма узкую социальную базу и, следовательно, не могли в должной мере реализовать свой протестный потенциал (не случайно многие руководители этих организаций надеялись на иностранную интервенцию).

Основанием для данного суждения служат статистические материалы ОГПУ. Согласно этим материалам, за период с 1 января до 20 сентября 1930 г. в 10 русских округах Северо-Кавказского края были раскрыты и ликвидированы 83 «контрреволюционные организации», в которых насчитывалось свыше 3 тыс. членов; многие из этих организаций были казачьими по составу участников. Предположим, что каждая из этих организаций подготовила и осуществила по восстанию (хотя на самом деле это не так – большинство организаций было разгромлено в зародыше); если бы это было так, то такого рода восстания составляли бы не более 8,4 % от общего количества (988) зафиксированных за это время в крае «массовых эксцессов», то есть различных проявлений массового недовольства сельских жителей. Члены же организаций составляли только 1,3 % от количества участников (свыше 235 тыс.) «массовых эксцессов».[1]

Правда, за тот же период в крае была зафиксирована и уничтожена 791 «группировка». Но, как уже отмечалось, в большинстве случаев «группировки» существовали только на бумаге, в отчетах ОГПУ. Кроме того, в совокупности количество членов всех «группировок» равнялось 5 тыс. и составляло всего лишь 2,1 % от общего числа участников «массовых эксцессов»,[2] так что и в данном случае речи не идет о значительных группах «контрреволюционеров». Если брать в целых числах, то в среднем на каждую группировку приходилось примерно по 6 человек. Все вышеизложенное и позволяет утверждать, что казачьи тайные заговорщические организации, хотя и представляли наи-

[1] Рассчитано по: Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в Северо-Кавказском крае. Не ранее 20 сентября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 642.

[2] Там же, С. 642.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

большую угрозу для сталинского режима, реализовать свой потенциал зачастую не могли, не пользуясь поддержкой широких казачье-крестьянских масс.

Если говорить не о политико-идеологической или социальной, а о возрастной разобщенности казачества, то следует признать, что влиянию большевистской пропаганды были подвержены молодые поколения казаков, поскольку они росли и воспитывались при советской власти. Представители руководства с удовлетворением говорили на IV Северо-Кавказской краевой партконференции в ноябре 1927 г., что «патриархальная казачья семья начинает дробиться не только экономически, но и идеологически. Молодой казак-комсомолец вносит новый дух в казачью семью и медленно, но верно разрушает то, что создавалось в течение долгого времени».[1] Работники районных властных структур Наурского района Орджоникидзевского края, оглядываясь на минувшие годы, отмечали в 1940 г., что население района состоит «преимущественно из сословия Терского казачества», и здесь во время коллективизации были случаи убийств «лучших активистов[-]казаков».[2] Однако «молодое казачество… закалилось в годы коллективизации, в борьбе с кулачеством и дало стране ряд лучших людей в РККА и на производство, а также в славные ряды нашей коммунистической партии большевиков».[3]

О намерениях молодых поколений казачества поддерживать советскую власть отчетливо свидетельствовали события 1927 г. В этом году, в условиях обострившихся отношений между СССР и зарубежными странами, на Юге России была проведена пробная мобилизация резервистов. В ноябре 1927 г. Терский окружком, подводя итоги военных сборов в территориальных частях, констатировал, что явка призывников-переменников достигла 100 %.

---

[1] Из отчетного доклада Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на IV краевой партийной конференции. 25 ноября 1927 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 49.

[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 754, л. 152.

[3] Там же, л. 152об.

Работники окружкома не без оснований полагали: «то политическое настроение, которое было у призывных крестьян и казаков, говорило о том, что они, относясь со всей серьезностью к этой мобилизации, не зная, что она является опытно-показательной, шли как на действительную мобилизацию, готовы идти на защиту границ, на защиту Советской власти».[1]

Конечно, насильственная коллективизация отчасти нарушила устойчивость просоветских настроений даже у молодых казаков, не говоря уже о всей массе казачества. Но, опять-таки, чаще всего недовольство негативными характеристиками колхозной системы не носило долговременного и устойчивого характера и не было столь сильным, чтобы заставить молодых казаков участвовать в массовых антиколхозных акциях протеста (вообще надо сказать, что советское крестьянство в конечном итоге смирилось с колхозами, хотя прекрасно видело их недостатки и постоянно высмеивало это сталинское изобретение; но, благодаря ЛПХ, в колхозах было «можно жить», да и особого выбора у сельских жителей уже не оставалось).

Важной причиной изначальной ограниченности и постепенного спада протестных настроений крестьян и казаков выступала неоднократно продемонстрированная сталинским режимом готовность применять репрессии против всех своих противников, не только реальных, но также и потенциальных, и мнимых. Об этом с обезоруживающей откровенностью говорили представители краевого руководства Северо-Кавказского края ВКП(б) в 1934 г.: «ведь классовый враг… прекрасно понимает, что если он – отдельные единицы – открыто выступит сейчас, то он прекрасно знает, что мы своих классовых врагов ссылали, ссылаем и будем ссылать в места не столь отдаленные, как Нарым, Сибирь и т. д., расстреливали, расстреливаем и будем расстреливать, поэтому он действует по тихоньку».[2]

[1] ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 37.
[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 68.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В целом можно заключить, что многие казаки (и даже, скорее всего, большинство представителей казачьих сообществ Юга России) в конечном итоге примирились с колхозами, хотя и сознавали, что эти сельхозпредприятия далеки от идеала и лишь формально являются общественными. К упорной и безжалостной борьбе со сталинским режимом в период коллективизации оказались готовы далеко не все донцы, кубанцы, терцы.

В данном случае символичны события, произошедшие в июле 1930 г. в станице Калниболотской Кубанского округа. Председатель местного колхоза Курсов 6 июля проводил собрание станичников по вопросу о предстоящей уборочной кампании. Вскоре, однако, обсуждение производственных вопросов переросло в перебранку между председателем и присутствовавшими, которые, разгорячившись, попытались избить Курсова. Подоспевшие милиционеры оттеснили толпу и схватили наиболее активных участников беспорядков. Один из арестованных, казак Гавриил Довгий, пытаясь вырваться из крепких рук сотрудников правоохранительных органов, безуспешно призывал станичников: «товарищи казаки, что вы смотрите, выручайте, один за всех, все за одного, вооружайтесь, давайте делать восстание». Когда его (видимо, не без труда) доставили в местное отделение милиции, он «разбил двери в камерах, выбил окна и из выбитого окна призывал массу к восстанию».[1] Но «масса» вновь осталась глуха к его отчаянным призывам, и никакого восстания не произошло. Примерно так же разворачивались события и в масштабах всех казачьих станиц, вместе взятых: против коллективизации и произвола властей восставали наиболее активные казаки, за которыми следовала остальная «масса» населения. Подавив акции протеста, сталинский режим устранял из станиц зачинщиков выступлений и наиболее активных их участников, обезглавливая тем самым казачьи общности. В ходе постоянных «зачисток» в казачьих станицах становилось все меньше активных противников колхозов и сталинского режима,

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 29об.

что вело к затуханию протестного движения и формированию скрытой конфликтогенности.

С конца 1932 – 1933 гг. в казачьих станицах Юга России активные формы протеста (волнения, бунты, восстания, «теракты») сменяются пассивными (уклонение от участия в колхозном производстве, попытки покинуть деревню, непубличная, в узком кругу, критика действий сталинского режима и негативных характеристик колхозной системы и пр.).

По итогам форсированной коллективизации основная масса казаков была вовлечена в колхозы. Здесь казаки-колхозники выражали свой протест против негативных компонентов колхозной системы (таких, как оплата труда по остаточному принципу, администрирование и т.п.) преимущественно уклонением от участия в колхозном производстве или апатичным отношением к труду, хищениями колхозной продукции и пр.

В источниках содержится масса примеров, повествующих о подобных методах протеста. Нет нужды перегружать ими нашу работу (тем более, что в постсоветской историографии протестная реакция колхозников, в том числе и казаков, на негативные компоненты колхозной системы освещена в достаточной степени). Дабы не быть голословными, приведем лишь один пример, наиболее колоритный, свидетельствующий, какова была реакция казаков-колхозников на действия сталинского режима, отбиравшего у них плоды их же труда. Принадлежит это свидетельство перу М.А. Шолохова. В одном из своих писем к И.В. Сталину от 4 апреля 1933 г. великий донской писатель повествовал о негативных следствиях завышенных хлебозаготовок: «в августе [1932 г.] в течение трех недель шли дожди… Копны, испятнившие всю степь, надо было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся (ищут паразитов в волосах друг у друга – *авт.*), словом, празднуют. Обозленный, я спрашиваю: «Почему не растря-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

саете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?». И, при сочувственном молчании остальных, одна из бабенок мне объяснила: «План в нонешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить… Нехай пшеничка трошки подопреет. Прелая-то она заграницу не нужна. А мы и такую поедим!».[1] Подобные настроения были присущи множеству (а, точнее, большинству) колхозников Юга России в данный период времени, и не только казакам, но и бывшим иногородним.

Впрочем, некоторое время многие кубанские казаки, и в том числе колхозники, вообще-то не позиционировавшие себя как противники советской власти, по существу, находились с ней в состоянии открытого конфликта. Речь идет о событиях 1933 – 1934 гг., когда кубанские станицы были взбудоражены переселением сюда десятков тысяч демобилизованных красноармейцев и членов их семей. Данная социально-политическая акция, инициированная советско-партийным руководством с целью ликвидации негативных последствий депортации жителей «чернодосочных» станиц, сама превратилась в очередной конфликтоген для казачьих сообществ.

В парадных докладах представители органов власти Юга России торжественно вещали, что «основная масса хозяйств переселенцев-красноармейцев с первых же дней прибытия на места нового жительства включилась в производственную жизнь колхозов и успешно осваивает сельскохозяйственное производство в новых условиях. Отдельные… производственные бригады переселенцев уже теперь дают образцы трудовой дисциплины, систематически перевыполняют нормы выработки и выдвигаются в число ведущих в колхозах».[2] Такие утверждения легли в основу последующей историографической традиции, согласно которой

[1] Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов (Публикация, вступительная статья и примечания Ю.Г. Мурина) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 10.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп.1, д. 113, л. 22.

«бывшие красноармейцы служили примером организованности и добросовестности в работе».[1]

В целом ряде случаев такие утверждения были верны, поскольку нельзя не учитывать энтузиазм переселенцев, многие из которых являлись молодыми людьми (уже в силу возраста поддерживавшими советское устройство, не имея примеров для сравнения) и к тому же прошли соответствующую идеологическую обработку в частях Красной армии. Однако кубанские казаки резко отрицательно отнеслись к переселенцам.

Основанием для неприязни служило прежде всего то обстоятельство, что сталинский режим переселял красноармейцев на место депортированных из «чернодосочных» станиц кубанских казаков. Естественно, уцелевшие члены казачьих сообществ воспринимали красноармейцев после этого как захватчиков, приехавших с целью довершить «расказачивание». В ряде случаев заподозренные в «классовой чуждости» работники МТС из числа местных жителей изгонялись с рабочих мест, дабы предоставить работу переселенцам.[2] Конечно, такие действия власти только подливали масла в огонь. Враждебность кубанцев усиливалась из-за того, что органы власти предоставляли переселенцам первоочередную помощь в культурно-бытовом обустройстве, беспрепятственно отпускали продовольственные ссуды, чаще направляли медиков, лекарства и продовольствие во время эпидемий малярии, защищали преимущественно интересы красноармейцев в спорах с местным населением и начальством.[3]

Кроме того, советско-партийное руководство Юга России предписывало создавать из бывших военнослужащих отдельные колхозы и бригады, предупреждая местных чиновников, что «организацию смешанных бригад ни в коем случае не следует до-

[1] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е, дополненное. Краснодар, 1976. С. 313.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 26.

[3] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 31, л. 11; д. 58, л. 12об, 24 – 25; д. 133, л. 28; ГАРО, ф. р-1390, оп.7, д. 442, л. 31 – 34об.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

пускать».[1] Отчасти эти установки были оправданы стремлением властей с максимальной полнотой использовать красноармейцев как пример трудового энтузиазма для несознательных местных колхозников-казаков, а также соображениями, что в компактных группах переселенцы будут чувствовать себя спокойнее и увереннее на новом, незнакомом месте жительства. Однако оборотной стороной такой стратегии являлось замедление интеграции бывших красноармейцев в казачье-крестьянские сообщества Кубани, сохранение отчужденности и враждебности во взаимоотношениях переселенцев и местного населения.

В итоге кубанцы не признавали за красноармейцами-переселенцами права на заселение бывших казачьих станиц, на хозяйственную деятельность на кубанских черноземах. Противопоставляя себя переселенцам, казаки называли их «россійцами»,[2] «городовиками», «кацапами», «москалями» или, хуже того – «лапотниками»; все эти прозвища указывали на центрально- и северорусское происхождение демобилизованных красноармейцев. Так, казаки станицы Ново-Деревянковской прямо заявили красноармейцам: «лапотникам здесь не место, мы казаки были и есть».[3] Учитывая, что красноармейцев на Кубани уничижительно именовали «лапотниками», политотдел Ленинградской МТС сделал им поистине медвежью услугу, когда в 1934 г., стремясь обеспечить их обувью, закупил «несколько тысяч лаптей»![4]

Надо сказать, что нередко переселенцы сами были виноваты в том, что местные жители негативно к ним относились, ибо позволяли себе откровенно враждебные высказывания: «мы добьемся того, что и духу здесь казацкого не будет. Всех казаков отсюда вышлют. Сначала единоличников, а затем и колхозников».[5] Другие бывшие красноармейцы на новом месте жительства пускались

[1] ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 3232, л. 48.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 164.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 115, л. 103.
[4] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 94.
[5] Крестная ноша. С. 431.

во все тяжкие: пили, дебоширили, даже совершали противоправные действия совместно с местными уголовниками.[1] В итоге переселенцы представали в глазах кубанских казаков как наглая, разнузданная толпа.

Негативно оценивая приезд красноармейцев (которые начали прибывать на Кубань в конце 1932 – начале 1933 гг.), казаки злословили: «зачем вселяют на зиму, дармоедов лишь кормить», «надо было вселять летом, когда была неуправка с работами», «переселенцы лодыри, работать не умеют, но все же власть им ни за что выдает по 18 кгр хлеба на едока»; «подушили людей голодом, а теперь везут сюда красноармейцев, чтобы нас совсем уничтожить», «пришли бисовы души на нашу шею».[2] Нередко казаки стремились запугать переселенцев, чтобы вынудить их покинуть Кубань (при этом местные жители иной раз преследовали и материальную выгоду, надеясь, что в случае панического бегства красноармейцев в родные края им удастся «за бесценок приобрести их имущество и скот»[3]). Как утверждали сотрудники ОГПУ, в ряде районов и станиц Кубани (Кореновский, Старо-Минской и др.) ими были выявлены и ликвидированы «контрреволюционные группировки», которые ставили своей «задачей разложение и удаление из станицы красноармейцев-переселенцев» и с этой целью «систематически обрабатывали красноармейцев, склоняя их к бегству».[4]

В частности, в начале 1934 г. в станице Ново-Мышастовской Краснодарского района Азово-Черноморского края была ликвидирована «группировка» из 13 единоличников-казаков («бывших кулаков, бывших белогвардейцев») во главе с «бывшим кулаком» Клиновым. Группировка ставила целью моральное разложение переселенцев с последующим их удалением из станицы. Кроме того, как утверждали агенты ОГПУ, Клиновой создал специальную террористическую группу, снабдив ее обрезами; группа

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113. л. 31,33.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 10, л. 87; д. 113, л. 32.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп.1, д. 113, л. 15, 16, 17.
[4] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 34.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

должна была убивать и избивать активистов-переселенцев, «так, чтобы они надолго запомнили Кубань».[1]

Нередко словами и угрозами дело не ограничивалось. Существует немало свидетельств об угрозах красноармейцам, о попытках ограбить их дома, растащить имущество, заканчивавшимися иной раз ранениями или даже убийствами красноармейцев и членов их семей.[2] Зафиксированы свидетельства об убийствах (или покушениях на убийство) и избиениях красноармейцев кубанцами, причем эти эксцессы иногда сопровождались криками «бей русаков-кацапов», «бей кацапов, чего они сюда понаехали»,[3] (здесь, как видим, мотивом конфликтов являлось ущемленное самосознание казаков).

Так, в объемной докладной записке «О срыве мероприятий хозяйственного закрепления красноармейских переселенческих хозяйств в Азово-Черноморском крае», направленной 26 сентября 1934 г. работниками органов НКВД Азово-Черноморского края краевому руководству, красноречиво констатировалось: «наиболее агрессивный элемент из числа махрового белогвардейского актива становится на путь прямого терроризирования переселенцев, угрожая им убийством и в ряде случаев избивая и убивая переселенцев», причем «одновременно с этим, разжигается сословная рознь и местные казаки-колхозники натравливаются на переселенцев». Например, в кубанской станице Динской Краснодарского района во второй бригаде колхоза «Молот» «местный казак[-]белогвардеец» Велигура жестоко избил плетью переселенца-комсомольца Бласкина лишь за то, «что лошади последнего отошли в сторону и получился недружный рывок».[4] Реакция казака, как видим, была неадекватна проступку переселенца, и ее можно объяснить лишь общим враждебным отношением кубанских казачьих сообществ к незваным «кацапам».

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 34.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 90; д. 113, л. 33, 58.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 197; д. 113, л. 58; д. 115, л. 176.
[4] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 115, л. 175 – 176.

От открытой неприязни к нежеланным переселенцам на Кубани были несвободны даже представители низового советского аппарата и служащие, тоже нередко принадлежавшие к кубанскому казачеству. В источниках содержится целый ряд примеров того, как местные чиновники и служащие позволяли себе грубые выпады и высказывания в адрес красноармейцев (вплоть до запретов набирать воду из колодцев); причем милиция и прокуратура взирала на эти проступки равнодушно, что позволяет говорить об их солидарности с лицами, выступавшими против переселенцев.[1]

Многие служащие тех или иных учреждений Кубани демонстративно не желали исполнять свои профессиональные обязанности в отношении переселенцев. Особенно тяжело это сказывалось на переселенцах тогда, когда их отказывались лечить местные медицинские работники (а ведь очень многие красноармейцы и члены их семей, очутившись в непривычных условиях Кубани, страдали от малярии). В частности, согласно докладной записке органов НКВД «О к[онтр]-р[еволюционной] организованной деятельности по срыву мероприятий закрепления переселенческих-красноармейских хозяйств в Старо-Минском районе [Азово-Черноморского края]» от 28 сентября 1934 г., районные медработники во главе с заведующим райздрава Чуевым саботировали лечение переселенцев. При этом работники НКВД, валя без разбора все в одну кучу и эксплуатируя неопровержимый факт общего недовольства кубанцев прибытием в их станицы демобилизованных красноармейцев-«москалей», утверждали, что «в своей практической работе эта группа, опиралась на местных колхозных медфельдшеров и лекпомов, а также на активный к[онтр]-р[еволюционный] белогвардейский элемент из числа местного казачьего враждебного нам элемента».[2]

Последняя цитата отражает общую для партийно-советского руководства и карательных органов тенденцию, которая заклю-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 108.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 115, л. 98.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

чалась в том, чтобы объяснить враждебное отношение кубанских казаков к красноармейцам-переселенцам происками «кулаков». Однако попытки взвалить вину на «кулаков» в данном случае попросту несостоятельны. Приведенные выше примеры неопровержимо свидетельствуют, что красноармейцы на Кубани столкнулись не с сопротивлением «кулачества», а с негативным отношением к себе широких слоев местного населения, в особенности казаков (учитывая, что переселенцы направлялись в казачьи станицы). Это был, прежде всего, культурно-региональный (во вторую очередь – политический) конфликт между казачеством и в целом кубанцами, с одной стороны, и красноармейцами-переселенцами (некими «новыми иногородними», к тому же понимаемыми как пособники сталинского режима) – с другой. Да и в конце концов после «раскулачивания» и репрессий периода сплошной форсированной коллективизации на Юге России уже почти не осталось «кулаков», даже если понимать эту категорию населения в широком смысле – как более-менее зажиточных хлеборобов (ведь они были «раскулачены») и «контрреволюционеров» (они были либо репрессированы, либо затаились). Учитывая значительные масштабы «раскулачивания», с южнороссийским руководством, которое все беды, конфликты и неудачи привычно сваливало на «кулаков», можно согласиться лишь в том случае, если бы злокозненные «кулаки» размножались клонированием.

Негативное отношение к красноармейцам-переселенцам, переросшее в акты насилия и издевательств над ними, было присуще, таким образом, широким слоям кубанского казачества, в том числе и казакам-колхозникам. Можно говорить о своеобразном социальном остракизме кубанского казачества, спровоцированном властью, поскольку переселенцы рассматривались казаками как пособники сталинского режима, прибывшие на Кубань завершить «расказачивание», конфликты между ними и местными казачьими сообществами можно также трактовать как активный протест казачества против политики властей. Однако это

было исключение из правила, так как в остальном масса казаков придерживалась пассивных методов протеста.

Но даже по завершении форсированной коллективизации (и даже во второй половине 1930-х гг.) в казачьих станицах оставались непримиримые противники большевиков, которые напоминали о себе более-менее активными действиями: «контрреволюционной агитацией», распространением листовок, созданием тайных организаций, нападениями на партийно-советских работников, представителей колхозной администрации, активистов и т.д.

Разоренные и «раскулаченные» казаки, нередко высланные, но бежавшие из ссылки в родные края, вливались в состав уголовно-политических сообществ («банд»), сам процесс формирования которых является прямым следствием коллективизации, дестабилизировавшей обстановку в южнороссийских станицах. Причем, по ряду сообщений, некоторые казаки радикально меняли характер деятельности таких сообществ. Если «банды» обычно занимались грабежами и разбоями, то под влиянием казаков иногда переходили к террору против представителей советской власти и активистов. Так, в конце марта 1934 г. в районе станицы Ивановской на Кубани возникла «банда» И.С. Кермана («26 лет, казак ст. Ивановской, единоличник, без определен.[ных] занятий, в 1929 г. судим за убийство активиста, бежал из ссылки»). Деятельность этой группы, состоявшей из 8 человек, «преимущественно беглых из ссылки», «проявлялась в систематических грабежах, кражах и терактах по отношению к местному совпартактиву». Любопытно, что, согласно сообщению сотрудников ОГПУ, «банда» Кермана «в некоторых случаях при грабежах колхозников применяла удушающие средства, изготовленные кустарным способом из серы»[1] (видимо, кто-то из ее состава имел отношение к химии).

В ряде случаев, по утверждениям ОГПУ – НКВД, «контрреволюционеры» готовили антисоветские восстания. Так, в марте – ап-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 115, л. 45.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

реле 1933 г. ОГПУ была раскрыта организация бывшего войскового старшины В.В. Семерникова, базировавшаяся в г. Шахты и прилегающих станицах. По делу к уголовной ответственности были привлечены 115 человек, преимущественно казаков (правда, «организация» Семерникова, судя по имеющимся материалам, больше походила на «группировку», так как ее участники ограничивались критикой действий власти). Им были предъявлены обвинения в подготовке вооруженного восстания против советской власти.[1]

В июле 1933 г. в одной из станиц Петровского района Северо-Кавказского края «среди [бывших] конвойцев генерала Воровского возникла к[онтр]-р[еволюционная] организованная группа, ставящая своей задачей: «надо готовиться к свержению Советской власти и не сидеть сложа ручки, а предварительно перерезав провода с райцентрами, двинуться бить коммунистов. А для этого люди найдутся». В том же месяце ОГПУ докладывало краевому руководству, что в станице Усть-Белокалитвенской Шахтинского района «агентурой прощупано наличие крупной повстанческой организации, которая по заверениям одного из участников организации сына бывш.[его] бел.[ого] офицера, имеет подготовленных 50 чел.: разработан соответствующий план вооруженного восстания и маршруты движения повстанцев. Первым пунктом для нападения намечены города: Каменск, Новороссийск, из тех расчетов, что восставшие имеют возможность пополниться за счет арестованных, предназначенных к освобождению из тюрем».[2]

В марте 1934 г. сотрудниками ОГПУ Азово-Черноморского края была ликвидирована «к[онтр]-р[еволюционная] монархическая организация иоаннитов», действовавшая в нескольких населенных пунктах Дона и Кубани, с центром в хуторе Западный Сосык. На допросах члены организации показали, что, «базируя свою к[онтр]-р[еволюционную] деятельность на зажиточном ка-

---

[1] Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общей ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 1998. С. 319 – 321; Донская история в вопросах и ответах / Под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 284 – 288.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 248.

зачестве, наша организация одновременно вела работу и среди казачьей молодежи, создавая среди последней повстанческие ячейки и, главным образом, среди переменников»[1] (основываясь на показаниях иоаннитов, работники ОГПУ арестовали 6 переменников станицы Старо-Минской). Члены организации под давлением сотрудников карательных органов признавали на допросах, что готовили вооруженное восстание, движущей силой которого должно было стать донское и кубанское казачество, но откладывали его до момента начала интервенции: «наша ставка на зажиточного казака была рассчитана, как на основную силу, способную в нужный момент выступить против Соввласти».[2]

Любопытно, что для стимулирования антисоветских настроений среди казаков иоанниты попытались реанимировать монархические идеалы, использовав столь свойственное России самозванчество. Согласно материалам следственного дела, «на одном из явочных пунктов в доме Самсоненко ст. Старо-Минской к[онтр]-р[еволюционная] организация скрывала так называемого «царского наследника Алексея», привезенного туда неким Калмычек Емельяном из ст. Павловской, с целью широкой популяризации монархии среди казачества Дона». Этого «наследника» члены организации даже возили по казачьим станицам в сопровождении все того же Е. Калмычек.[3] Казалось бы, на дворе XX век, и вдруг – самозванец, как во времена Смуты или пугачевщины! Впрочем, судя по тому, что сотрудники ОГПУ лишь мельком упомянули о «царском наследнике», эта затея иоаннитов не пользовалась успехом у казаков Дона и Кубани.

Сложно судить о том, действительно ли члены этих казачьих «контрреволюционных организаций» готовили восстания против советской власти или же это были домыслы сотрудников ОГПУ – НКВД (которые возводили в ранг заговорщических организаций группы и группки казаков-единомышленников и придавали

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 9.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 15.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 12, 13.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

обычным антисоветским беседам этих казаков статус обсуждения повстанческих планов).[1] Конечно, население коллективизированных казачьих станиц было до предела возмущено несправедливостью колхозной системы, что давало основание «контрреволюционерам» надеяться на повторение массовых антиколхозных выступлений: как говорили в мае 1934 г. антисоветски настроенные кубанские казаки, «если сделается восстание в одной станице – вспыхнет вся Кубань, как в 18-м году».[2] Но можно утверждать со всей определенностью, что те казаки, которые являлись активными противниками сталинского режима и его любимого детища, – колхозной системы, – по завершении форсированной коллективизации в большинстве своем уже не надеялись на успех таких восстаний и поэтому выжидали либо удобного момента, либо появления настоящих «вождей», а именно их целенаправленно отсекала советская власть с помощью «лагерной терапии».

Здесь заслуживают упоминания слова одного из непримиримых противников сталинского режима – казака Задорожного. Вернувшись в апреле 1934 г. из «концлагеря» в свой родной Майкопский район, Задорожный говорил станичникам: «Обманули нас всех и что хотят, то с нами и делают. А раньше как-то все говорили про восстания и восстания даже бывали, а теперь ни слуху ни духу. Нужно как[-]либо найти такого человека, чтобы взял на себя это дело, т.е. найти героя. Вот я напрасно пробыл

[1] Зачастую сотрудники ОГПУ – НКВД обвиняли в подготовке восстаний казаков, которые на самом деле просто критиковали сталинский режим в узком кругу единомышленников. По справедливому замечанию С.А. Кислицына, действительно острые, критические высказывания лиц, недовольных действиями советских властей и сталинского руководства, «…не образовывали состава преступления даже по законодательству 30-х гг., так как в высказываниях не было призыва к насилию, свержению власти, не было конкретных действий. У следователя не было материально-вещественных доказательств вредительства, саботажа» (Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917 – 1945 гг. Ростов н/Д, 1996. С. 64). Беседы такого рода даже агитацией назвать нельзя, так как они не предназначались для посторонних ушей. Хотя, конечно, никто не мог бы гарантировать, что в изменившихся условиях (например, в случае начала иностранной интервенции) эти казаки от разговоров не перешли бы к делу и не выступили против большевиков с оружием в руках.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 249.

где-то 5 лет, бывал в большой массе заключенных и все говорят: «дай нам героя – мы все разрушим».[1]

Но «героев» по завершении сплошной коллективизации в казачьих станицах Юга России уже не осталось: они либо погибли, либо отбывали сроки в местах не столь отдаленных. На открытые выступления казаки-«контрреволюционеры» в большинстве своем уже не решались, отдавая себе отчет в том, что в условиях коллективизированной деревни это есть, по существу, самоубийство. Понимая это, представители власти иной раз доставляли себе удовольствие поиздеваться над заведомыми казаками-антисоветчиками (которые, однако, не давали повода применить по отношению к ним репрессии). Так, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов в октябре 1935 г. с удовольствием рассказывал о своем монологе, который ему довелось произнести при встрече с казаками Ессентукского района, не желавшими работать в колхозах и критиковавших колхозные порядки: «вы понимаете эту истину, здесь большевики власть в руки забрали, вы знаете, что вам в открытую [власть обратно] не взять. Что вы можете взять? Ничего. Я им говорю или [выступайте] в открытую или сматывайтесь отсюда».[2]

По завершении форсированной коллективизации непримиримые противники сталинского режима и колхозной системы в основном выражали свое возмущение не столько действиями, сколько словами, критикуя мрачную реальность коллективизированных сел и станиц Юга России, население которых превратилось в людей «второго сорта» и постоянно подвергалось поборам и издевательствам со стороны разнокалиберных «начальников». Как утверждали сотрудники ОГПУ в сводке, составленной в ноябре 1932 г., в Северо-Кавказском крае «кулацко-зажиточная казацкая прослойка продолжает держать себя враждебно» по отношению к большевикам и колхозам, однако теперь «контрреволю-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 136.
[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 56.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ционный элемент» не проявляет повстанческой активности, «замкнулся, но продолжает агитацию в узких казачьих кругах».[1] Так, в станице Кущевской в сентябре 1933 г. сотрудниками ОГПУ была ликвидирована «группа казаков, в прошлом активных белогвардейцев, которые были «настроены антисоветски и ведут агитацию о неизбежном падении Соввласти».[2]

Иногда казаки из числа непримиримых противников большевиков даже отваживались на угрозы представителям власти, но уже не в лицо, а подбрасывая письма соответствующего содержания. В частности, 1 мая 1934 г. в помещении политотдела Николаевской МТС Константиновского района Азово-Черноморского края «на письменном столе была обнаружена анонимка», адресованная начальнику политотдела Смирнову и его помощнику Драбкину. В ней содержались «антисоветские выпады по мероприятиям Соввласти, обещания отомстить и «померяться силами», с угрозами расправой за «захват вольной земли донского казачества».[3]

Причем, что важно подчеркнуть, у многих «непримиримых» противников сталинского режима масса колхозников (в прошлом бедняков и середняков) вызывала не меньшее озлобление, чем большевики, по той причине, что постоянно колебалась и в свое время поддалась на большевистскую агитацию. Многие казачьи «контрреволюционеры» окончательно разуверились в бойцовских качествах рядовых казаков и поэтому грозили также и им, либо же издевались над ними. Характерным примером в данном случае является «листовка» (больше для этого документа подходит определение «подметное письмо»),[4] обнаруженная 27 августа 1933 г. в

---

[1] «Оперативно-информационная сводка об изъятии расхищенного и укрытого хлеба по Кубани и другим районам Северо-Кавказского края за 10 ноября 1932 г.» (Не ранее 16 ноября 1932 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 225.

[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 57 – 58.

[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 205 – 206.

[4] Мы полагаем возможным применять в данном случае термин «подметное письмо» по ряду соображений. Дело в том, что крестьянско-казачьи листовки периода коллективизации мало походили на листовки в полном смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев они были написаны от руки, причем нередко на подсобных материалах, вплоть до мешковины; понятие «тираж» к ним неприменимо, так как чаще всего такие

станице Архангельской Тихорецкого района. «Листовка», судя по всему, предназначалась для жителей станицы, поскольку содержание ее было следующим: «Товарищи, желали свободы и получше пожить, теперь держите свободу за хвост, у вас все забрали, из хат повыгоняли, чуть ли не всех посадили в тюрьму. Поморили много голодных, будем морить и сейчас, голодных раздетых гонять на работу. Помолотим – хлеб замкнем, а Вам дулю покажем, это вам за то, чтобы вы помнили, как бросать фронт. Знаете, что сейчас управление помещецкое и еврейское. Мы будем вас душить до тех пор, пока из вас никого не останется».[1] Здесь явно чувствуется злорадство казака-«контрреволюционера», убежденного противника большевиков, никогда не доверявшего их обещаниям, над рядовыми казаками, «серой скотинкой», которые в свое время «бросили фронт», то есть отказались от борьбы против «красных». Причем, для большего эффекта «листовка» написана как бы от имени представителей власти и приобретает тем самым характер угрозы («помолотим – хлеб замкнем, а Вам дулю покажем… Мы будем вас душить до тех пор, пока из вас никого не останется»).

Надо при этом добавить, что термин «агитация» не совсем адекватно передает специфику происходивших в то время событий. Термин этот применялся сотрудниками карательных органов, которые описывали события на своем профессиональном языке. Однако чаще всего речь шла не об агитации как целенаправленных действиях, имеющих целью вызвать возмущение сельского населения (в данном случае казачества) и заставить его выступить против колхозов, а просто о выражении возмущения неприглядными сторонами колхозной действительности. Зачастую никакой антиколхозной или антисоветской агитации непри-

---

воззвания существовали в единичном экземпляре, реже – в нескольких; иной раз в этих листовках вместо призывов к борьбе содержались лишь горькие сетования на сложившуюся в ходе «колхозного строительства» неблагоприятную ситуацию. Отмеченная специфика этих анонимных прокламаций и позволяет именовать их «подметными письмами».

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 58.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

миримые казаки-«контрреволюционеры» не вели, а просто критиковали действия сталинского режима и действительность коллективизированной станицы (причем нередко делали это в узком кругу единомышленников, не публично, дабы не попасть под удар репрессивно-карательных органов).

Наконец, надо сказать, что и по завершении сплошной форсированной коллективизации в казачьих станицах Юга России (как, впрочем, в целом в коллективизированной деревне) циркулировали слухи о предстоящей войне, об иностранной интервенции, которая вызовет народное восстание и приведет к ликвидации сталинского режима и падению большевиков. Казалось бы, события периода коллективизации, когда никакой интервенции не последовало, должны были излечить сельское население от подобных надежд. Но поскольку в первой половине 1930-х гг. уровень материального обеспечения колхозников оставался крайне низким, а их правовое положение – ущемленным, социальное недовольство в уже коллективизированной деревне не спадало. Поэтому разговоры о грядущей (а то и уже якобы начавшейся) войне не прекращались.

Сводки и отчеты ОГПУ полны упоминаний о том, что казаки и крестьяне Юга России выражали надежду на интервенцию. Так, в целом ряде сельских населенных пунктов Азово-Черноморского края в марте 1934 г. были зафиксированы высказывания о том, что «война на носу, придут казаки с японцами и разгонят все колхозы, перевешают не только коммунистов, попадет и колхозникам» (это говорил «казак, сын белогвардейца» из Пролетарского района); «скорее бы война, мы им [коммунистам – *авт*.) вспомним, ведь миллионы арестованных ожидают этого момента» («участник хищнической группировки, выходец из кулацкой семьи» Пролетарского района); «будет война, значит переменится власть и мы ее завоюем, потому что все пойдем против Соввласти» («единоличник-белогвардеец» из Сальского района).[1] В апреле 1934 г. в станице

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 56.

Ново-Минской Азово-Черноморского края группа из 8 казаков вела «повстанческие разговоры» и «контрреволюционную» агитацию, «запугивая [колхозников] приходом из заграницы «своих».[1]

Примерно в то же время в станице Екатерининской была ликвидирована группа из 8 казаков, возглавлявшаяся бывшим подхорунжим белой армии В.И. Бондаренко. В период коллективизации он был осужден за активное участие в «контрреволюционной повстанческой организации», но убеждений не сменил. Сотрудники карательных органов сообщали: «Находясь в Беломоро-Балтийских лагерях ОГПУ – Бондаренко был тесно связан с группой заключенных, ставивших целью продолжать активно и организованно борьбу против Соввласти после освобождения из лагерей». Когда он осенью 1933 г. вернулся в родные края, то, согласно версии ОГПУ, сколотил группу «контрреволюционеров», куда привлек в первую очередь лиц, ранее вместе с ним входивших в состав той самой «контрреволюционной повстанческой организации», за участие в которой он был осужден. В тот раз был арестован только Бондаренко, а его товарищи (Е.В. Дидух и И.Г. Пузырный) остались на свободе. Но весной 1934 г. они были арестованы вместе с Бондаренко, равно как и еще пятью участниками «группировки». Сотрудники ОГПУ обвинили казаков в ведении агитации, приписав им «распространение слухов о скорой войне с Японией и неизбежной гибели Соввласти в текущем году», «внедрение повстанческих настроений», то есть призывы к выступлениям против большевиков в момент интервенции.[2]

Даже во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., несмотря на общее организационно-хозяйственное укрепление колхозной системы и улучшение условий жизни на селе, среди определенной части казачества сохранялись надежды на будущую войну, которая вернет прежние, доколхозные порядки. В основном такие надежды высказывали казаки старших возрастов, которые не могли

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 205.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 142 – 143.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

до конца смириться с утратой и своего собственного хозяйства, и права самостоятельно хозяйствовать на своей земле (как говорил один из терских казаков в 1939 г., «надо войну ибо жить нельзя, а то нас еще более закоболят»[1]). В 1936 г. толчком к разговорам о приближающейся войне послужила, как ни странно, кампания «за советское казачество». Данная кампания была призвана окончательно укрепить просоветские настроения в массе казачества, привлечь казаков на сторону советской власти. Однако началась она так внезапно, что у многих казаков родились сомнения в стабильности внешнеполитического положения Советского Союза и, соответственно, возродились надежды на иностранную интервенцию. Немало казаков Дона, Кубани и Ставрополья во время обсуждения кампании «за советское казачество» не смогли сдержаться и откровенно высказались по поводу того, что они думают о советской власти и за кого собираются сражаться в наступающей войне: «…должна быть война с иностранцами,… но как бы не получилась внутри СССР своя война…», «…дело подходит ближе к войне. Теперь и казакам все права дают, боятся, чтобы они в случае войны не наделали чего-либо в тылу… но все равно будем бить коммунистов».[2]

Надежды на интервентов как освободителей от колхозной системы и сталинского режима (инверсивные социальные экспектации) высказывали в это же время и многие казаки верхнедонских округов, во второй половине 1930-х гг. находившихся в административном подчинении Сталинградской области. Социально искаженный патриотизм звучал очень парадоксально. Здесь уже четко говорилось о том, кого именно казаки видят в роли интервентов-освободителей: «скорей бы фашисты покончили с Испанией и взялись за СССР, освободили бы от ига», «хотя бы скорей Германия и Италия начали войну против СССР и разгромили его», «скоро будет война. Мы организуем здесь, в тылу,

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 753, л. 126.
[2] Трагедия советской деревни. Т. 4. М., 2002. С. 726 – 727.

восстания, чтобы скорей свергнуть советскую власть».[1] Если верить сотрудникам органов госбезопасности, в ряде случаев словами дело не ограничивалось. Так, по утверждениям органов НКВД Сталинградской области, в 1937 г. ими была ликвидирована «контрреволюционная повстанческая организация» в составе 300 человек, которая охватывала 16 казачьих районов области.[2]

Да и в Орджоникидзевском крае в конце 1938 – 1939 гг. была ликвидирована сходная организация в составе 41 человека, обвиненных в том, что они готовили «насильственное свержение вооруженным путем Соввласти».[3] При всех сомнениях в реальности этих «контрреволюционных повстанческих организаций» (которые, скорее всего, являлись плодом фантазии следователей, стремившихся состряпать обвинительные дела на недоброжелателей советской власти) очевидно, что ряд казаков был настроен весьма решительно и в случае войны действительно бы поддержал интервентов. В этом случае нам близко мнение А.И. Козлова о том, что даже в конце 1930-х гг. значительная часть казаков «питала негативные чувства к советской власти вследствие антиказачьей большевистской политики».[4]

К исходу 1930-х гг., ввиду крайне обострившейся международной обстановки, надежды на будущую войну среди части казаков, не смирившихся с колхозной системой, превратились в почти твердую уверенность. Так, в начале 1940 г. сотрудники Арзгирского райотдела НКВД Орджоникидзевского края докладывали, что здесь есть ряд лиц, которые «высказывают надежды возращения капиталистического строя с помощью интервенции».[5] Показательно, что осенью 1939 г., во время германо-польской войны, в станице Каргинской Шелковского района того

---

[1] Павлова Т.А. Отношение казачества Сталинградской области к войне с фашистской Германией и его поведение в условиях немецкой оккупации // Клио. 2004. № 4. С. 191.

[2] Павлова Т.А. Указ. соч. С. 191.

[3] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 512, л. 66 – 72.

[4] Смольянинова С. О толковании отзвуков прошлого (беседа с А.И. Козловым) // Академия. Еженедельник науки и образования Юга России. 2008. № 10. С. 4.

[5] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 753, л. 56.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

же края казаки, уже не таясь, радостно говорили: «вот наши прийдут, а потом мы отомстим».[1] Действительно, до возращения «наших» оставалось не так много времени. Но вернулись они в составе гитлеровских войск, и подавляющим большинством казаков Юга России были восприняты уже не как «освободители», а как пособники врага.

Итак, можно констатировать, что в период форсированной коллективизации казачьи сообщества Юга России разделились на противников «колхозного строительства» и тех казаков, которые либо убежденно поддерживали колхозы, либо были готовы примириться с ними. В условиях ожесточенного противоборства казаков и сталинского режима победа осталась за последним в результате разобщенности казачества, жесткости действия коллективизаторов, огромного неравенства в силах и средствах (ведь на стороне большевиков была армия, карательные органы, вся мощь государства и партии, в то время как казакам и крестьянам не приходилось рассчитывать на помощь и поддержку – ни внутри СССР, ни за его пределами). Колхозы были созданы, сталинский режим мог торжествовать победу. Однако форсированная коллективизация, сопровождавшаяся антиказачьими акциями, надолго разобщила власть и значительную часть казачества, серьезно деформировала чувство патриотизма, свойственное казакам как членам корпорации воинов-земледельцев, защитников Отечества. К счастью, можно говорить лишь о деформации казачьего патриотизма в результате коллективизации, но не о разрушении его. Инверсивные социальные экспектации оказались фрагментарным историческим явлением. Большинство казаков Дона, Кубани и Терека осталось верным своим воинским традициям защиты Родины (в определенной мере здесь сыграло свою роль и улучшение жизни на селе как результат организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы во второй половине 1930-х гг.). Они доказали это в годы Великой Отечественной войны.

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 754, л. 24.

Очерк четвертый
Кампания «за советское казачество»

18 февраля 1936 г. газета «Правда», рупор партии большевиков, вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству».[1] Эта статья вкупе с прошедшим 13 – 16 февраля 1936 г. съездом передовиков животноводства, где выступали представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовала начало кампании под лозунгом «за советское казачество».

Направляемые сталинским руководством общественно-политические мероприятия по отношению к казакам, обычно именуемые кампанией «за советское казачество», получили некоторое отражение в ряде исследований. Среди них необходимо, на наш взгляд, особо выделить работу Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского, уделивших данной теме наибольшее внимание.[2] Вместе с тем историографический анализ приводит к выводу, что существует немало аспектов кампании «за советское казачество», требующих дальнейшего освещения. Более того, в постсоветской историографии позитивные мероприятия советской

[1] Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 30.

[2] См.: Ленинский путь донской станицы. С. 99 – 101; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II. С. 271; Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. С. 118 – 133; Дон советский. С. 111; Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. С. 156 – 157; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. С. 123; Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 321 – 322; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. С. 149.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

власти по отношению к казачеству в 1930-х гг. в большинстве случаев освещаются весьма и весьма фрагментарно (хотя и в советский период исследователи чаще всего ограничивались краткими упоминаниями на сей счет). Отчасти это происходит в результате продолжающегося угасания исследовательского интереса к коллективизации, с которой напрямую связана судьба казаков, бывших в основной массе земледельцами.

Между тем кампания «за советское казачество» представляется весьма информативным объектом научного анализа, причем не только в рамках изучения истории казачьих общностей, но и в плане исследования становления и укрепления сталинского режима. В частности, анализ государственной политики по отношению к казачеству во второй половине 1930-х гг. позволяет уточнить и дополнить наши представления о формировании социальной базы сталинского режима.

Целый ряд вопросов, на которые в историографии практически не содержится ответа, возникает уже в связи с развертыванием кампании «за советское казачество». Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, чем, какими расчетами и намерениями властей эта кампания была вызвана.

Говоря о мотивах и характере кампании «за советское казачество», следует отметить, что данный аспект проблемы освещен еще недостаточно. До сего времени актуален заданный в 1997 г. В.Е. Щетневым вопрос: «Что означала статья в «Правде» о «советском казачестве», опубликованная в 1936 году?».[1] Зачем вообще советской власти, стремившейся «расказачить» казаков путем превращения их в колхозников, понадобилось выделять казачьи сообщества в общей массе колхозного крестьянства? Какие цели преследовало при этом советское руководство: стремилось ли оно использовать военно-мобилизационный и хозяйственно-производственный потенциал казаков, ликвидировать возможные социаль-

[1] Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 19.

ные основы формирования «пятой колонны» или добивалось чего-то еще?

В советский период анализ причин кампании «за советское казачество» ограничивался содержанием передовицы «Правды», где в качестве ведущих причин указывались рост просоветских настроений среди казаков в результате укрепления колхозного строя («казачество стало советским») и важность военных традиций казачества в деле укрепления обороноспособности Советского Союза («лучшие черты казачества – способность к железной дисциплине, отвага и упорство, беззаветная самоотверженность в служении своей цели – могут и должны быть направлены на дело дальнейшего укрепления колхозов, на дело окончательного преодоления враждебных влияний, на дело превращения казачьего населения в могучий резерв рабоче-крестьянской Красной армии»).[1] Эти положения, неоднократно подтвержденные в прессе и выступлениях советско-партийных чиновников,[2] в практически неизменном виде перекочевали в советскую и постсоветскую историографию.[3]

Значение социально-экономических и общественно-политических изменений, произошедших в казачьих регионах Юга России к 1936 г. в результате «колхозного строительства», действительно, нельзя недооценивать. Произошел радикальный социальный сдвиг. Коллективизация сама по себе являлась мощнейшим ударом по казачьей сословности, способствовала прекращению сословной розни. Кроме того, к 1936 г., по сравнению с началом данного десятилетия, позиции колхозной системы (в том числе и на Юге России) заметно укрепились в результате «неонэповских» мероприятий

[1] Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 30, 34 – 35.

[2] Очень четко о этому поводу выразился первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев в середине марта 1936 г.: «мы возьмем и от казачества то, что у него было хорошего… Возьмем боевой дух, отвагу, закалку, любовь к коню, уменье владеть шашкой, любовь к военному делу, любовь к своей родине» (Выступление Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. 23 марта).

[3] Ленинский путь донской станицы. С. 100; Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. С. 119 – 120; Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. С. 156 – 157.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

правительства[1] и резкого сокращения численности единоличных хозяйств, последовавшего после июльского (1934 г.) совещания в ЦК ВКП(б).

«Неонэп» в коллективизированной деревне выразился в целом ряде правительственных мероприятий, направленных на экономическое укрепление колхозов и хозяйств колхозников путем частичного допущения рыночных отношений, некоторой либерализации государственной налогово-заготовительной политики и стимулирования личной инициативы кооперированного крестьянства.

В мае 1932 г. колхозам и колхозникам было разрешено торговать произведенными ими хлебом и мясопродуктами (правда, лишь после выполнения государственных заданий и под контролем органов власти, призванных не допустить заметного повышения цен; эти ограничения зачастую сводили к нулю реальные выгоды от торговли).[2] В 1933 г. контрактационная система заготовок сельхозпродукции,[3] порождавшая «хлебозаготовительный беспредел»,[4] «бесчинства заготовителей»,[5] была заменена системой обязательных поставок. Согласно принятому в январе 1933 г. постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР и ряду других постановлений, колхозам еще до сбора урожая вручались государственные обязательства на сдачу определенного количества продукции (декларировалось, что не свыше 30 % от валового сбора), а все остальное оставалось в распоряжении самих коллективных хозяйств[6] (правда, помимо госпоста-

---

[1] См. об этом: Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105 – 121; Мошков Ю.А. Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 7 – 38.

[2] Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 111 – 112.

[3] Контрактация – двусторонний договор о производстве определенного количества сельскохозяйственной продукции, согласно которому крестьяне и колхозы обязывались засеять определенные площади определенными сельхозкультурами, а затем сдать урожай государству по заранее оговоренным ценам и на заранее установленных условиях.

[4] Зеленин И.Е. Кульминация крестьянской трагедии (Предисловие к сборнику документов) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С.38.

[5] Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. С. 66.

[6] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» от 19 января 1933 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 352 – 353.

вок, колхозы еще обязывались производить натуроплату за работы МТС, размеры которой были еще выше). При этом местным органам власти запрещалось предъявлять колхозам так называемые «встречные планы»,[1] то есть дополнительные задания на сдачу сельхозпродукции.

Также были предприняты меры по укреплению личных подсобных хозяйств колхозников (ЛПХ). Так, для восстановления поголовья скота в ЛПХ колхозы передавали (на льготных условиях) в личное пользование колхозников коров, телок, свиней, овец и т. д. Самое же главное – на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. были четко установлены размеры личных подсобных хозяйств, что препятствовало административному давлению на них.[2]

Помимо вышеперечисленных мер, органы власти летом 1934 г. перешли к политике ликвидации единоличных хозяйств, еще сохранявшихся и представлявших (в определенной мере) альтернативу колхозам, что препятствовало упрочению колхозной системы. На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации 2 июля 1934 г., руководством страны было принято решение ужесточить налогово-административное давление на некооперированных крестьян с целью загнать большинство из них в коллективные хозяйства. Выполнение принятых решений привело к тому, что «единоличник резко пошел на вступление в колхозы».[3] К весне 1935 г. численность единоличников в целом по стране сократилась более чем в два раза.[4] Те же тенденции господствовали и на Юге России. Если в первой половине 1934 г. на Дону, Кубани и Ставрополье

[1] «Встречные планы» – дополнительные плановые задания, вплоть до изъятия семенного зерна. Название происходит оттого, что формально сами колхозники, «охваченные энтузиазмом», выдвигали предложения об увеличении количества зерна, которое они должны были сдать государству. Фактически же их принуждали к таким предложениям либо заставляли одобрять спущенные сверху дополнительные плановые задания. Как правило, «встречными планами» облагались передовые колхозы, которые таким образом рассчитывались за коллективные хозяйства, являвшиеся должниками государства.

[2] См.: Примерный устав сельхозартели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. Т.1. С. 427, 428.

[3] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 88..

[4] Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. № 3. С. 53.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

насчитывалось 380,7 тыс. хозяйств единоличников, то на 1 января 1935 г. – уже 317,8 тыс. (по данным переписи скота), а на 1 января 1936 г. – всего лишь 76,4 тыс., или 20 % к уровню 1934 г.[1] С середины 1930-х гг. власти уже не опасались, что единоличники могут примером своей успешной хозяйственной деятельности увлечь колхозников на выход из колхозов (ранее такая опасность была вполне реальной, ибо, как говорил Б.П. Шеболдаев на упомянутом июльском совещании, на Юге России «…единоличник соблазняет менее устойчивую часть колхозников»[2]). Тем самым позиции колхозов были укреплены, в том числе и в казачьих регионах.

Несмотря на то, что все «неонэповские» постановления зачастую нарушались и высшим руководством СССР, и местными властями (в частности, «встречные планы» все равно существовали, хотя и не в прежних масштабах), они все же в определенной мере способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы и улучшению жизни колхозного крестьянства. Поскольку «жить стало лучше, жить стало веселее», определенная часть колхозников демонстрировала более позитивное отношение к колхозам (хотя произошло это далеко не сразу). Казаки-колхозники в данном случае не были исключением. Среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, усилились проколхозные и просоветские настроения. Данное обстоятельство могло в какой-то мере послужить поводом к кампании «за советское казачество».

Но если исходить из намерений большевиков ликвидировать казачество как сословие, то растворение казаков в массе колхозников должно было только радовать советских идеологов. Поэтому социально-экономические изменения в деревне сами по себе не могли стать основанием для кампании «за советское казачество». Их обязательно следует рассматривать в комплексе с намерениями

---

[1] Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д., 2006. С. 385.

[2] Из выступления Б.П. Шеболдаева на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации. 2 июля 1934 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 179.

советского правительства использовать военно-патриотические традиции казачества для укрепления обороноспособности СССР.

Часть исследователей выводит на первое место именно эту причину развертывания кампании «за советское казачество».[1] Думается, что вряд ли только одна причина могла повлечь за собой целый комплекс проказачьих мероприятий, но важность ее, конечно, нельзя преуменьшать. К середине 1930-х гг. международное положение все более обострялось, что, конечно, не могло не беспокоить правительство СССР. И.В. Сталин, как и другие представители высшего советского политического и военного руководства, прекрасно понимал, что рано или поздно война с «капиталистическим миром» начнется (тем более, что Гитлер не уставал демонстрировать свои агрессивные намерения по отношению к СССР, а правительства ведущих западных демократий, демагогически заявляя о неприятии агрессии, делали все возможное, чтобы ускорить столкновение Германии и Советского Союза и тем убить двух зайцев: избавиться от коммунизма и ослабить нацизм). В преддверии будущей войны с гитлеровской Германией (в том, что она начнется, в СССР почти никто не сомневался) сталинский режим стремился привлечь к себе симпатии казаков и максимально полно использовать их военно-патриотические навыки и традиции. Тем самым он стремился создать мощный социальный резерв на случай развертывания военного конфликта и защитить свои позиции в противостоянии с вероятным агрессором.

В то же время специалисты выделяют ряд других причин смягчения политики советского правительства по отношению к казачеству. Как полагал П.Г. Чернопицкий, власть начала «поддерживать и использовать традиции казачества» с целью восстановления животноводства, разрушенного в результате деструктивного импульса коллективизации и неумелого хозяйствования в колхозах (причем речь шла не просто о животноводстве, но о коневодстве, развитие

[1] Донская история в вопросах и ответах / Под ред. Е.И. Дулимова и С.А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 263.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

которого было крайне важно для поддержания боеспособности кавалерийских частей Красной армии).[1]

Это суждение вполне справедливо, поскольку органы власти с началом кампании «за советское казачество» проявляли большую заинтересованность в том, чтобы использовать потенциал казачества для развития коневодства. Так, руководство Северо-Донского округа Азово-Черноморского края уже в начале марта 1936 г. организовало ряд соответствующих мероприятий. Секретарь Северо-Донского окружкома В.М. Лукин докладывал в это время первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву: «4-го марта начинаем поход 100 всадников кавалеристов[-]казаков в Ростов к Краевой конференции Комсомола, которые по маршрутам до Ростова будут проводить работу по воспроизводству и выращиванию донской лошади.

Разработали ряд мероприятий по укреплению коневодческих ферм в колхозах и воспроизводству молодняка, в частности, имеем в виду до 15 марта, в соответствии с утвержденным Крайкомом ВКП(б) планом животноводства на 1936 год, провести широкие животноводческие конференции в районах».[2] И это далеко не единственное признание в том, что власть надеялась использовать потенциал казачества для восстановления и развития животноводства как одной из отраслей колхозного производства, чье состояние вызвало серьезные опасения.

Также в качестве одной из причин развертывания кампании «за советское казачество» указывается на активную деятельность «многочисленной казачьей эмиграции за рубежом, интерес к трагической судьбе казачества со стороны мировой общественности, во многом вызванный гениальным романом М.А. Шолохова «Тихий Дон».[3] Некоторые исследователи даже утверждают, что имен-

---

[1] Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (История, современность, перспективы). Тез. докл., сообщ., выступлений на V Международной (Всероссийской) науч. конф. – Ростов н/Д., 1995. С. 13.

[2] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 60.

[3] Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. С. 123; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 149.

но «Шолохов способствовал возвращению казачества на военную службу, что для него было принципиально важным».[1] Состояние источниковой базы пока не позволяет нам делать столь же категоричных выводов, однако тот факт, что кампания «за советское казачество», по существу, началась с северных районов Дона, позволяет предположить, что роль М.А. Шолохова в развертывании данной кампании, действительно, достаточно заметна.

Кроме того, вполне обоснованным выглядит мнение Ш. Фицпатрик о том, что примерно с середины 1930-х гг., в преддверии принятия новой советской Конституции, «примирение с бывшими классовыми врагами» стало «основным девизом партии»[2] (П.Г. Чернопицкий также считал, что пересмотр отношения к казачеству произошел «в связи с подготовкой новой конституции, в которой провозглашалось единство советского народа»[3]). Действительно, ведь в Конституции СССР 1936 г. было даже провозглашено право единоличников на существование[4] (несмотря на то, что в период ее обсуждения неоднократно звучали требования окончательно искоренить эту социальную группу[5]). В таком случае выглядит вполне логичным и «разрешение» казачеству (которое, не забудем, в большинстве своем воевало в годы Гражданской войны на стороне «белых») занять свое место в советском обществе.

Первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев говорил, по существу, именно о «примирении», объясняя причины развертывания кампании «за советское казаче-

---

[1] Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Шолохов и история России. Парадоксы великого писателя. Ростов н/Д., 2005. С. 181.

[2] Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 404; Ее же: Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 269.

[3] Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. статей. Ч. 2. Ростов н/Д., 1996. С. 87.

[4] Конституция (Основой закон) СССР // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 23. С. 680.

[5] РГАСПИ, ф. 17, оп.120, д. 232, л. 65 – 67.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ство» на торжествах по случаю межкраевой встречи донских, кубанских и терских казаков в середине марта 1936 г.: «Эта встреча для самих казаков означает очень многое. Ибо она подводит навсегда черту под всем тем тяжелым и мрачным прошлым, которое еще порою тяготело над казачеством. Ведь, до настоящего времени даже та часть казачества, которая полностью доказала свою преданность колхозам, которая доказала всю готовность защищать советскую родину, – даже эта часть казачества не любит вспоминать свое казачье происхождение, стыдясь своего прошлого. Нередко есть еще среди казаков такие, которые чувствуют себя как бы на положении побежденных. Ясно, что даже при остатках таких настроений не может быть полной, настоящей самоотверженной работы, действительного подъема во всех наших колхозных делах».[1] Как видим, для Б.П. Шеболдаева (который, естественно, озвучивал не личную, но государственную позицию) «примирение» было важно не само по себе, а в качестве условия, необходимого для повышения активности казачества в укреплении колхозной системы.

Наконец, нам представляется важным еще один мотив – стремление центрального и местного руководства привлечь на свою сторону симпатии казаков ввиду национально-политической сложности Южно-Российского региона. В источниках неоднократно отмечается наличие антисоветских настроений среди отдельных групп горцев Северного Кавказа и населения немецких колоний, которые, впрочем, были вызваны ничем иным, как политикой сталинского режима, в первую очередь коллективизацией. Так, факты «контрреволюционной» деятельности немцев, которые стремились установить контакты «с русско-казачьей и горской контрреволюцией», принимали участие в «шпионско-разведывательной и диверсионно-повстанческой» работе и даже находили способы заверить лично Гитлера в том, что окажут помощь германским войскам в случае вторжения их в СССР, отмечались в докладной записке «О полити-

[1] Выступление Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. 23 марта.

ческом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края», составленной сотрудниками полномочного представительства ОГПУ в середине декабря 1933 г.[1] «Контрреволюционная» активность немцев наблюдалась в Орджоникидзевском крае и во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.[2]

Учитывая эти факты, вполне понятна радость властей Юга России в ходе кампании «за советское казачество», обусловленная явно выраженной готовностью большинства казаков к сотрудничеству с советской властью (либо, по крайней мере, к сосуществованию с ней). Не случайно в декабре 1936 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) В.И. Рябоконь расценил нормализацию отношений власти и казачества как «крупнейший политический факт для нашего края и крупнейший политический плюс с точки зрения подведения итогов года».[3] Е.Г. Евдокимов (уже в должности первого секретаря Азово-Черноморского крайкома компартии) был более категоричен в суждениях, говоря летом 1937 г.: «казачество прочно стало на колхозный путь … [и], под руководством большевиков, сокрушает и будет сокрушать и впредь всякие попытки врагов вредить колхозному делу».[4]

Как видим, количество факторов, обусловивших развертывание кампании «за советское казачество», относительно велико. Причем вряд ли возможно выделить среди них наиболее (и, соответственно, наименее) важные. Думается, решение властей инициировать мероприятия по нормализации отношений с казачеством было вызвано всем комплексом указанных факторов (при том, что само кремлевское руководство выдвигало на первый план рост просоветских настроений казаков и необходимость ис-

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 10, л. 53 – 74

[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 754, л. 80; Докладная записка начальника Орджоникидзевского крайуправления НКВД «О немецком населении Орджоникидзевского края» от 20 сентября 1941 г. // Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.). Сб. документов / Сост., предисл. Т.Н. Плохотнюк. Ставрополь, 2002. С. 169 – 184.

[3] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 109, л. 2.

[4] Отчет Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) // Колхозница. 1937. № 6. С. 2.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

пользования их военных традиций и хозяйственно-экономического потенциала для укрепления колхозной системы и обороноспособности СССР).

Второй вопрос, практически вовсе не освещенный в историографии, связан с начальными этапами кампании «за советское казачество». Дело в том, что здесь существует немало загадок и нелогичных событий. При изучении источников создается впечатление о некоей «внезапности» данной кампании, которая, к тому же, является как бы «сиротой», ибо непонятно, кто из представителей партийно-советского руководства был ее инициатором.

Упомянутая выше редакционная статья «Правды» (а перед ней выступления казаков-колхозников на съезде передовиков животноводства), безусловно, ознаменовала начало кампании «за советское казачество». Но ей должна была предшествовать более-менее длительная стадия подготовки. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что эту подготовку отличала печать некоей неуверенности, рассеянности внимания исполнителей (во всяком случае, подготовительные мероприятия более-менее последовательно проводились в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края, но не на остальной территории Дона, не на Кубани или Тереке). Данное обстоятельство, в свою очередь, затрудняет датировку начала подготовительной работы к кампании «за советское казачество» и может рассматриваться как свидетельство имевших место колебаний советского руководства относительно того, стоит или нет менять фактическое отношение к казачеству.

Прежде всего, представители и высшего (центрального, включая, видимо, и самого И.В. Сталина), и краевого партийно-советского руководства вовсе не столь активно и последовательно, как это было необходимо, осуществляли подготовку общественного мнения к смене фактического отношения к казачеству. Те же меры, которые все-таки были осуществлены, недостаточно четко поясняли новую позицию в «казачьем вопросе».

Конечно, Б.П. Шеболдаев и Е.Г. Евдокимов, к 1936 г. возглавлявшие парторганизации Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев, где значительную часть населения составляли донские, кубанские и терские казаки, не могли не затрагивать «казачий вопрос» в своих речах и выступлениях. Во второй половине – конце 1935 г. они почти одновременно заговорили о казаках-колхозниках в весьма доброжелательной тональности, в унисон утверждая, что казачество утратило классовую дифференциацию, стало единым, верным советской власти. Подобное единодушие заставляет предположить, что уже к исходу 1935 г. краевое руководство на Юге России получило какие-то указания из Москвы, касавшиеся смены отношения к казачеству. Однако эти речи и публикации в большинстве своем не позволяли прийти к однозначным, четким выводам относительно дальнейшей судьбы казаков-колхозников.

Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов в октябре 1935 г. произнес речь на встрече с колхозниками и представителями руководства Суворовского района, где казаки составляли значительную долю населения. В своей речи Евдокимов затронул ряд хозяйственных вопросов колхозной жизни, но уделил внимание и казакам, произнеся в числе прочего следующие слова: «по-моему, у нас и казачества нет. Бывшее казачество распалось на две части [одна эмигрировала, другая осталась], которая пошла за нами, стала полноправными гражданами нашей страны, по-моему, у нас теперь есть колхозники, а не казаки, верно или нет?... Мы все строители новой жизни, так, что нам делить [население края] на казаков и мужиков особенно строго не приходится».[1] Вряд ли эти слова могли подготовить собравшихся к восприятию перемен, последовавших всего через три месяца, когда в «Правде» была опубликована статья «Советские казаки».

По существу, эти слова, полностью укладывавшиеся в русло предшествующей политики большевиков по отношению к каза-

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 47, 50.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

честву, являлись констатацией факта устранения сословного статуса казаков в период коллективизации. Поскольку всего лишь через три месяца после речи Евдокимова была развернута кампания «за советское казачество», процитированное высказывание может свидетельствовать либо о том, что секретарь крайкома не был в курсе корректировки государственной политики в «казачьем вопросе» (что представляется невероятным), либо о том, что он еще не получил соответствующих указаний из Москвы.

Правда, сказав о свершившемся, по его мнению, растворении казаков в составе колхозников, Евдокимов поспешил оговориться: «это отнюдь не значит, что не нужна та лихость, та смелость, то владение конем, [которые присущи казакам]… Нам это очень нужно».[1] Но эти слова плохо соотносились с высказыванием о том, что «у нас казачества нет», и придавали речи Евдокимова некую сумбурность (такое впечатление, что он сам не знал, какой позиции следует придерживаться по отношению к казакам). Даже при желании эту фразу сложно трактовать как свидетельство смены фактического отношения к казачеству; скорее, Евдокимов хотел сказать, что колхозники должны перенять лучшие качества казаков как воинов, защитников Отечества.

Нельзя удержаться, чтобы не отметить один любопытный пассаж из речи Евдокимова, характеризующий типаж местных большевистских лидеров. Как обычно было принято в советской агитационно-пропагандистской работе, Евдокимов делил жизнь казачества на два этапа: «проклятые времена царизма» и наступивший при советской власти рай. Так вот, расписывая тяжелую жизнь казаков в условиях самодержавия, он сказал буквально следующее: «Сравните старую вольность казаков [с положением колхозников], а я спрашиваю вас, кто вольнее наших колхозников, когда мы твердо на ногах стоим… Казаки в старину считались вольные люди, а воля была такая, что паспорта постоянного даже не имели, не могли поехать заработать, только головы свои

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 51.

подставляли, когда это нужно было самодержавию».[1] Если слова Евдокимова о том, что «у нас казачества нет», заставляют усомниться в его осведомленности о намерениях советского правительства, то процитированное изречение рождает серьезные сомнения во вменяемости первого секретаря крайкома. Неужели он не знал, что колхозники не имеют паспортов и являются настолько же «крепкими колхозу», как казаки в царское время – своему сословию? Надо думать, это глубокомысленное изречение Евдокимова породило среди присутствовавших колхозников по меньшей мере недоумение, если не злую (но, разумеется, не публичную) иронию.

Возвращаясь к интересующей нас проблематике, отметим, что первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев занял в отношении казачества гораздо более определенную позицию по сравнению со своим северо-кавказским коллегой. В конце 1935 г. в периодической печати (а также отдельной брошюрой) была опубликована небольшая работа Шеболдаева «Казачество в колхозах», где освещался ход и итоги «колхозного строительства» в казачьих станицах Дона и Кубани. Шеболдаев не прошел мимо фактов сопротивления казаков политике коллективизации, утверждая, в частности, что «кулацкий саботаж хлебозаготовок» 1932 г. отличался особой силой в казачьих станицах Кубани и что чудовищные последствия коллективизации на Юге России – сокращение посевных площадей за 1932 – 1933 гг. на 1 миллион га (!), резкое сокращение численности тяглового скота, снижение урожайности до «катастрофического уровня», – объяснялись именно злонамеренными происками «кулаков» из состава казачества.[2] Однако, отдав должное обличению

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 50.

[2] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 3; Помимо общих слов о «кулацком саботаже» Шеболдаев попытался переложить ответственность за голодомор 1932 – 1933 гг. со сталинского режима на «кулаков», поместив в работе удивительный по циничности пассаж: «озлобленность врага доходила до того, что отдельные матерые кулаки из казачества, скрывая от хлебозаготовок в ямах тысячи пудов хлеба, доводили себя и собственных детей до голодной смерти» (Там же. С. 4).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

«кулаков», руководитель Азово-Черноморской парторганизации большую часть своей работы посвятил организационно-хозяйственным достижениям казачьих колхозов и казаков-колхозников Дона и Кубани (не обойдясь при этом без существенного передергивания и подтасовывания процентов, цифр и материалов) и констатировал факт роста просоветских настроений среди них.

Подбор материала, выводы и общий конструктивный тон статьи (брошюры) Шеболдаева могут выступить основанием для того, чтобы расценить ее как одно из первых подготовительных мероприятий кампании «за советское казачество», тем более, что 5 декабря 1935 г. эта работа была помещена в «Правде», хотя и не на первой странице, а лишь на четвертой (кроме того, в уже цитированной нами передовой статье «Правды» «Советские казаки» от 18 февраля 1936 г. явно заметны многочисленные заимствования из работы Шеболдаева). Впрочем, устойчивость такого вывода серьезно ослабляется печальной констатацией Шеболдаева в той же работе, что «…старые представления живучи. Нередко даже сейчас можно встретить огульное недоверие к казакам, связанное с воспоминаниями о прошлой борьбе, с непониманием того пути, который проделало казачество за годы революции и коллективизации».[1] Столь беззубое признание, без громких осуждающих речей, никак не соответствует характеру общественно-политических кампаний 1930-х гг., обычно отличавшихся бескомпромиссностью, напористостью и агрессивностью риторики.

В любом случае ни заметных правительственных мер в отношении казачества, ни широкого общественного резонанса за статьей Шеболдаева не последовало (хотя, видимо, она и породила определенные надежды у казаков Дона, Кубани и Терека). После ее опубликования в «Правде» проказачьи мероприятия осуществлялись преимущественно в границах Северо-Донского округа (почему мы и считаем вполне вероятным предположение, что М.А. Шолохов имел к этому непосредственное отношение).

[1] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 6.

После того, как статья Шеболдаева была опубликована в прессе, в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края было созвано окружное совещание стахановцев и передовиков сельского хозяйства, на котором казаки-колхозники приняли обращение к Сталину, где заверяли его в безусловной преданности советской Родине. Председатель Северо-Донского окрисполкома Касилов, выступая 3 февраля на 2-й сессии ВЦИК XVI созыва, сказал немало теплых слов о казаках. Касилов, прежде всего, заверил собравшихся в том, что «донские колхозники, казаки и казачки беззаветно, со всей преданностью делу партии и рабочего класса борются за укрепление колхозного строя, за строительство бесклассового общества». А затем он подтвердил и в очередной раз обосновал основную идею статьи Шеболдаева «Казачество в колхозах» о коренных изменениях в сознании и настроениях казачества, произошедших под влиянием колхозной системы: «Достигнуто главное: выросли и растут замечательные люди – стахановцы сельского хозяйства из казаков и казачек – колхозников и рабочих совхозов. Бригадир тов. Макаренко из Скосырского района дал урожайность 32 центнера с га; комбайнер Путилин – казак из Глубокинского района – дал на комбайн больше 700 га; трактористка Неграмотнова, казачка из Бело-Калитвенского района – дала на трактор 600 га выработки».[1] Благожелательные суждения о казаках Касилова, который занимал высший пост в системе советских органов власти Северо-Донского округа, свидетельствовали о том, что в рамках округа подготовительная работа к кампании «за советское казачество» шла полным ходом и что местные руководящие работники активно реализовывали новую тактическую линию по отношению к казакам.

В других районах Дона, если судить по сообщениям прессы, подготовительная работа к кампании «за советское казачество» проходила гораздо слабее. Среди ярких исключений из правила

[1] Донские казаки беззаветно преданы своей родине, колхозному строю. Речь председателя Северо-Донского Окрисполкома Касилова на 2-й сессии ВЦИК XVI созыва (3 февраля 1936 г.) // Молот. 1936. 5 февраля.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

можно назвать коллективное послание казаков станицы Цымлянской наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову, опубликованное в «Молоте» 11 февраля 1936 г. В этом письме 25 казаков станицы Цымлянской от имени и «по поручению 300» их станичников заверяли руководство СССР в своей готовности защищать новую, счастливую колхозную жизнь и свою социалистическую родину: «И товарищ Ворошилов, наш герой, и товарищ Сталин, наш отец, вождь и учитель, пусть надеются на нас, казаков, как на самих себя».[1]

Это послание – одно из многих, которые направлялись в адрес Сталина и других лидеров СССР накануне и, особенно, в период кампании «за советское казачество». Однако немногие из этих посланий были написаны таким же сочным, живым языком, с таким неформальным, народным юмором, как письмо цымлянских казаков. В некоторой мере письмо цымлянцев напоминает знаменитое послание запорожцев турецкому султану; особенно показательно в этом отношении начало данного послания, где казаки обыгрывали имя одного из зарубежных деятелей, которое в вольном переводе на русский обозначало бы весьма неприятную субстанцию, образующуюся в процессе жизнедеятельности организмов: «Уважаемый наш Максим Максимович! Прослышали мы у себя, на Дону, про господ уругвайцев и про ихнего представителя Гуани, или как это называется по-нашему (sic! – *авт.*). И вся-то уругвайская держава – ракушка в море, а туда ж, пугать собрались. Видать, сурьезные вояки!».[2]

Любопытно, что в «Молоте», прямо над письмом цымлянцев Литвинову была помещена иллюстрация, изображавшая процесс создания данного послания. И даже неискушенный зритель, надо думать, легко отыщет сюжетные аналогии между этой иллюстра-

---

[1] Письмо донских казаков [станицы Цымлянской] народному комиссару по иностранным делам товарищу Литвинову // Молот. 1936. 11 февраля; То же // Казачество под большевистским знаменем. С. 69.

[2] Письмо донских казаков [станицы Цымлянской]… // Молот. 1936. 11 февраля; То же // Казачество под большевистским знаменем. С. 65.

цией и великим произведением И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Конечно, прямых аналогий здесь нет и быть не может: в отличие от запорожцев, цымлянцы находились в помещении, на стене которого, за их спинами, висел портрет «великого вождя» СССР – И.В. Сталина (как же без этого в тридцатые-то годы!). Но, так же, как и запорожцы, цымлянские казаки группировались вокруг «писаря», занятого нанесением их шуток на бумагу, и весь их внешний облик выражал такой же задор.[1] Вряд ли это было простое совпадение. Скорее, кто-то из сотрудников «Молота», готовивший данную публикацию, нашел определенное сходство между письмом запорожцев турецкому султану и посланием цымлянцев Литвинову и попытался передать это сходство, скомпоновав материал соответствующим образом.

Что касается Кубани и Терека, то здесь подготовительная работа к кампании «за советское казачество» проходила гораздо менее активно, чем на Дону. Складывается даже впечатление о почти полном отсутствии такой работы.

Правда, на совещании передовиков по поднятию урожайности, проходившем в Москве в декабре 1935 г., один из выступавших, – бригадир полеводческой бригады колхоза «Заветы Ленина» Кабардино-Балкарской АО Северо-Кавказского края, терский казак М.А. Яковенко, – отреагировал на слова других делегатов следующим образом: «здесь один товарищ сказал о том, что казаки теперь – советские казаки. Действительно, это правильно. Я – сословия казацкого… (тут К.Е. Ворошилов, сидевший в президиуме, одобрительно отозвался – «Правильно!», а делегаты ответили на это аплодисментами – *авт.*) и заявляю о том, что колхозные казаки никакого чорта не пустят в сердце нашей страны» (снова возглас Ворошилова «правильно» и последовавшая за этим овация присутствовавших).[2] Этот эпизод свидетельствует, что терские казаки (и, конечно, кубанцы) видели и чувствовали изменение так-

[1] См.: Молот. 1936. 11 февраля.

[2] Речь М.А. Яковенко на совещании передовиков по зерну 29 декабря 1935 г. // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 53.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

тической линии партийно-советского руководства по отношению к казачеству.

Однако этот эпизод не был спланирован Яковенко (или северо-кавказским руководством), а стал следствием случайности. Дело в том, что перед Яковенко на совещании выступал А.Е. Волошин – бригадир тракторной бригады Ленинградской МТС Азово-Черноморского края. Рассказав о своих (и подчиненной ему бригады) производственных достижениях, Волошин, по традиции, противопоставил «социалистический рай» «проклятому прошлому», поведав делегатам съезда семейную историю: «в нашей бывшей Уманской станице мой отец сшил себе казачий бешмет и пошел в нем на базар. Что же получилось? Его атаман арестовал, посадил на трое суток, оштрафовал на 50 рублей и сказал, что тебе бешмет не суждено носить».[1] В ответ на это Яковенко и заверил собравшихся, что «советские казаки» – не чета казакам прежним, дореволюционным.[2]

Можно утверждать, что руководство Северо-Кавказского края, где проживали терские казаки (как, впрочем, и кубанские партийные и советские работники), очень мало сделало для формирования общественного мнения в преддверии кампании «за советское казачество». В данном случае показательны материалы

---

[1] Речь А.Е. Волошина на совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководством партии и правительства // Правда. 1935. 29 декабря.

[2] Любопытно, что журналисты, описывавшие этот своеобразный диалог Волошина и Яковенко, ради большей эффектности исказили слова и того, и другого. Корреспонденты «Правды» утверждали, что Волошин рассказывал, как «его отец, иногородний, вздумал когда-то надеть казацкий бешмет. За это он был бит атаманом. Бешмет – мундир казака!» (Совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководством партии и правительства // Правда. 1935. 28 декабря). На самом же деле, как зафиксировано в стенограмме, Волошин ничего не говорил о том, что атаман избил его отца: речь шла только об аресте и штрафе. Очень вольно журналисты поступили и с ответным словом Яковенко: «но вот, вслед за Волошиным, на трибуну совещания вышел человек в сером бешмете. Покусывая русый ус, он сказал: [«]Тут Волошин вспоминал о бешмете. Я тоже сословия казацкого, – он помедлил и закончил – но только советской стороны[»]. И Сталин первый горячо зааплодировал колхозному казаку Яковенко, который, как он выразился, «на своем поле достал хороший урожай – 38 центнеров с га» (Там же).

анкетирования участников конного пробега вокруг Кавказского хребта, состоявшегося в декабре 1935 г. – феврале 1936 г.[1] Большинство участников пробега составляли колхозники Северо-Кавказского края из национальных районов, а также русских и казачьих сел и станиц. В анкетах четко прописана национальность конников-горцев: среди них были осетины, карачаевцы, аварцы, даргинцы, балкарцы. Остальные участники пробега были записаны как «русские» или (реже) «украинцы». Но сопоставление различных документов позволяет утверждать, что среди них находились и терские казаки как субэтническая группа русского народа. Так, в анкете участника пробега Г.И. Пышко, – табунщика колхоза «Ударник» Суворовского района, – в графе национальность написано «русский», но в личном деле указано, что он родился в 1901 г. в «семье крестьянина-казака».[2]

Пресса (в частности, издававшийся в Пятигорске официальный вестник Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «Северо-Кавказский большевик») упорно именовала участников пробега «джигитами», «колхозниками-конниками» или «спортсменами-конниками». Так они именовались даже в номере газеты за 14 февраля 1936 г.,[3] когда до старта кампании «за советское казачество» осталось четыре дня. Напротив, в начале марта 1936 г., когда те же кавалеристы и ряд новых конников отправились в скоростной пробег по маршруту Пятигорск – Ростов-на-Дону,[4] в

[1] Участники пробега стартовали из Пятигорска 11 декабря 1935 г., двинувшись к побережью Черного моря, в Сухуми. Оттуда группа направилась в юго-восточном направлении: в Тифлис, затем – в Баку. Из Баку конники двинулись к северо-западу, вдоль побережья Каспийского моря и, посетив Дербент, Махачкалу, Грозный, Орджоникидзе и Нальчик, 14 февраля 1936 г. вернулись в Пятигорск. Пробег был совершен, таким образом, за неполных пять недель.

[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 173, л. 13, 18, 25, 30, 37, 45, 54, 62, 70, 76, 81, 86, 91, 96, 102, 104, 110, 113, 122, 130, 133, 141, 148, 154, 162, 170, 178, 185, 191; д. 174, л. 3, 12, 21, 30, 38, 47, 57, 67, 77, 86, 96, 103, 110, 117, 124, 131, 138, 145, 154, 162, 167.

[3] См.: Рапорт о пробеге // Северо-Кавказский большевик. 1936. 14 февраля; Слава героям! // Там же; Магомаев М.Д. Мы ехали с песнями // Там же.

[4] Первоначально планировалось, что участники этого пробега совершат его примерно в период с 10 по 15 марта и финишируют в Миллерово, то есть в самом северном городе Азово-Черноморского края (В гости к донским казакам // Северо-Кавказский большевик. 1936. 3 марта). Однако, в связи с развертыванием кампании «за советское

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

прессе их (разумеется, за исключением конников-горцев) стали именовать терскими казаками. Так же их охарактеризовал и Евдокимов в своем выступлении на торжественном пленуме Ростовского горсовета 15 марта 1936 г.: «конная бригада терских казаков и колхозников-горцев».[1]

Метаморфозы с определением субэтнической принадлежности участников конного пробега вокруг Кавказского хребта лишний раз подчеркивают факт неудовлетворительной постановки подготовительной работы к проведению кампании «за советское казачество» на Юге России. Будь иначе, пробег был бы использован как доказательство достижений колхозного казачества и дружбы казаков и горцев Кавказа, основанной на идеалах социализма. Но в таком виде стал подаваться лишь пробег Пятигорск – Ростов-на-Дону, совершенный уже в рамках кампании «за советское казачество».

Добавим, что о некоей «внезапности» данной кампании также свидетельствует замалчивание потенциала казачества при организации кружков «ворошиловских кавалеристов», которые формировались в рамках мобилизационных мероприятий, характерных для общественной жизни 1930-х гг. Кружки «ворошиловских кавалеристов» представляли собой конно-спортивные добровольные организации, создававшихся на общественных основах в колхозах и совхозах с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА. Первые такие кружки на Юге России были созданы в декабре 1935 г., но о том, что казачья молодежь будет играть в них важную роль, власти единодушно заговорили лишь после начала кампании «за советское казачество» (хотя и до этого

казачество», планы были срочно пересмотрены. Согласно новым планам, выработанным совместно представителями северо-кавказского и азово-черноморского руководства, участникам пробега следовало прибыть в Ростов-на-Дону, чтобы представлять терское казачество на торжествах по случаю признания казаков полноправными членами «социалистического общества».

[1] Речь тов. Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терка и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С 15.

проскальзывали упоминания о роли казаков в данном мероприятии, но на них лежит печать случайности и неуверенности).[1]

Впрочем, из-за того, что в самой Москве не существовало, видимо, четких планов подготовительной работы к кампании «за советское казачество», досадные срывы в осуществлении этой работы случались даже в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края. Очередным свидетельством скомканности подготовительных мероприятий к кампании «за советское казачество» выступает история с посылкой северо-донских казаков-колхозников на съезд передовиков животноводства в Москве 13–16 февраля 1936 г. (который, собственно, стал первой мерой в осуществлении рассматриваемой нами кампании). Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, казаки-животноводы из Северо-Донского округа были отправлены на съезд прямо-таки в пожарном порядке, чтобы выполнить почему-то запоздалое распоряжение сверху.

Секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В.М. Лукин 28 марта 1936 г. писал первому секретарю крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву: «История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов и отправить мы могли из подготовленных 12 чел. лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, люди которые смогли не плохо выступить»[2] (последние слова Лукина звучат как вздох облегчения: ну, слава Богу, повезло, хоть и выбирали наугад, но случайно выбрали достойных людей!). Но, даже несмотря на такую вынужденную оперативность, делегация донских казаков все равно опаздывала на съезд, и поэтому была

[1] Характерный призыв содержался в майском номере журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» за 1936 г.: «поход молодого колхозного казачества за обучение верховой езде, поход за выращивание хороших колхозных коней, годных не только для обработки колхозной нивы, но и для обороны советских границ, должен быть всемерно поощряем и повсеместно распространен» (Социализм и колхозная молодежь // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 5. С. 16).

[2] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58 – 61.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

привезена в Москву на самолетах[1] (интересно, что на съезде никак не были выделены представители казачьих колхозов Кубани; возможно, это было очередное напоминание кубанцам о том, что именно они, по мнению властей, играли особо активную роль в «кулацком саботаже хлебозаготовок» в 1932 г.).

Нерасторопность руководства Азово-Черноморского края, запоздавшего с отправкой казаков-делегатов на съезд (правда, по вине представителей высших партийно-советских органов, в последний момент решивших направить на съезд делегацию донцов), может рассматриваться как очередное доказательство крайне слабой подготовительной работы к кампании «за советское казачество». И это при том, что именно секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Шеболдаев достаточно определенно высказывался за доброжелательное отношение к казакам-колхозникам.

Помимо слабости подготовительной работы нечетко выражена также личная инициатива при развертывании кампании «за советское казачество». Имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают ответа на вопрос, кто являлся инициатором данной кампании: Б.П. Шеболдаев, автор статьи «Казачество в колхозах», С.М. Буденный, весьма активно выступавший на съездах и митингах «советских казаков» в 1936 г., или сам И.В. Сталин? Какова роль в этой кампании М.А. Шолохова? Для ответа на возникшие вопросы необходимы дальнейшие архивные изыскания.

Шеболдаев, правда, утверждал в середине марта 1936 г., что кампания «за советское казачество» началась по личному распоряжению Сталина: «я должен сказать, что все это дело есть инициатива нашего великого Сталина… Всегда и везде именно Великий Сталин первый видит изменения, которые происходят в народных массах, дальше всех вперед видит их путь. Поэтому твердой рукой ведет он нас вперед. Поэтому весь наш народ, трудящиеся всего мира бесстрашно идут за ним. Именно т. Сталин

[1] Речь Ф.М. Скылкова на съезде передовиков животноводства // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 55; Речь Ф.Т. Токмачева на съезде передовиков животноводства // Там же. С. 62 – 63.

поставил вопрос о том, чтобы вызвать в Москву наших донцов на совещание животноводов, для того, чтобы лучших казаков наградить орденами и этим самым показать, как надо относиться к казачеству, чтобы оказать этим внимание всему казачеству».[1]

Вполне вероятно (и, даже, скорее всего), что именно Сталин, действительно, распорядился вызвать на съезд передовиков животноводства казаков-колхозников из Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. В качестве обоснования данного предположения служит уже хотя бы способ транспортировки казаков: далеко не каждый гражданин Советского Союза мог просто так, ни с того ни с сего, удостоиться удовольствия лететь в Москву на самолете. Ясно, что распоряжение доставить донцов на съезд на самом быстром виде транспорта было принято именно в Москве и, видимо, Сталиным (опять-таки, не повлиял ли на «вождя» М.А. Шолохов, ратовавший за донских казаков?). Однако неясно, сам ли Сталин, или кто-то другой, стоял у истоков кампании «за советское казачество». В частности, пока невозможно ответить на вопрос, по чьему указанию тот же Шеболдаев написал статью о том, что в условиях колхозной системы казачество стало «советским» (если это была его личная инициатива, то она все равно не могла быть реализована без разрешения вышестоящих партийных лидеров, – ведь вопрос был слишком серьезным, и пускать дело на самотек никто бы не стал). А ведь статья Шеболдаева – знаковое событие в системе подготовительных мероприятий к кампании «за советское казачество».

Со всей очевидностью можно лишь утверждать, что никакая инициатива не могла получить продолжения без одобрения Сталина. Такое одобрение было им дано; Сталин фактически благословил кампанию «за советское казачество», благосклонно выслушав на съезде передовиков животноводства выступления казаков-колхозников и пожав им руку.[2] Вернувшись домой, они

[1] Выступление Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. 23 марта.

[2] Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. С. 34.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

убежденно и восторженно рассказывали станичникам, что «правительство очень хорошо относится к казакам. Сам Сталин им [на съезде животноводов] в ладоши хлопал и смеялся».[1]

Очевидно, дав благословение на развертывание кампании «за советское казачество», Сталин руководствовался большевистским принципом «нравственно все, что полезно делу освобождения пролетариата». Если что-либо из наследия досоветской России обещало быть полезным в деле «строительства социалистического общества» (точнее, в деле укрепления сталинского режима), «вождь» был готов это использовать. Об этом Сталин с исчерпывающей полнотой высказался на встрече «пролетарских писателей» у М.А. Горького 28 октября 1932 г.: «Вот некоторые выступали против старого… Почему? Почему все старое плохо? … Ильич всегда говорил, что мы берем старое и строим из него новое. Очищаем старое и берем для нового, используем его для себя. Будьте смелее и не спешите все сразу уничтожать».[2] Казачьи же традиции и черты менталитета, если следовать содержанию редакционной статьи в «Правде», могли оказаться очень полезными в деле укрепления обороноспособности СССР.

Показательно, однако, что Сталин, при всем одобрении кампании «за советское казачество», явно сохранял определенную дистанцию при ее осуществлении. Он не спешил публично выступать с какими-либо речами или, более того, программными заявлениями, не спешил во всеуслышание заявлять о своем доброжелательном отношении к казачеству. По сути, в 1936 г. Сталин поступил точно так же, как в 1925 г.

Тогда, в августе 1925 г., казаки станицы Горячеводской во время празднования её столетия, избрали генсека РКП(б) своим почетным станичником. Получив от секретаря Терского окружкома РКП(б) Котляра свидетельство о присвоении ему звания «почетного казака», Сталин (находившийся в это время в Сочи)

[1] Речь орденоносца-казака И.Д. Писковатского на банкете казаков станицы Галюгаевской по приезде его из Москвы // Северо-Кавказский большевик. 1936. 9 марта.

[2] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 720, л. 143 – 144.

отправил в Горячеводскую следующий ответ: «Казачеству Горячеводской станицы Терского округа. Примите братскую благодарность за оказанное вами доверие. Клянусь служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны».[1] Не зная всех обстоятельств дела, из этих трафаретных фраз невозможно понять, за что Сталин благодарил казаков. Скорее всего, его, «старого большевика», привыкшего относиться к казакам с предубеждением, как к «сатрапам» и «нагаечникам», подобное «доверие» радовать не могло: отсюда и сухой тон ответного послания генсека горячеводским казакам, его новоявленным станичникам.

Вдобавок Сталин мог знать о том, что практика присвоения тем или иным представителям власти статуса «почетных казаков», «почетных станичников», бытовала и до революции, только в те времена таковыми становились члены царствующей фамилии. В частности, великий князь Борис Владимирович, походный атаман всех казачьих войск России, во время Первой мировой войны являлся «почетным гражданином» станицы Каменской Области Войска Донского. Видимо, именно поэтому Борис Владимирович обращался к казачьим полкам с возгласом «здорово, станичники!», в то время как Николай II в приветствии выделял войсковую принадлежность («здорово, Донцы!», «здорово, Терцы!» и т. д.), а великий князь Михаил Александрович просто говорил «здорово, казаки!».[2] Если Сталин знал о подобных фактах, то инициатива горячеводских казаков в его глазах выглядела бы прямо-таки оскорбительной: ведь его уравнивали с представителями самодержавия, против которых он в свое время боролся.

На наш взгляд, в значительной мере под воздействием партийно-идеологических стереотипов Сталин сохранял известную сдержанность в отношении казаков, пусть и «советских», и в ходе

[1] Исторический документ // Северо-Кавказский большевик.

[2] Казачий словарь-справочник. Т. III / Сост. Г.В. Губарев, редактор-издатель А.И. Скрылов. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1970. – Репринт. воспроизведение. М., 1992. С. 122.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

кампании «за советское казачество». Этим данная кампания заметно отличается от многих других мероприятий в отношении колхозной деревни, в ходе которых Сталин не боялся брать на себя инициативу и ответственность за принятие решений, непопулярных среди значительной части большевиков (достаточно вспомнить его решительное выступление в защиту личных подсобных хозяйств на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г.[1] или нежелание прислушаться к рекомендациям о ликвидации последних единоличных хозяйств, поступавшим во время обсуждения Конституции 1936 г.). Если в ходе многих других кампаний и политических акций ведущая роль Сталина несомненна, то в таком скользком вопросе, как пересмотр отношения к казачеству, его политическая интуиция, вероятно, подсказывала ему не проявлять особой активности; во всяком случае, в нашем распоряжении нет документов, свидетельствующих об обратном.

Итак, кампания «за советское казачество» началась как-то внезапно, причем, судя по имеющимся материалам, не только для самих казаков, но и для массы партийно-советских чиновников на Юге России. Тем не менее, подчиняясь велениям центра, органы

---

[1] Выступая на заседании комиссии на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г., Сталин заявил присутствующим: «я должен сказать, что вы нисколько не учитываете личных интересов колхозников, когда вы говорите, чтобы одну десятую часть гектара приусадебной земли дать колхознику. Некоторые думают, что корову нельзя давать, другие думают, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это дело не выйдет. Когда зажимают, отдачу дают. Надо по мере развития сознания колхозников, по мере перевоспитания их и по мере накопления продуктов в артели повышать уровень [жизни] людей. А если у вас в артели продуктов мало и вы не можете дать отдельным колхозникам, их дворам, все что им нужно, вы не можете взять на себя, чтобы и обобществленное удовлетворить, и личное. Тогда лучше некоторую дележку устроить: вот такая-то область работы – это общественное, а такая-то – личное» (Выступление И.В. Сталина на заседании комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для рассмотрения проекта Примерного устава с/х артели. 16 февраля 1935 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 397.). Разумеется, Сталин придерживался такой позиции вовсе не из-за большой любви к колхозному крестьянству, а исключительно из практических соображений. Ведь при наличии у колхозника ЛПХ власть могла обирать колхозы до нитки, зная, что колхозники смогут обеспечить себя минимумом продовольствия и материальных средств за счет собственных подсобных хозяйств.

власти Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев стали демонстрировать лихорадочную активность при реализации данной кампании.

В первых рядах шел Северо-Донской окружком ВКП(б), который, так сказать, выступал «застрельщиком» в деле развертывания кампании «за советское казачество». В уже цитированном нами письме секретаря окружкома Лукина Шеболдаеву перечислялся целый ряд проведенных мероприятий: «день годовщины Красной Армии – 23 февраля мы целиком использовали на разворот массовой политической работы среди казачества. Для этой цели я выезжал в Вешенский район и проводил большие районные собрания в Вешках, Казанке, Базках, где в среднем, на каждом собрании, присутствовало от 700 до 900 человек, при чем кроме этого, от 150 до 200 всадников[-]колхозников, главным образом, Ворошиловских кавалеристов. Собрания прошли с исключительным подъемом, выступали в прениях много казаков, среди них были очень интересные выступления, особенно служивших в белой армии, а в последующем перешедших к Буденному, которые не только каялись в своих грехах, но и фактами разоблачали себя и других в период борьбы с Советской властью… Праздник прошел в торжествах, играх, плясках, пениях, включительно до пожилых казаков».[1]

Кроме того, докладывал Лукин, вешенские казаки направили письмо Сталину,[2] и готовится письмо от казачества всего округа, в составлении которого «изъявил согласие принять участие» сам М.А. Шолохов. На 5 марта было намечено отправление делегации в количестве 60 казаков-колхозников («персонально отобранных»,

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58 – 59.

[2] Письмо вешенских казаков И.В. Сталину было опубликовано в «Правде» 24 февраля 1936 г., а в краевой газете Азово-Черноморского края «Молот» – 26 февраля того же года. По содержанию письмо вполне стандартно и почти ничем не выделяется среди аналогичных посланий, которые в данный период направлялись в адрес советских лидеров казаками из других районов Дона, а также кубанцами и терцами. Вешенские казаки-колхозники благодарили Сталина за «личную заботу и помощь колхозам Северодонского округа» и обещали храбро биться за советскую родину с любыми врагами. (Казаки-колхозники Вешенского района – тов. Сталину // Молот. 1936. 26 февраля).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

«среди них 11 чел. казачек») в Москву, на просмотр оперы «Тихий Дон».[1] При этом Лукин просил Шеболдаева: «было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников Крайкома ВКП(б), или, в крайнем случае, Крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют ввиду по-настоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и «бюджет» не выдержит».[2]

Бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 26 февраля 1936 г. в специальном постановлении обязало райкомы ВКП(б) ознакомить местное население с передовицей «Правды» и статьей Шеболдаева, провести беседы о роли казачества в «строительстве социализма», и т. д. При этом местным чиновникам напоминалось, что необходимо заботиться о решении вполне практических вопросов: крайком требовал от них не просто заниматься популяризацией основных положений нового подхода к казакам, но «всю массово-разъяснительную работу по этому вопросу связать с задачами подготовки и проведения весеннего сева, с борьбой за удвоение урожайности, за подъем животноводства, с мероприятиями по укреплению обороны страны, развитию организации ворошиловских кавалеристов и пр.».[3]

В конце февраля – начале марта 1936 г. Азово-Черноморский крайком приступил к подготовке торжественных мероприятий в ознаменование начала кампании «за советское казачество», которые должны были пройти в Ростове-на-Дону с участием донских, кубанских и терских казаков. В течение первой пятидневки марта план был разработан представителями краевого руководства Щи-

[1] Как отмечает Б.В. Соколов, опера «Тихий Дон» И.И. Дзержинского, созданная на основе одноименного литературного произведения М.А. Шолохова, представляла собой обычное для того времени примитивно-агитационное творение «на актуальную тему Гражданской войны, в ней особенно выделен мотив победы красных над белыми, от шолоховского оригинала ее создатели в этом смысле отошли достаточно далеко» (Соколов Б.В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд… Культура под сенью великого кормчего. М., 2004. С. 172 – 173).

[2] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 59, 60.

[3] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 251, л. 44об.

ровым и К.М. Ерофицким, которые, представив его на суд бюро, дополнительно предлагали: «хорошо было бы участие [в торжествах] воинских частей, по крайней мере показать казакам танки, авиацию и Новочеркасские Кавалерийские курсы комсостава» (однако это предложение не нашло поддержки ни у командовавшего войсками СКВО Н.Д. Каширина, ни у членов крайкома).[1]

В отредактированном бюро Азово-Черноморского крайкома виде «план подготовки и проведения встречи Донских, Кубанских и Терских казаков в гор.[оде] Ростове» выглядел следующим образом. В Ростов должно было прибыть три сотни казаков, по сотне донцов, кубанцев и терцев. Донские казаки, отобранные для донской сотни, должны были собраться либо в Миллерово (если они жили в северных районах Дона), либо в Каменске (остальные районы Дона). Кубанцы собирались со всех районов в станице Ленинградской (тот факт, что кубанские казаки собирались на торжественные мероприятия по случаю чествования «советского казачества» в станице, «расказаченной» в 1932 г., выглядит как насмешка; хотя, возможно, власти стремились придать этому факту назидательный характер, противопоставляя «проклятое контрреволюционное прошлое» и счастливое настоящее казачества Кубани). Терцы собирались в Пятигорске, откуда, как мы уже указывали, они и двинулись в Ростов, что придавало бы комплексность задуманному мероприятию.

Все три сотни должны были прибыть в столицу Азово-Черноморского края 13 марта (донцы и кубанцы) и 14 марта (терцы) 1936 г. Вечером 14 марта предполагалось устроить торжественную встречу прибывших казачьих сотен. 15 марта в 11 часов утра на Ростовском ипподроме намечалось проведение конно-спортивных состязаний, а в 16 часов – парада с участием казаков, рабочих, осоавиахимовцев, комсомольцев, причем предусматривалось, что «в случае хорошей погоды участвует в параде Ростовский Аэроклуб». На следующий день казаки должны были разъе-

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 255, л. 104.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

хаться по домам[1] (на самом деле лишь утром 19 марта донцы и кубанцы покинули Ростов, предварительно неплохо отоварившись на сумму 4,5 тыс. рублей, преимущественно «мануфактурой», то есть тканями[2]). Утверждая план «по проведению межкраевой встречи донских, кубанских и терских казаков», бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) дополнительно распорядилось: «Горсовету украсить город флагами и плакатами. Провести 14-го марта торжественное заседание пленума, совместно с краевыми партийными, советскими, профессиональными, комсомольскими организациями и рабочими-стахановцами, посвященное встрече донского казачества».[3]

Как видим, крайком задумал грандиозные торжества, с привлечением широких слоев и групп населения. Все это, несомненно, должно было не только подчеркнуть тот факт, что казаки превратились в полноправных членов советского общества, но и то, что население (в частности, ростовские рабочие) полностью одобряет проведение кампании «за советское казачество». План был реализован в намеченные сроки, с незначительными отклонениями: в середине марта 1936 г., как и намечалось, в Ростове-на-Дону были проведены пышные торжества с участием донских, кубанских и терских казаков.

После ростовских торжеств донские и кубанские казаки были приглашены с ответным визитом в Северо-Кавказский край. Этот визит также был соответствующим образом подготовлен и отправляющей, и принимающей сторонами. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком 23 марта 1936 г. приняли специальное постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани», согласно которому в крае на 6 мая намечалось проведение торжеств, не менее пышных, чем неделю назад в Ростове-на-Дону. При этом, вполне в духе времени, Северо-Кавказское краевое руководство

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 255, л. 105 – 106.
[2] По Азово-Черноморью // Молот. 1936. 20 марта.
[3] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 254, л. 28.

не забывало не только о пропагандистской, но и о практической стороне праздника: «подготовку к этому празднику провести под знаком широкого развития стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности края, широкого развития социалистического соревнования между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами края за лучшее выполнение и перевыполнение производственных программ, учитывая, что на праздник будут приглашены лишь лучшие представители победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов». Кроме того, в постановлении содержались и вполне ожидаемые строки: «особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае».[1]

Праздник, как отмечалось, был намечен на 6 мая, но уже 2 мая 1936 г. донцы и кубанцы должны были участвовать в конно-спортивных состязаниях с терцами в «День джигита». Не желая ударить в грязь лицом, бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 22 марта 1936 г. приняло решение «Об участии конников Азово-Черноморского края в конно-спортивных состязаниях на Северном Кавказе». Было решено командировать на Северный Кавказ 40 казаков, но только после подготовительной работы и отбора. Кубанские и донские казаки в количестве 83 человек[2] должны были к 31 марта явиться «на сборные пункты со своими лошадьми, в полном обмундировании и снаряжении» (в зависимости от места жительства казаки собирались либо в Новочер-

[1] Постановление Северо-Кавказского крайисполкома и крайкома ВКП(б) «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани» от 23 марта 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 24 марта.

[2] Согласно разнарядке крайкома, Северо-Донской округ к отборочным мероприятиям должен был выставить 25 человек, Багаевский, Дубовской, Константиновский, Мартыновский, Новочеркасский, Раздорский, Романовский, Семикаракорский, Цымлянский, Шахтинский районы – по 1 человеку, Калмыцкий, Ремонтненский, Сальский районы – по 2 человека, Заветинский, Зимовниковский, Целинский районы – по 3 человека, Орловский и Пролетарский районы – по 4 человека. Кубанские районы должны были сформировать отряд кандидатов численностью в 20 человек, и еще 5 всадников ожидалось от Адыгеи. Итого – 83 человека (ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 260, л. 42).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

касске, либо в станицах Пролетарской и Ленинградской). На сборных пунктах им предстояло пройти тренировки, в ходе которых для поездки на Северный Кавказ должны были быть отобраны лучшие из лучших. 18 апреля, после двух недель тренировок, намечалась отправка наиболее достойных кандидатов (в количестве, как отмечалось, 40 человек) в Северо-Кавказский край.[1]

В рамках кампании «за советское казачество» готовились и проводились и другие мероприятия. Органы власти на Юге России немало сделали для популяризации в массах идей и положений кампании «за советское казачество». Впрочем, характерная для советской бюрократической системы кампанейщина оказывала свое негативное влияние и на проказачьи мероприятия. Так, на совещании секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Северо-Кавказского края в августе 1936 г. Е.Г. Евдокимов осуждающе говорил, что «до сих пор мы не можем ответа дать, как у нас работа идет с казачьей молодежью. Что мы реального сделали из решения ЦК партии».[2]

Далее, историографический анализ позволяет констатировать, что одним из наименее освещенных является вопрос о характере кампании «за советское казачество». В данном случае источники предоставляют возможность высказать ряд принципиальных соображений.

Во-первых, кампания «за советское казачество» не означала возрождения казачества как особой социальной группы в составе советского общества. Советская власть не желала (да и не могла) воссоздавать казачество как сословие, ибо это противоречило бы ее же собственной политике, с успехом осуществленной в 1920-х – начале 1930-х гг., когда казаки лишились своего сословного статуса. Прежнее автономное положение казачьих областей, «титульное» население которых имело целый ряд льгот и привилегий, в советское время уже являлось анахронизмом и было неприемлемо.

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 260, л. 34об, 42.
[2] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 121, л. 125.

Показательно в этой связи, что в ходе кампании «за советское казачество» среди знаменитых казачьих атаманов всегда назывались Степан Разин и Емельян Пугачев, но крайне редко – Кондратий Булавин.[1] Это вовсе не случайность, так как, в отличие от разинщины и пугачевщины, в восстании Булавина было гораздо более четко выражено стремление казаков к восстановлению независимости (или хотя бы автономии) Дона от Российского государства. «Забывая» Булавина, представители партийно-советского руководства тем самым давали понять «советским казакам» (особенно донцам, кубанцам и терцам), что им не следует даже помышлять о придании казачьим регионам статуса автономий.

А такие помыслы у многих казаков все еще оставались, чему в немалой мере способствовало то обстоятельство, что в казачьих общностях было широко распространено понимание себя не просто как сословия, но именно нации, народа. Понимая себя именно так, многие казаки надеялись, что им будут предоставлены равные права с другими национальностями, в том числе и право на самоопределение, на автономию.

---

[1] Еще в статье Шеболдаева «Казачество в колхозах» среди знаменитых казачьих бунтарей были упомянуты только Разин и Пугачев (Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 7). 17 февраля 1936 г. в краевой газете Азово-Черноморского края «Молот» была опубликована статья А. Распопина «Колхозный казак», где в качестве «героев крестьянской революции» также назывались лишь Разин и Пугачев (Распопин Ал. Колхозный казак // Молот. 1936. 17 февраля). И Шеболдаев, и Распопин верно отразили официальную позицию, так как в передовице «Правды» «Советские казаки» от 18 февраля 1936 г., упоминались лишь Степан Разин и Емельян Пугачев, но не Кондратий Булавин. Этот намек был хорошо понят сотрудниками прессы и представителями власти, которые чаще всего умалчивали о мятежном атамане Бахмутского городка. В частности, в речах, звучавших во время мартовских торжеств в Ростове-на-Дону, имя Булавина упоминалось лишь изредка, да и то мельком. С.М. Буденный, выступая на торжественном пленуме Ростовского горсовета, посвященном межкраевой встрече донских, кубанских и терских казаков, сказал: «Всем вам известны славные имена вожаков беднейшего крестьянства и вольного казачества, Степана Разина и Емельяна Пугачева»; о Булавине маршал даже не заикнулся. Преимущественно о Разине и Пугачеве говорил на том же пленуме первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов. Он упомянул о них два раза, а о Булавине – один раз, мимоходом, даже не называя имени, причем в таком контексте, когда о нем невозможно было не сказать: «Степан Разин, Емельян Пугачев, Булавин – все они сложили свои головы за казачьи вольности» (Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 6, 17, 32).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Так, в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному письмо, в котором благодарили «вождей» за проказачьи постановления и обещали верно служить советской власти: «шлем пламенный привет и Великую любовную благодарность [за] постановления [о] Красной казацкой военной службе. Мы обещаемся и будем при всяких попытках буржуазии защищать наш Советской Союз стойко и крепко и ни одной минуты не бросим в неотпоре». Казалось бы, обычное верноподданническое послание, написанное, правда, весьма безграмотно, но зато вполне искренне. Однако, после всех благодарностей и заверений в верности, казаки написали нечто крамольное: «просим организовать между нами Красно-Казацкую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах». При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усех казаков – донских, кубанских и [*]вских, (очевидно, терских – *авт.*)».[1] Учитывая подобные настроения в массе казачества, упорное игнорирование Булавина в многочисленных речах и выступлениях партийно-советских деятелей в ходе кампании «за советское казачество» вовсе не выглядело перестраховкой.

О том, что кампания «за советское казачество» не означала восстановления казачества как особой социальной группы, свидетельствовали и предпринимаемые властями попытки объявить казаками все население Дона, Кубани, Терека и Ставрополья. Е.Г. Евдокимов на торжественном пленуме ростовского горсовета в марте 1936 г. заявил прямо: «Я не сомневаюсь в том, что колхозные казаки с радостью будут приветствовать, если тот, кто раньше считался иногородником, наденет казачью форму. Что такое иного-

[1] Письмо донских казаков И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному // Письма во власть. 1928 – 1939. С. 299.

родний? Вдумайтесь в это слово – «из иного города», пришелец. Кто теперь в наших условиях, при советской власти, при колхозном строе, сожжет быть пришельцем, а не хозяином? Это слово «иногородний» нужно выбросить из употребления. Азово-Черноморье и Северный Кавказ – край огромных кавалерийских резервов. Люди, живущие здесь[,] и казаки и бывш.[ие] иногородние, должны быть прекрасными кавалеристами».[1]

В конце марта 1936 г. С.М. Буденный в докладной записке И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову предлагал «казаками считать поголовно все население Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев, в том числе и бывшее Ставрополье, за исключением, разумеется, горских народностей… в связи с тягой, в особенности среди молодежи, к ношению форменной казачьей одежды, предоставить право ношения ее всему населению указанных краев, имея ввиду, что и иногородние, в особенности молодежь, будут с удовольствием носить казачью одежду».[2] Здесь уже можно говорить об «оказачивании» населения Юга России с целью не допустить реанимации сословной замкнутости казачества и одновременно распространить на всех жителей региона казачьи навыки и традиции, полезные для укрепления и развития колхозного строя и советского государства.

Причем идеи «оказачивания» в определенной степени были воплощены. По крайней мере, некоторые бывшие «иногородние» действительно надели казачью форму. Так, на 18 июня 1936 г. в Ростове-на-Дону были намечены краевые конно-спортивные состязания, и уже в мае к городу стали подтягиваться отряды участников-казаков из разных районов Азово-Черноморского края. Во второй половине мая отряд северо-донских казаков прибыл в Новочеркасск, причем среди них были и вчерашние «иногород-

[1] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 28.

[2] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову о настроениях советского казачества и необходимости восстановления его традиций. 27 марта 1936 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 728 – 729.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ние», некоторые – даже из числа немецких колонистов. Как сообщали журналисты, «в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Копф, колхозники немецких артелей «Сталинфельд» (Волошинский район) и «Ленинфельд» (Мальчевский район)».[1]

Правда, и сами казаки, и представители власти иной раз по привычке употребляли термин «сословие». Так, уже упоминавшийся нами терский казак М.А. Яковенко, выступая в декабре 1935 г. на совещании передовиков по поднятию урожайности, заявил: «я – сословия казацкого».[2] Сотрудники НКВД Орджоникидзевского края, составляя в 1940 г. политико-экономические характеристики районов края, употребляли термин «сословие» (так, указывалось, что население Наурского района «состоит преимущественно из сословия Терского казачества», а Ново-Александровский район – «район сословия казачий»[3]). Но это была именно привычка, речевая инерция, а не подчеркивание особого социального статуса «советских казаков».

Во-вторых, кампания «за советское казачество», по большому счету, не являлась резкой сменой политики правительства СССР по отношению к казакам. В противовес натянутым и политизированным заявлениям о якобы проводившемся в период коллективизации «тщательно скрываемом», «латентном» расказачивании[4] (неком «антиказачьем заговоре»), источники убедительно свидетельствуют, что большевики строили политику по отношению к казакам по социально-классовому принципу, ничуть не скрывая данного факта (при всем том, что множество партийно-советских чиновников с огромным недоверием и подозрением относились к боль-

---

[1] Вышеград. Северодонцы вышли в Новочеркасск // Молот. 1936. 20 мая.

[2] Речь М.А. Яковенко на совещании передовиков по зерну 29 декабря 1935 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 53.

[3] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 754, л. 152, 166..

[4] См. в этой связи: Кислицын С.А. О заключительном этапе «расказачивания» в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Возрождение казачества (История, современность, перспективы). С. 79 – 80; Донская история в вопросах и ответах. С. 262; Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 318.

шинству казаков, видя в них приспешников царизма и контрреволюционеров).

С точки зрения большевиков (разумеется, тех, кто придерживался «классового подхода, а не огульно-враждебного отношения к казакам), зажиточная верхушка казачьих сообществ подлежала ликвидации, а масса «трудового казачества» привлекалась к союзу с большевистским режимом и должна была пополнить ряд колхозного крестьянства. По официальным заверениям, кампания «за советское казачество» стала возможной как раз потому, что «классовая борьба» в его среде в основном закончилась, оно стало однородным и поддерживало колхозы. Как говорилось в статье «Советские казаки», «офицерско-кулацкая верхушка, со звериной ненавистью боровшаяся против советской власти, против колхозов, пускавшая в ход все средства борьбы, какие только могла изобрести изощренная в ремесле душителей революции кровавая свора опричников царизма, – разгромлена и потеряла влияние. Казачество заняло свое место в рядах революционного народа, строящего социалистическую жизнь».[1]

Сталинским режимом приветствовалось именно «советское казачество», а досоветский период казачьей истории подлежал, чаще всего, очернению или забвению. Не случайно Б.П. Шеболдаев в статье «Казачество в колхозах» утверждал: «на перепаханной революцией земле [Дона и Кубани] выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли и надежды – в будущем».[2] Не случайно писатель Н.А. Островский в состоявшейся 26 марта 1936 г. телефонной беседе с корреспондентом Азово-Черноморского отделения ТАСС передавал привет именно «молодому, советскому казачеству».[3]

---

[1] Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. С. 31.

[2] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11.С. 7.

[3] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 335в, л. 39об. Дословно приветствие одного из самых известных советских писателей звучало следующим образом. Островский сначала передал приветствие «комсомольцам, молодым казакам Дона и Кубани, в связи с предстоящим открытием первой краевой конференции комсомола Азово-Черноморья», а затем добавил, что «он внимательно следит за развертыванием движения молодого, со-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Показательна также реакция Ростовского обкома ВКП(б) в сентябре 1937 г. на одну из радиопередач областного радиокомитета, в которой Григорий Мелехов сравнивался с молодыми «советскими казаками». Как отмечалось на бюро обкома, «в передаче, посвященной советскому казачеству, говорится: «Вспомните, например, молодость Григория Мелехова – герой «Тихого Дона» – Шолохова. И дальше: «Григорий Мелехов наших дней рука об руку с товарищами работает в колхозе, участвует в управлении колхозом, обсуждает государственные дела, ездит в Москву к Сталину. Он частица великого социалистического государства, он творец новой счастливой жизни». Члены бюро обкома с осуждением заключали: «такое сопоставление образа Григория Мелехова – махрового контрреволюционера с образом советского казака – это ничто иное, как гнусная клевета на советское казачество».[1] Если следовать этой логике, то о казачьей самости, олицетворяемой в образе Григория Мелехова, в период кампании «за советское казачество» необходимо было забыть, а молодых «советских казаков» следовало сравнивать исключительно с Мишкой Кошевым.[2]

ветского казачества и просил передать всем комсомольцам Азово-Черноморского края, и особенно молодым казакам Дона и Кубани, горячий привет, пожелание успешной работы» (Там же, л. 39об).

[1] ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 9, л. 176.

[2] Впрочем, в негативной оценке представителями областного руководства указанного сюжета из радиопередачи была известная доля предвзятости. Дело в том, что текст этой радиопередачи был напечатан в «Правде» еще 24 апреля 1936 г., а 27 апреля того же года помещен и в «Молоте», причем в качестве передовой статьи. Содержался здесь и злополучный сюжет, полностью звучавший так: «Новой яркой жизнью живет советское казачество и казачья молодежь. Как не похожа эта жизнь на то, что было раньше. Вспомните, например, молодость Григория Мелехова, героя «Тихого Дона» Шолохова. Жизнь молодого казака устремлялась по одному, заранее определенному руслу: он начинал свою жизнь так, как начинали ее его отцы, деды и прадеды. Никаких перспектив, никаких возможностей, ничего того, что могло скрасить жизнь и сделать ее интересной и полнокровной. Григорий Мелехов наших дней рука об руку с товарищами работает в колхозе, ездит на тракторе, автомобиле, управляет комбайном, прыгает с парашютом, участвует в управлении колхозом, обсуждает государственные дела, ездит в Москву к Сталину, он – частица великого социалистического государства, он – творец новой счастливой жизни» (Колхозное казачество // Молот. 1936. 27 апреля). Тогда эти слова ни у кого не вызвали осуждения. Но в 1937 г. (год Большого террора!) руководители радиокомитета подверглись репрессиям, и сюжет о Григории Мелехове был использован областным руководством и сотрудниками НКВД как одно из доказательств «вражеской»

Кроме того, даже во второй половине 1930-х гг. классовый подход по отношению к уже, казалось бы, «советскому казачеству» не был отклонен властью. Хотя казаки стали расцениваться как полноправные члены советского общества, все донцы, кубанцы или терцы, критиковавшие сталинский режим или считавшиеся его противниками, подвергались репрессиям.

В частности, как мы уже отмечали в предыдущем очерке, в 1938 г. в Краснодарском и Орджоникидзевском краях была ликвидирована «разветвленная к[онтр]/р[еволюционная] организация, действовавшая на указанной территории якобы с 1922 г. и планировавшая «насильственное свержение вооруженным путем Соввласти». По делу был осужден 41 человек (многих приговорили к высшей мере наказания, другие получили длительные сроки заключения). Все эти люди были казаками, в том числе Д.А. Филимонов (казачий сотник, член Кубанской Рады), В.К. Серков (также член Кубанской Рады), С.Л. Згонников (писарь атаманского отдела), и т. д.[1] Причем, что характерно, возврат подавляющего большинства осужденных превышал 40 лет: то есть эти люди, в отличие от молодых казаков, могли сравнить советское настоящее с дореволюционным прошлым, и часто эти сравнения были не в пользу советской системы.

Разумеется, упрямые и последовательные ненавистники казачества как такового, представленные руководителями местного звена, никуда не делись на Юге России и к 1936 г. Они пытались протестовать против кампании «за советское казачество», ибо, с их точки зрения, она была совершенно нелогична и препятствовала уже наметившемуся растворению казаков в колхозной массе. Немало иногородних сомневались в правильности правительственных постановлений: «плохая надежда на то, чтобы на казачество опереться во время войны. Сколько волка не корми, а он

сущности этих людей. Все же, несмотря на эту историю, четкое разделение казачьей жизни на «проклятое прошлое» и «светлое (советское) настоящее» было более чем характерно для политики большевиков.

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 512, л. 66 – 72.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

все равно в лес смотрит, это такой народ, который не забудет той обиды, которую нанесла ему Советская власть. Они за нее (Советскую власть) не воевали и воевать не будут. Им только дай орудие, так они сразу повернут против Советской власти».[1]

На ростовских торжествах в середине марта 1936 г. о наличии негативных оценок кампании «за советское казачество» говорил и Шеболдаев: «есть такие товарищи, которые и сейчас не понимают, почему мы ставим вопрос о казачестве. Говорят, что этим можно даже оживить старую рознь среди казачества и остального населения».[2] Да и Е.Г. Евдокимов, одновременно с Шеболдаевым, во время выступления на пленуме Ростовского горсовета не мог пройти мимо подобных настроений и объяснил официальную позицию: «Иногда задают вопрос: – что это, вы снова казачество выставляете? Мой ответ на этот вопрос следующий: …мы начинаем жить по-новому, и это новое советскими казаками завоевано. В этом – величайшая наша победа и радость. Речь идет о том, что советское казачество своей самоотверженной работой по укреплению колхозов завоевало почет и мы ему его отдаем».[3]

Советская пресса, вразумляя недоброжелателей казачества, опять-таки апеллировала к классовому подходу: «Есть отдельные товарищи, которые, глубоко ошибаясь, считают, что сейчас под лозунгом «советского казачества» начинает проводиться какая-то новая линия в отношении казачества. Конечно, это нелепость. ЛИНИЯ ПАРТИИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА БЫЛА ОДНА НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА. Это линия – на разгром кулацко-офицерской верхушки и завоевывания на сторону рабочего

---

[1] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову… // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 727.

[2] Выступление Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. 23 марта.

[3] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 23.

класса трудовых масс казачества».[1] Повторимся, что по большому счету это были справедливые слова.

Правда, при этом журналисты и партийно-советские деятели, чьи статьи публиковались в прессе, тактично обходили вниманием тот очевидный факт, что в период «колхозного строительства» «раскулачиванию» и репрессиям подвергались далеко не только зажиточные или «классово-чуждые» казаки, но широкие слои казачества. Местные власти, которые были повинны в огульно-массовых репрессиях против казаков в период коллективизации, не осуждались, как будто они ничего плохого и не совершали (тем более не осуждалась комиссия Кагановича, настоявшая на депортации жителей «чернодосочных» станиц; впрочем, ведь депортированные казаки были объявлены высшим партийным руководством «контрреволюционерами», так что в данном случае претензий быть не могло). Умолчание о негативе коллективизации объяснялось тем, что, по мнению властей, не следовало ворошить грязное белье и разрушать в сознании молодых поколений светлый образ «социалистических преобразований» в деревне. Однако это умолчание, как и любое другое, рождало недоверие к власти, поскольку казаки прекрасно помнили, что зачастую коллективизация действительно носила оттенок «расказачивания» вследствие самодеятельности и самодурства местных чиновников и активистов из числа иногородних.

В-третьих, исходя из вышеизложенного, кампания «за советское казачество», по существу, носила характер конструирования казачества, но не возрождения его. Сталинский режим был намерен использовать в своих интересах (но также и в интересах безопасности страны) лишь военно-хозяйственный потенциал казачества; с этим согласны практически все исследователи советского периода истории казачества.

Именно стремлением использовать военный потенциал казачьих сообществ объяснялось принятие ЦИК СССР 20 апреля 1936 г.

[1] Шершевский А. Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. 1936. 29 марта.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

постановления «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». В этом постановлении, которое состояло всего из двух абзацев, говорилось, что правительство, «учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества, наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны страны», считает необходимым «отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кроме лишенных прав по суду».[1]

Тот факт, что в постановлении никак не объяснялось, какие же именно ограничения по службе в армии существовали в отношении казаков, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что ограничения эти чаще всего являлись неформальными. О каких именно ограничениях может идти речь, свидетельствует одно из откровений М.А. Шолохова: «…после революции, как известно, было ограничение на призыв в армию из Донской области. Понял я тогда, что ограничение распространилось не только на казаков, но и на все донское население. Я тоже иногородний. В 1934 году рассказал об этом Сталину, как несправедливо поступили по отношению к казакам, расказачили и лампасы сняли. Позвонил тогда Сталин Ворошилову, упрекнул его, почему не берет казаков в авиацию и бронетанковые механизированные части. После этого ограничения были сняты, а кавалерийским частям вернули казачью форму».[2]

Если это было действительно так, как рассказывал великий донской писатель, то, очевидно, в апреле 1936 г. были сняты подобного же рода частные ограничения по службе казаков в Красной армии. Вместе с тем не должно складываться впечатление, что казаков вообще не брали в армию во время «колхозного строительст-

[1] Постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» 20 апреля 1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 22. С. 237.

[2] Цит. по: Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Шолохов и история России. Парадоксы великого писателя. Ростов н/Д., 2005. С. 181.

ва». Ведь даже в 1933 г., когда в Северо-Кавказском крае продолжались начатые комиссией Кагановича антиказачьи акции, «за счет призывников-казаков начали формироваться кадровые кавалерийские дивизии, в первую очередь 4-я и 6-я кавдивизии Белорусского военного округа и 5-я Ставропольская кавдивизия им. М.Ф. Блинова Северо-Кавказского военного округа» (хотя в то же время в территориальных дивизиях СКВО прошли чистки казаков, настроенных против колхозов и советской власти).[1]

Что касается намерений власти использовать хозяйственно-экономический потенциал колхозного казачества, то об этом свидетельствовали уже освещенные нами попытки привлечь казаков к восстановлению и развитию животноводства в коллективных хозяйствах. Казакам-колхозникам постоянно напоминалось, что они должны быть не только бойцами, но и стахановцами сельского хозяйства (в этом смысле советское руководство как бы воскрешало сословный статус казаков как воинов-земледельцев, но только уже применительно к условиям колхозной системы). В частности, Е.Г. Евдокимов в уже неоднократно цитированной нами речи на торжественном пленуме Ростовского горсовета в марте 1936 г. заявил: «товарищи, казаки не только рубаки, но они издавна славились, как прекрасные хлеборобы. Это особенно важно в условиях колхозного строя, когда наше сельское хозяйство оснащено первоклассной техникой. Казаки могут показать и уже показывают чудеса на трудовом фронте…».[2] Да и среди казаков было множество сторонников такой точки зрения. Так, в мае 1938 г. кубанский казак П.Д. Дубина направил письмо в редакцию краевой газеты Краснодарского края «Большевик», где писал: «казак-колхозник – это не только лихой «рубака» и всадник. Он должен быть и образцовым производственником в колхозе,

[1] Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной Армии в 20-е – 30-е гг. XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23 – 27 сентября 1996 г. – Краснодар, 1996. С. 53.

[2] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета… // Казачество под большевистским знаменем. С. 24.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

помня, что сила страны в грядущей войне – в незыблемом, крепком тыле».[1]

В то же время, хотя большевики, по существу, в условиях колхозной системы восстановили две основные сословные функции казаков, – военную и производственно-экономическую, – они не собирались воссоздавать специфический уклад казачьей жизни. Это, впрочем, было невозможно уже хотя бы по той причине, что коллективизация радикально изменила этот уклад и восстановление его повлекло бы крушение колхозов, чего сталинский режим, естественно, никогда бы не допустил. Так что речь идет именно о конструировании нового, колхозного, казачества, а не о возрождении его. С.М. Буденный в этой связи обоснованно утверждал, что «сегодняшние казаки – советские казаки, ничего общего не имеющие со старым, позорным прошлым. Это – социалистические казаки, являющиеся неотделимой частью великой трудовой семьи народов СССР».[2]

По мнению властей, кампания «за советское казачество» должна была решить целый ряд задач в сфере аграрного производства, общественно-политических отношений, обороны СССР. Однако эти задачи могли быть реализованы только в том случае, если бы данная кампания встретила поддержку у казаков, в том числе казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека. Какова же была реакция казачества на эту кампанию?

Прежде всего, надо сказать, что слабость подготовки к кампании «за советское казачество» породила у многих донских, кубанских и терских казаков впечатление «внезапности» смены государственной политики по отношению к казачьим общностям, вызвала у них недоуменные вопросы. В ходе данной кампании многие из них, почесывая затылок, вопрошали: «почему так по-

[1] Письмо казака-колхозника колхоза им. 8 марта Крыловского района Краснодарского края П.Д. Дубины // Большевик. Орган Краснодарского крайкома ВКП(б). 1938. 16 мая.

[2] Речь маршала СССР С.М. Буденного на торжественном пленуме Ростовского горсовета, посвященном межкраевой встрече советского казачества // Казачество под большевистским знаменем. С. 10.

лучается, что Советская власть искореняла казачество. А теперь о нем пишет в газетах и хвалит его[?]», «почему о казаках стали много говорить, не трусит ли Советская власть?», «никак не вдолблю в свою голову, почему это Советская власть вспомнила за нас, казаков, и делает нам такие почеты[?]».[1]

Когда изумление и растерянность прошли, мнения казачества о «мирной инициативе» партийно-советского руководства разделились. Большинство донских, терских и кубанских казаков были удовлетворены публично выраженным намерением государства признать их полноправными членами «социалистического общества» и не скрывали своей радости в связи с произошедшими изменениями. Так, секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края Лукин писал Б.П. Шеболдаеву: «Из личных наблюдений, бесед, выступлений ясно одно – [в связи с кампанией «за советское казачество» у казаков теперь] исключительно приподнятое настроение и [казаки] рассматривают это событие, как крупнейший поворот в жизни казачества. Характерно настроение, «что казаков признала Советская власть» и это является нечто вроде «манифеста», что теперь стали полноправные казаки и т. д. Это настроение подавляющей массы казачества».[2]

Это утверждение вполне справедливо, так как подтверждается массой других документов, ссылаться на которые в данном случае нет нужды. Добавим только, что в советской прессе в период осуществления кампании «за советское казачество» появилось множество благодарственных писем от донских (особенно северо-донских), кубанских и терских казаков и казачек, направленных в адрес краевого руководства, лидеров ВКП(б) и членов правительства СССР.

Так, 8 марта 1936 г. в газете «Северо-Кавказский большевик» было помещено письмо, адресованное лично И.В. Сталину, подписанное 365 «терскими казачками-матерями» Александрийско-

[1] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову… // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 725, 753.

[2] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 59.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Обиленского района Северо-Кавказского края. В письме казачки писали «вождю»: «Все эти дни мы охвачены невыразимой радостью и счастливым волнением от тех забот и внимания, какие проявляют партия, правительство и ты сам к нам – советским казакам и казачкам. Признаемся тебе, что долгое время стыдились мы этого имени, ставшего при кровавом царизме проклятым и зазорным… Никто теперь нас не обманет и никто нас не свернет с большевистского пути. Мы – казачки, вырастим родине и тебе, любимый Сталин, новое большевистское, казачье поколенье. И в случае, если враг посмеет напасть на Советский Союз, мы вместе с нашими мужьями и сыновьями, мы, советские казачки, не щадя сил и жизни, пойдем на защиту родины».[1]

Это и другие подобные послания, конечно, были рассчитаны на публику и поэтому подвергались соответствующей редакции. Однако данное обстоятельство отнюдь не значит, что все эти письма неверно отражали настроения большинства казаков. В конце концов, многие казаки и в разговорах между собой, нередко вовсе не публичных, также выражали радость, вызванную кампанией «за советское казачество»; об этом, например, содержались сведения в докладной записке, направленной С.М. Буденным (бывшим в данное время инспектором кавалерии РККА), И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову. Здесь приводились наиболее характерные высказывания казаков (и не только молодежи, но и стариков) о кампании «за советское казачество», в частности, такие: «аж радостно, что правительство так хорошо пишет за казаков» (Гамов, 60-летний терский казак); казакам сейчас живется хорошо и им сейчас обижаться не на что. В случае войны они будут защищать Советскую власть, так как от другой власти им лучше не будет. Я слышал от многих казаков-стариков, они говорят, [что] хоть и обидела сначала Советская власть казаков, но сейчас хочет их поставить наравне с другими красными партизанами и иногородними и это, они говорят, правильно делает Со-

[1] Родной, любимый Сталин! // Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта.

ветская власть» (переменник-казак Тарасов после читки газеты «Правда» о казаках среди переменников Табаксовхоза); «мы, молодые казаки Дона, будем самыми лучшими казаками для советской власти…» (казак из Донской сотни в группе казаков и граждан г. Ростова); «…казаки, которые сейчас за границей околачиваются, теперь скажут, что и [оставшиеся в Советской России] казаки против них. Ведь у нас теперь взгляды на жизнь разные: они генеральские холуи, а мы советский герои и стахановцы» (казак из Донской сотни), и т. д.[1]

Наряду с этим определенная часть казаков высказывала сомнения в искренности намерений правительства или вовсе отвергала кампанию «за советское казачество», не в силах простить большевикам их «перегибы» и репрессии периода коллективизации. Тот же Лукин писал Шеболдаеву: «имеется ряд казаков, в большей своей части, пожилых, которые воздерживались от высказывания своих настроений – они заявляют, что эти события не иначе как связаны с ближайшей войной, что видимо казаки потребуются и проч.».[2] Любопытно, что во время отправки казачьих сотен в Ростов, на межкраевую встречу донских, кубанских и терских казаков, в казачьих станицах ходили слухи о том, что «всех казаков, которые едут в Ростов, там посажают в тюрьму и вышлют».[3]

В докладной записке С.М. Буденного, а также в донесениях и сводках органов НКВД сообщалось, что ряд казаков негативно оценивает кампанию «за советское казачество» и готовится в случае войны отомстить большевикам: «казака Советскую власть защищать не заставишь, таких дураков не найдется. Казачество испытало Советскую власть на своей шкуре, и пусть только начнется заварушка, так сразу будет видно, с кем пойдет казачество»; «должна быть война с иностранцами… но как бы не получилась

[1] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову… // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 724 – 725.

[2] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58 – 61.

[3] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову… // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 727.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

внутри СССР своя война»; «пусть пишут хоть сотню постановлений и приказов, ничего из этого не получится. Молодежь, мы знаем и без этого, что она за советскую власть, а на стариков эти приказы не действуют. Пусть только начнется война, мы знаем, кто пойдет с нами в лес, а оттуда мы им в тылу покажем, куда они только будут бежать»; «ну ничего, пусть только начнется война, а она не за горами, недаром стали заигрывать с казаками, почувствовали, что пахнет порохом. Мы им покажем в тылу, не дожидаясь, когда кончится война на фронте», и т. д.[1]

Даже в 1940 г. некоторые кубанские колхозники утверждали, что они примут участие в народном восстании против советской власти, которое неминуемо вспыхнет в случае приближающейся войны с Германией: «пусть только дадут оружие, а там посмотрим, кого будем защищать»; «кого же я пойду защищать, тех, кто меня кулачил и хотел меня выслать, я пойду защищать? Пусть только дадут оружие нам в руки, и тогда мы уже посмотрим, кого нужно защищать. Вот посмотрите, когда [в случае войны] не будет восстания».[2] И действительно, в период Великой Отечественной войны определенное количество казаков на Юге России, не желавших примириться с большевистским режимом, перешли от слова к делу, поддержав нацистов.

Итак, кампания «за советское казачество», намеченная в конце 1935 г. и развернутая в феврале 1936 г., была вызвана целым рядом расчетов и предположений советского правительства во главе со Сталиным, из которых стремление использовать военно-патриотические традиции казачества является наиболее зримым, очевидным, но далеко не единственным; существовал целый спектр обстоятельств, обусловивших определенную корректировку прави-

---

[1] Докладная записка инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову… // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 726 – 727; Спецсводка Мигулинского райотдела УНКВД СССР Северного Кавказа о настроениях населения в связи со снятием ограничений с казачества. 29 апреля 1936 г. // Там же. С. 753.

[2] Информационная записка начальника Темрюкского районного отделения НКВД о политических настроениях населения района. 4 марта 1940 г. // Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 868 – 869.

тельственного курса в отношении казачества. Эта кампания являлась не возрождением казачества, но признанием права на существование тех специфических черт казачьего духа, которые были полезны в деле развития советской экономики и укрепления СССР. Причем, что важно подчеркнуть, сохранение этих особенностей означало и сохранение казаков как субэтнической группы русского народа (а это уже противоречило расчетам большевиков, стремившихся к растворению казаков в составе колхозного крестьянства). Все позволяет говорить нам о социально-этнической реадаптации казачества Юга России.

Казачество, к середине 1930-х гг. в подавляющем большинстве ставшее колхозным, в целом активно и доброжелательно откликнулось на инициативу советской власти; казаки были готовы защищать советскую Родину, что они и доказали в годы Великой Отечественной войны. В то же время немало представителей казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека, чувствуя сохраняющееся недоверие большевиков и не желая забыть причиненные сталинским режимом обиды, остались верным антисоветским (и антиколхозным) настроениям. Это служило еще одной чертой многоликости казачества Юга России в 1930-е гг.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Очерк пятый
Казачья повседневность 1930-х гг.: синтез традиций и новаций

Форсированная коллективизация не только коренным образом изменила экономические отношения на селе и статус казачества, но и с неизбежностью повлияла на структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани и Терека. Степень трансформации казачьей повседневности и культуры под влиянием процессов «колхозного строительства» была, без преувеличения, огромной: никогда раньше в жизни казачества не происходило столь серьезных перемен, причем всего лишь за несколько лет. Учитывая масштабы этих изменений, в рамках данного очерка не представляется возможным осуществить комплексное их освещение. Поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь тех областей казачьей повседневности, в которых, на наш взгляд, вызванные (или усиленные) коллективизацией трансформации, – как положительные, так и негативные, – были наиболее заметны. Это такие области, или сферы, казачьей повседневности, как материальное обеспечение (пища, одежда, обувь, предметы быта), внешний облик и социальная инфраструктура казачьих станиц, культурные традиции (и новации) казачества.

Прежде чем перейти непосредственно к освещению перечисленных сфер повседневности казачества, необходимо отметить, что на протяжении 1930-х гг. казачьи станицы Дона, Кубани и Терека (как, впрочем, и российская деревня в целом) прошли в своем развитии два этапа, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта. На протяжении первого этапа, который охватывал первую половину 1930-х гг., на селе доминировали негативные тенденции, являвшиеся прямым следствием коллективизации и выражавшиеся в резком сокращении и ухудшении качества продовольствия, потребляемого казаками (как, впрочем, и всем крестьянством), разрушении казачьих станиц, и

т. д. Напротив, во второй половине 1930-х гг. в результате общего организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы (а также, в определенной мере, – и в результате кампании «за советское казачество») в сфере культуры и быта сел и станиц Юга России возобладали позитивные тенденции: улучшилось материальное обеспечение колхозников, активно создавались сельские учреждения культуры, просвещения, образования, здравоохранения и пр. Разность двух указанных этапов развития коллективизированной казачьей станицы Юга России необходимо в полной мере учитывать при освещении структур и сфер повседневности казачества на протяжении рассматриваемого десятилетия.

С развертыванием коллективизации, важнейшей задачей которой (в ближайшей перспективе) являлось снабжение горожан и армии за счет крестьянства, в повседневной жизни населения сел и станиц Юга России крайне обострилась проблема продовольственного обеспечения. Уже с конца 1920-х гг. в письмах казаков своим родственникам-эмигрантам с удручающим постоянством встречаются сообщения о недостатке продовольствия, причиной чему зачастую являлись хлебозаготовительные кампании: «голод действительно надвигается…», «жизнь получшела: последний хлеб забрали, оставили только на посев, а больше ничего, ни курям, ни гусям. Сказали [власти и хлебозаготовители] нам так: нехай хоть все с голоду подохнет, а нам дай – что же, говорят, вы нас на свиней заменяете?», «товару нет, хлеба у многих не хватает», «…кончился хлеб, и нет средств купить его…», «говорят, что будто бы потому исчезновение товаров, что отправляют за границу и хлеб, и сахар, и скот, и рыбу, и проч. Не знаю так ли это, но если так, то, по-моему, неумно отправлять в таком количестве, что свои голодают», «В чем же секрет голода? А в том, что весь хлеб неизвестно куда девается, хотя нам говорят, что никуда за границу не вывозится. И это ведь ужасно! Своих морят голодом, делают нищими, а заграница продают».[1]

[1] Крестная ноша. С. 113, 118, 120, 126, 130, 142.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Нельзя не согласиться с казаками, осуждавшими сталинскую налогово-заготовительную политику. Разумеется, с точки зрения властей эти разговоры являлись «контрреволюционными». Но какой еще реакции могла ожидать власть, решавшая задачи (пусть и общественно, и государственно важные) путем беззастенчивого грабежа собственных граждан; впрочем, в «сталинскую эпоху» так называемые граждане СССР на самом деле являлись «подданными», вынужденными беспрекословно выполнять все распоряжения сталинского режима и приносить себя в жертву ради иллюзорных целей «построения социализма в одной отдельно взятой стране» или осуществления «мировой революции».

Однако казаки, возмущавшиеся ухудшением снабжения в результате «чрезвычайных хлебозаготовок» конца 1920-х гг., еще не подозревали, что это – лишь «цветочки», а «ягодки» будут впереди. В начале 1930-х гг. ситуация с продовольственным обеспечением сельского населения, и в том числе казаков, еще более ухудшилась, главным образом из-за снижения урожайности (произошедшей в результате дезорганизации аграрного производства, произошедшей под влиянием коллективизации) и непомерно высоких государственных хлебозаготовительных планов. В конечном итоге сталинский режим довел села и станицы Юга России (как и целого ряда других регионов СССР) до катастрофы, – до Великого голода 1932 – 1933 гг.

В период голода, по неполным данным, в Северо-Кавказском смертность втрое превышала рождаемость (416,7 тыс. умерших против 138,9 тыс. родившихся); избыточная смертность в крае составила 350 тыс. человек.[1] В основном повышенная смертность на почве голода наблюдалась именно в сельской местности, поскольку единоличники и колхозники отдали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение

[1] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993. С. 58.

по карточкам, как горожане. Масштабы голода были настолько велики, что полностью замолчать эти ужасающие события не представлялось возможным. Хотя Сталин, как известно, наложил табу на данную тему, заявив в январе 1933 г., что лишь «заклятые враги Советской власти» могут сомневаться в улучшении материального обеспечения трудящихся СССР,[1] о голоде (точнее, о «трудностях») говорили даже представители краевого руководства на Юге России. Так, председатель Северо-Кавказского крайисполкома В.Ф. Ларин, выступая на первом Северо-Кавказском краевом съезде колхозников-ударников (24 – 27 февраля 1933 г.), признал: «было бы неправильно, нечестно, неверно отрицать, что в этом году многие колхозники переживают трудности, каких они не испытывали в прошлом и позапрошлом годах».[2]

До сего времени нет ответа на вопрос, можно ли говорить о Великом голоде 1932 – 1933 гг. как «об искусственно задуманной акции окончательного подавления, удушения областей Юга России»,[3] или же это было естественное (но не планируемое властью) следствие завышенных хлебозаготовок. Ясно одно: именно преступные действия сталинского режима (и его пособников из числа местных властей и особенно активистов), не останавливавшегося ни перед чем при выполнении завышенных хлебозаготовительных планов, привели к голоду и массовой смертности. При этом вполне возможно, что казачьим районам и станицам большевики сознательно предъявили наиболее высокие нормы сдачи хлеба, полагая, что казаки и казачьи колхозы, в массе своей более крепкие и зажиточные, чем иногородние крестьяне или горцы, смогут их выполнить (а если это и вызовет голодовки, то так «контрреволюционному» казачеству и надо). Ведь вспоминают же жители кубанской станицы Некрасовской, что «в Адыгее

[1] Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 200.

[2] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1372, л. 49.

[3] Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. С. 216.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

(буквально перейти мост через Лабу) голода не было. Это лишнее подтверждение того, что голод на Кубани был создан искусственно».[1] Когда же казаки (как, впрочем, и иногородние) стали укрывать последние остатки зерна, чтобы не умереть с голоду, то эта естественная реакция отчаявшихся людей была объявлена сталинским режимом «кулацким саботажем хлебозаготовок».

Как бы там ни было, смертность от голода была наиболее высокой именно на Кубани, где казаки составляли значительную, а то и преобладающую, часть населения (согласно уже приведенным нами в первом очерке данным переписи 1926 г., в Кубанском округе казаки составляли 58,2 % сельского населения, в Армавирском округе – 46,7 %). Весной – летом 1933 г., то есть в разгар голода, здесь умирало по несколько десятков человек в день.

В частности, 27 июня 1933 г. начальник Армавирского оперативного сектора (оперсектора) ОГПУ[2] Петров докладывал руководству Северо-Кавказского края, что на подведомственной ему территории голод свирепствует в полную мощь (хотя при этом подчеркивалось, что голодной смерти подвержены в основном единоличники и исключенные из колхозов колхозники – данное обстоятельство должно было в некоторой степени успокоить представителей власти, так как колхозы все-таки продолжали функционировать). По данным Петрова, в Курганенском районе за шесть дней, – с 15 по 20 июня 1933 г., – только по колхозам Ново-Алексеевской МТС умерло 122 человека, по колхозам Петропавловской МТС – 181 человек (то есть 20 – 30 человек в сутки). Это были еще не самые высокие потери! В Лабинском районе, докладывал начальник Армавирского оперсектора, «ежедневно умирают на почве истощения» около 150 человек, в «каждой станице имеется от 250 до 300 человек опухших». В Ново-

[1] Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник. С. 116.

[2] В 1933 г. в Армавирский оперативный сектор ОГПУ входили такие районы Северо-Кавказского края, как Армавирский, Апшеронский, Белореченский, Курганенский, Лабинский, Майкопский, Ново-Александровский, Невинномысский, Отрадненский.

Александровском районе, «по грубым подсчетам», в сутки умирало до 100 человек. При этом по станицам Сенгилеевской и Каменнобродской к лету 1933 г. смертность даже возросла: если за три последних пятидневки мая здесь умерло 111 человек, то три пятидневки июля принесли смерть 136 станичникам. Причина заключалась в том, что голодавшие люди ели появившуюся весной – летом зелень и разного рода суррогаты, а это увеличило масштабы заболеваемости, опухания и, как итог, – смертности.[1]

В 1934 г. регионы Юга России были поражены сильнейшей засухой. В частности, в большинстве кубанских районов в 1934 г. дождей не было до конца мая, а в колхозах Должанской МТС (Ейский район Кубани) осадков не наблюдалось вообще до начала уборки, то есть до июля – августа.[2] В этих условиях в ряде районов Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев ожидались «продовольственные затруднения» (эвфемизм, которым в документах советского времени обычно заменялось слово «голод»). Сельские жители, у которых перед глазами маячили жуткие картины голодомора 1932 – 1933 гг., были напуганы засухой и пытались искать спасения за пределами своих родных сел, станиц и районов, действуя по старой поговорке «хорошо там, где нас нет». Казаки не были в данном случае исключением. Так, согласно сводке ОГПУ от 25 мая 1934 г., в колхозах Калмыцкой МТС Азово-Черноморского края «появилось значительное количество донских казаков…, частью приживающихся на месте, частью закупающих в больших размерах хлеб в обмен на вещи и утварь, сопровождая это усиленными разговорами о наступающем у них голоде…».[3]

Только во второй половине 1930-х гг., когда в функционировании колхозной системы отчетливо наметились положительные тенденции, произошел перелом в продовольственном обеспечении колхозников Юга России, в том числе и казаков. Если в колхозах Дона в 1931 г. колхозники в среднем получали на трудодень 2,2 кг

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 105 – 106.
[2] ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 459, л. 5.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, 249, 250.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зерна и 0,22 руб., в 1932 г. – 1,42 кг и 0,42 руб., то в урожайном 1937 г. – 5,31 кг и 0,84 руб., в засушливом 1938 г. – 3,19 кг и 1,10 руб., в 1939 г. – 3,3 кг и 1,31 руб.[1] Те же тенденции наблюдались и на Тереке, и на Кубани. Так, в кубанских колхозах в 1935 г. на трудодень приходилось в среднем 2,63 кг зерна и 0,93 руб., в 1936 г. – 2,43 кг и 1,40 руб., в 1937 г. – 6,5 кг и 1,70 руб., в 1938 г. – 2,4 кг и 1,44 руб., в 1939 г. – 3,7 кг и 1,83 руб.[2]

Впрочем, даже во второй половине 1930-х гг. «продовольственные затруднения» не стали мрачным преданием. По итогам засушливого 1935 г. в ряде районов Азово-Черноморского края, особенно северо-донских, колхозники получили на трудодни мизерное количество зерна, так что властям пришлось выделять для них продовольственные ссуды. Так, на бюро Северо-Донского окружкома ВКП(б) 25 февраля 1936 г. было решено выделить колхозам Алексеево-Лозовского, Базковского, Кашарского, Мигулинского, Селивановского, Чертковского районов продовольственную ссуду общей массой 3 900 центнеров. 8 марта 1936 г. Кашарскому районы было решено выделить в порядке продссуды еще 100 центнеров ржи, а 26 апреля того же год бюро Северо-Донского окружкома ВКП(б) было вынуждено снова изыскивать для нуждавшихся колхозников перечисленных районов (а также Верхне-Донского, Киевского и Чернышевского районов) продовольственную помощь в размере 2 250 центнеров.[3] В 1936 г. голод опять поразил многие области и края РСФСР, в том числе и районы Дона, Кубани, Ставрополья. Впрочем, и на сей раз государство оказало нуждавшимся крестьянам пусть минимальную, но помощь, и больших жертв удалось избежать.[4] Кстати сказать, события 1935 – 1936 гг. лишний раз свидетельствуют, что Великий голод 1932 – 1933 гг. был вызван в первую очередь преступ-

[1] Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / Под ред. А.И. Гозулова. Ростов н/Д., 1940. С. 159.

[2] ГАКК, ф. р-1378, оп. 2, д. 4, л. 92.

[3] ЦДНИ РО, ф. 76, ОП. 1, Д. 38, л. 33, 36, 40.

[4] См., например: Осокина Е. Легенда о мешке с хлебом. Кризис снабжения в конце 30-х годов // Родина. 1999. № 5.

ными действиями сталинского режима, а не плохими погодными условиями, под влиянием которых был собран низкий урожай. В 1935 – 1936 гг., как видим, в ряде районов Юга России урожаи также были низкими, но государство, вспомнив, наконец, о своих обязанностях перед обществом, выделило для колхозников продовольственные ссуды; а вот в 1932 – 1933 гг. продовольственные ссуды либо не выдавались, хотя такая возможность у властей была, либо их размеры были просто смехотворны (однако в тех трагичных условиях это был, конечно, смех сквозь слезы).

«Продовольственные затруднения» наблюдались в ряде колхозов Юга России после сбора урожая в засушливом 1938 г. Да и в 1940 – начале 1941 гг. в целом ряде районов Орджоникидзевского (ныне – Ставропольского) края колхозники и даже рабочие и служащие, проживавшие в городах и райцентрах, оказались без пищи из-за хлебозаготовок, проведенных по завышенным нормам. Если колхозники были далеки от власти, то рабочие и служащие, по свидетельствам районного руководства, целыми делегациями приходили в райкомы, требуя «хлеба, основываясь на указаниях т. Молотова о том, что у нас хлеба хватит и вводить карточную систему нет необходимости». При этом многие представители районного руководства, сами переживавшие в это время «продовольственные затруднения» и не могущие убедительно объяснить возмущенным людям катастрофический дефицит хлеба, были солидарны с озлобленными жителями края: «если нет сахару, табаку, хлопчатки это не имеет большого значения, это народ переживает безропотно (да, нет предела терпению русского народа! – авт.), но когда нет хлеба – это сильно дает себя чувствовать». Однако, как всегда, сталинский режим взял свое: хотя колхозное руководство пыталось укрыть хлеб от государства, представляя зерно как некондиционное, сорное и негодное для отправки на элеваторы, местные власти и сотрудники Наркомата заготовок настойчиво выполняли хлебозаготовительные планы.[1]

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 691, л. 6, 7, 21, 26, 28 – 30, 33, 41, 42; оп. 2, д. 67, л. 21, 54.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В условиях колхозной системы рацион казачества претерпел существенные изменения. В первой половине 1930-х гг. эти изменения носили по большей мере отрицательный характер. Казачье меню сокращалось, качество продуктов ухудшалось (хотя в богатых и пригородных колхозах снабжение было гораздо лучше, к тому же там казаки могли приобретать «городские» продукты, например, кондитерские изделия, колбасу и т. п.). Ситуация, как видим, улучшилась (но не стабилизировалась) лишь во второй половине 1930-х гг., особенно с урожайного 1937 г.

На Дону в конце XIX в. обычной пищей казаков служили чай с калачом или булкой, хлеб, молоко, рыба, щи, квас.[1] Мясо на стол попадало гораздо реже, да и то обычно зимой (летом его вообще почти не ели, так как в это время скотину не забивали без особой нужды из-за сложностей хранения мяса в жару и из-за того, что скот на протяжении данного времени года набирал вес). Чаще мясные блюда готовили из мяса птицы: кур, уток, гусей. Примерно так же питались казаки Кубанского и Терского войск. При этом в южнороссийских регионах чаще всего ели белый (пшеничный) хлеб, а не ржаной, распространенный в центральной России.[2]

В начале же 1930-х гг. пшеница стала стратегически важным продуктом («валютой валют»,[3] по словам Сталина), достававшимся казакам-колхозникам в последнюю очередь. Нередко на трудодни выдавали в основном рожь, кукурузу, ячмень; из них и пекли хлеб или лепешки. Так что понятна гордость Шеболдаева, заявлявшего в 1935 г., что трудодень не только «стал весить и стоить примерно в два раза больше», но теперь его обеспечивают «не кукурузой и ячменем, как раньше, а настоящей кубанской и донской пшеницей».[4]

---

[1] Казачий Дон. Ч. II / Под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д, 1995. С. 35 – 36.

[2] Гужвин П. Хлеб России // Свободная мысль. 1992. № 65. С. 5.

[3] Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 15.

[4] Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 5.

В условиях перманентных «продовольственных затруднений» сельские жители Юга России, и в том числе казаки, широко использовали природные ресурсы. Как писал один из донских казаков в 1930 г., «придется вспомнить приемы 20-х голодных годов, окунуться в Дон-Кормилец за ракушками».[1] В августе 1933 г. из станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Северо-Кавказского края ушли в кубанские плавни до 30 хозяйств казаков-колхозников и единоличников, говоря, что власть забирает «…последний хлеб, а здесь хоть плохо, но нас накормит Кубань».[2] Кроме ракушек и рыбы (эти продукты можно было добыть и зимой), в пищу употреблялись лебеда, крапива, щавель, другие растения, дикорастущие фрукты и ягоды и т. д. Важными элементами казачьего рациона в это время были молоко и молокопродукты, которые чаще всего колхозники получали не из колхоза, а от своих коров.

Трудности возникали не только с продовольствием. Сложная ситуация наблюдалась и в сфере обеспечения сел и станиц Юга России промышленными товарами: одеждой, обувью, спичками, керосином, гвоздями и т. д. В частности, об одежде и обуви казаки писали своим родственникам за границу уже в самом начале «колхозного строительства»: «об обуви, о коже на сапоги мы перестали и думать… Так же обстоит дело и с одеждой. Донашиваем старое».[3] В данном случае сказывались характеристики советской промышленности, нацеленной на удовлетворение нужд государства, а не простых граждан. Система потребкооперации, созданная для снабжения населения ширпотребом, функционировала неэффективно, главным образом вследствие бюрократизации. Частная же торговля была разгромлена, а неистребимые спекулянты приобретали товары в государственных заведениях и потом реализовывали их по завышенным ценам, неподъемным для большинства казачьего населения.

[1] Крестная ноша. С. 176.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166. оп. 1, д. 22. л. 76.
[3] Крестная ноша. С. 201.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В итоге одежда, и особенно обувь, превратились для сельских жителей Юга России в предмет вожделений. Мудрые руководители, стремясь привлечь на производство необходимое количество работников, обещали им не только достойную (насколько это было возможно в сельской реальности 1930-х гг.) оплату труда, кормежку, но и костюм. Так, в октябре 1933 г. на совещании директоров новых МТС Северо-Кавказского края Крайников, директор Грачевской машинно-тракторной станции, делился с коллегами секретом успешного изыскания и пополнения кадров механизаторов: «пришлось заставить колхозы купить им (трактористам – *авт.*) обувь и одеть теплые тужурки, … и благодаря этой одежде к нам повалили трактористы и мы этим заманили трактористов».[1]

Трудности с приобретением одежды и обуви способствовали устойчивости костюма сельских жителей Юга России на протяжении 1930-х гг. (иными словами, поскольку легкая промышленность в очень слабой степени обеспечивала села и казачьи станицы своей продукцией, их жители сами производили одежду, которая, естественно, изготавливалась в традиционном стиле). В течение 1930-х гг. (особенно в первой половине десятилетия) обычной одеждой донских, кубанских, терских казаков-колхозников и единоличников являлись рубаха и штаны (весенне-летний период), тулуп или полушубок, треух или папаха поздней осенью и зимой. Обуви не хватало, поэтому летом нередко ходили босиком, зимой же носили валенки или чувяки. У многих мужчин, демобилизованных из армии, традиционный сельский костюм дополнялся такими элементами, как гимнастерка, галифе. Обычной одеждой женщин в казачьих районах Северо-Кавказского края были платки или косынки, рубахи и широкие длинные юбки; зимой этот наряд дополнялся теми же полушубками.

Вместе с тем, судя по фотодокументам и описаниям, казаки на Юге России в 1930-х гг. своим внешним обликом заметно вы-

[1] ГАРО, ф. р-2573, оп. 1, д. 127, л. 36.

делялись из общей массы колхозников. Дело в том, что множество казаков носили как повседневную одежду свою военную форму или отдельные ее элементы.

Правда, надо сказать, что ношение традиционного казачьего костюма в 1920-х – 1930-х гг. было сопряжено с целым рядом вполне вероятных неприятностей и сложностей. Формально не существовало никаких нормативно-правовых и подзаконных актов (декретов, правительственных постановлений и т.п.), запрещавших казакам носить свою военную форму, которая в мирное время использовалась ими как повседневная и парадная (выходная) одежда. Более того, в августе 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком в своем циркуляре всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей казачьего быта довольно внятно рекомендовал: «казачество должно знать, что Советская власть различает только классовое расслоение, что она относится совершенно одинаково к крестьянину, казаку, горцу. В силу этого казак может оставаться и называться казаком со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие, может петь свои вольные песни, собираться на традиционные вечеринки, оказывать почет старикам и т. д. и т. п.».[1] В ноябре того же года первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян, высказываясь против «стеснения казачьего быта», говорил: «нигде в нашей программе не написано, что нельзя носить лампасы и что кубанка означает контрреволюцию, а английская кепи – революцию».[2]

Однако при всех благих пожеланиях неоспоримым фактом являлось преобладающее отрицательное отношение к любым проявлениям казачьей самобытности со стороны бывших «иного-

[1] Циркуляр Северо-Кавказского крайисполкома всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей быта казаков и об улучшении воспитательной работы среди них. 26 августа 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). Сб. документов / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962. С. 421 – 422.

[2] Краткое изложение отчета секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна о работе крайкома на XI Донецкой окружной конференции РКП(б). 13 ноября 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). С. 440 – 441.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

родних», составлявших в конце 1920-х – 1930-е гг. подавляющее большинство представителей местного руководства на Юге России. Неудивительно поэтому, что во время коллективизации, когда такое недоброжелательное отношение резко усилилось, немало казаков «стыдились [своей принадлежности к казачьей общности], не признавались, что [они] казаки»[1]. Казаки вынужденно отказывались от повседневного, да и праздничного ношения своего традиционного костюма. Этот отличительный атрибут казачьей культуры на многих местных руководителей или активистов из числа иногородних действовал, как красная тряпка на быка; он вполне мог быть воспринят (и воспринимался) местными активистами как вызывающая отторжение знаковая демонстрация принадлежности к казачеству, что, соответственно, влекло с их стороны применение карательных мер к казакам.

В результате в первой половине 1930-х гг. в казачьей среде успел сформироваться стойкий стереотип в отношении своего костюма. Как справедливо отмечает А.И. Козлов, под воздействием огульно-враждебного отношения к казачеству со стороны местных властей «казаки превратились в подлинных изгоев, многие из которых предпочитали сознательно скрывать свое происхождение, дабы избежать репрессий».[2] В частности, многие казаки предпочитали не носить свою традиционную одежду и даже уничтожали ее. Не случайно, в ходе кампании «за советское казачество» терские казаки, когда недобрым словом вспоминали минувшие годы, то красноречиво рассказывали: «путали нас, что казаков быть не должно, некоторые из нас даже свою казачью одежду перешили в пиджаки».[3]

Привычка скрывать казачье происхождение проявилась и в другом знаковом событии. В октябре 1935 г. первый секретарь

---

[1] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 22.

[2] Козлов А.И. Выступление на конференции по проблеме расказачивания // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 44.

[3] Шершевский А. Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. 1936. 29 марта.

Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов, беседуя с казаками-колхозниками Суворовского района края, даже пожурил их за некое, по его мнению, изначальное притворство: «вы почему, ехали к Евдокимову, как нищий прикидываетесь. Почему черкеску не одели, а я с удовольствием смотрю, это красиво. Почему черкеска и почему папаха хуже кепки[?]. Это не верно».[1] Судя по всему, терские казаки, приехавшие к Евдокимову, были уже научены горьким жизненным опытом и потому предварительно решили, что в казачьей форме на глаза «большому партийному начальнику» лучше не попадаться.

В то же время укоризненные слова Е.Г. Евдокимова вполне логично объяснялись тем, что он выступал перед казаками с официальной позиции, которая ничуть не изменилась с 1920-х гг. и согласно которой, казачий быт, казачья культура не подлежали «стеснению». Впрочем, вероятно, первый секретарь крайкома что-то знал или каким-то образом догадывался о скором развертывании кампании «за советское казачество», чем и обуславливался доброжелательный тон его речи.

Вместе с тем, отказ от повседневного ношения традиционной казачьей одежды не стал в период коллективизации повсеместным явлением в казачьих станицах Юга России. Несмотря на раздраженную реакцию властей, казаки по традиции использовали как повседневную одежду элементы военного обмундирования. На Дону это были фуражки с красными околышами, шаровары темно-синего цвета с красными лампасами. Отличительной особенностью кубанцев, помимо прочего, был их знаменитый головной убор – невысокая барашковая шапка («кубанка»).

На сохранившихся фотографиях первой половины 1930-х гг. мы нередко видим донских казаков-колхозников в типичных фуражках и штанах с лампасами, членов кубанских казачьих колхозов – в непременных «кубанках», лихо сдвинутых набекрень.[2] Судя

[1] ГАНИ СК, ф. 1,оп. 1, д. 71, л. 56 – 57.

[2] Колхозники-двадцатитысячники // Коллективист. 1931. № 3. С. 30 – 32; Шустов Н. Как организовать сдельщину // Коллективист. 1931. № 5. С. 31; Кубанский Н.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

по фотографиям, помещенным в газете «Молот», на VI краевую Северо-Кавказскую партконференцию делегация терских казаков прибыла в полном казачьем костюме, захватив с собой даже шашки и кинжалы.[1] В журнале «Коллективист» (№ 3 за 1931 г.) содержатся фотографии лучших колхозников Северного Кавказа, направленных зимой 1930 – 1931 гг. в Московскую область для содействия коллективизации. У многих на голове «кубанки», многие гладко выбриты (в данном случае, видимо, сказывались давние традиции запорожского казачества и вообще Украины, перенесенные на Кубань). Заметно отличается от них колхозник одного из районов Центральной России, чье фото помещено в этом же номере: на голове у него треух, широкая борода. В описании одного из советских журналистов мы видим любопытное сочетание старого и нового костюма в донских казачьих станицах: «на улицах [станицы Каргинской] рядом с пожилыми казаками, в штанах с лампасами, с крестами на груди, выряженными в духе старого тихого Дона, попадаются казачки-делегатки, в красных платках, девушки, в подавляющем большинстве стриженые, хлеборобы в тулупах и буденовках на головах».[2]

Поэтому, когда началась широкомасштабная кампания «за советское казачество», внешний облик населения казачьих станиц Юга России изменился не столь существенно. Разница заключалась лишь в том, что казаки стали почти обязательно надевать парадную казачью одежду на те или иные праздники и торжественные мероприятия, активно позировать в парадных костюмах для фотографов из различных газет и журналов.

Так, в краевой газете Краснодарского края «Большевик» (впоследствии переименованной в «Советскую Кубань») за 1938 г. помещена фотография, на которой запечатлен заведую-

---

Кубань штурмует большевистский сев // Коллективист. 1932. № 8. С. 5 – 6; Шолохов. Фотоальбом (издание 2-е) / Вступит. статья А.В. Софронова, сост. Э.С. Софроновой. М., 1989. С. 118.

[1] См.: Молот. 1930. 7 июня; 12 июня.

[2] Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. 1930. № 4. С. 34.

щий СТФ (свинотоварной фермой) колхоза «Мир и Труд» Павловского района Ф.И. Рой, облаченный в черкеску с газырями. Под черкеской виден бешмет со стоячим воротником, на голове у Ф.И. Роя – кубанка. Дополняет все это убранство привешенный к поясу кинжал в изукрашенных ножнах.[1] Примерно так же одет бригадир первой полеводческой бригады колхоза им. Чапаева Усть-Лабинского района С.А. Бабко, чья фотография помещена в журнале «Советская агрономия» за 1940 г. Единственное отличие в одежде Ф.И. Роя и С.А. Бабко в том, что у последнего в верхней части груди, поперек бешмета и черкески, ясно виден шнурок для закинутого за спину башлыка,[2] в то время как Рой позировал для фотографов без указанного элемента одежды. На фотографии в одном из номеров журнала «Спутник агитатора» за 1939 г. мы видим председателя колхоза «Власть советов» Кропоткинского района Д. Безменова, беседующего с бригадиром С. Роговым на фоне цветущего колхозного сада. На председателе полный кубанский казачий костюм («кубанка», черкеска, бешмет); бригадир по какой-то причине оказался без черкески, зато это его упущение дает возможность разглядеть кавказский наборный пояс, которым он подпоясан.[3] В полном кубанском казачьем костюме (или в одежде, содержащей его элементы) позировали фотографам в конце 1930-х гг. некоторые председатели ревизионных комиссий колхозов Лабинского района Краснодарского края,[4] и др.

Разница между первой и второй половинами 1930-х гг. в отношении казачьей одежды была еще и в том, что традиционный костюм казаков превратился в некий брэнд, без которого кубанские, донские, терские колхозы уже просто не мыслились. Иной раз советские журналисты, а также представители местного руководства даже сознательно шли на фальсификацию фактов, только

[1] Большевик. Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б). 1938. 3 апреля.

[2] Коссинский В.С. Агротехника передового Усть-Лабинского района Кубани // Советская агрономия. 1940. № 2 – 3. С. 102.

[3] Безменов Д. Пятилетний план колхоза «Власть советов» // Спутник агитатора. 1939. № 12. С. 13.

[4] Учет и финансы в колхозах. 1940. № 1. С. 28.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

бы лишний раз подчеркнуть казачий колорит. Так, в конце 1938 г. штатный корреспондент «Крестьянской газеты» Н. Марченко описал ситуацию, имевшую место в одном из колхозов-миллионеров станицы Старо-Титаровской на Кубани. В эти колхозы часто приезжали корреспонденты различных советских периодических изданий, дабы запечатлеть их достижения. Как-то раз приезжим фотографам понравился колхозник В.Н. Маслов, очень похожий, по их мнению, на настоящего кубанского казака. Маслова нарядили в черкеску, дали кинжал, одели его жену в костюм кубанской казачки, и фото «семьи казака Маслова» было готово. Пикантность ситуации состояла в том, что, по рассказам местных жителей, «Маслов – не казак, его семья – семья красноармейца-переселенца из Ставрополя».[1]

С началом кампании «за советское казачество» представители власти (подобно, как мы уже отмечали выше, Евдокимову) настойчиво стали рекомендовать казакам не стесняться в ношении своего традиционного костюма. Так, 3 марта 1936 г. Б.П. Шеболдаев и В.Ф. Ларин принимали в крайисполкоме делегацию «донских колхозных казаков-животноводов», награжденных на съезде в Москве в феврале того же года орденом Ленина. Один из членов делегации, казак Ф.Т. Токмачев, поведал краевым руководителям о том, как он, после своего выступления на съезде, общался с «первым маршалом» К.Е. Ворошиловым и с самим И.В. Сталиным: «После своей речи я пожал руки товарищам Сталину, Ворошилову и другим членам президиума. Товарищи Сталин и Ворошилов говорили мне: «Многие делегаты приехали по форме одетые, а почему же донские казаки без формы?» Я отвечаю: в 1936 году увидите нас в казачьей форме». В ответ на это Шеболдаев важно указал: «надо, чтобы у всех донцов форма была – и у казаков, и у иногородних».[2] Таким образом, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), как и многие другие представи-

[1] Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар, 1997, С. 809.

[2] Прием донских казаков-орденоносцев руководителями края // Молот. 1936. 4 марта.

тели советско-партийного руководства, являлся сторонником «оказачивания», а не просто восстановления казачества.

Правда, если верить свидетельствам Е.Г. Евдокимова, то по итогам осуществления коллективизации возникли некоторые трудности с обеспечением населения казачьих станиц традиционной одеждой. На уже упоминавшейся встрече с казаками-колхозниками Суворовского района в октябре 1935 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) выразил сожаление по поводу того, что черкеска «прекрасная вещь, красивая, но на сегодняшний день, надо прямо сказать, не по карману».[1] «Если бы [мы] имели возможность», рассуждал Е.Г. Евдокимов, «[то] с удовольствием оделись бы в черкески, но пока этой возможности нет. Почему не можем? Просто не хватает такого сукна, нам навредили кулаки, а мы пока не восстановили это дело».[2] Смысл этих витиеватых фраз партийного лидера отчетливо сводился, прежде всего, к тому, что именно «кулаки», якобы, злонамеренно своими действиями подорвали развитие овцеводства в крае, в связи с чем не хватало шерсти для изготовления сукна для черкесок. Так псевдологическое пропагандистское замещение оправдывало верность осуществляемого партийного курса.

Эту тему чужой «классовой вины» партийный вождь Северо-Кавказского края развивал и позже. В середине марта 1936 г., выступая на торжественном пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани и Терека и горцами Северного Кавказа, Е.Г. Евдокимов прямо призвал решить проблему овцеводства в целях обеспечения казаков традиционной одеждой: «Не забывайте, что бешметы или из тонкого сукна шаровары мы не сумеем с вами дать, если не займемся как следует овцеводством».[3]

Возможно, ситуация в овцеводстве действительно была насколько серьезна, как говорил тогда Е.Г. Евдокимов. Действи-

[1] ГАНИ СК, ф. 1,оп. 1, д. 71, л. 58.

[2] ГАНИ СК, ф. 1,оп. 1, д. 71, л. 56 – 57.

[3] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета… // Казачество под большевистским знаменем. С. 28 – 29.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

тельно, в казачьих станицах к 1936 г. зачастую не имелось ни формы, ни материала, необходимого для ее изготовления. Не случайно кубанские казаки, возвращаясь в родные станицы с межкраевой встречи казачества в Ростове-на-Дону в марте 1936 г., закупили на 4,5 тыс. руб. различных тканей и, кроме того, сделали ряд заявок «на красное сукно, вельветон или молескин для башлыков, сатин, полубархат, материал красного цвета на бешметы и темносинюю диагональ на брюки». Наряду с кубанцами, помощник командира донской сотни Каплиев просил торговые организации Ростова «ускорить завоз товаров, необходимых для пошивки казачьей формы – шаровар, мундиров, фуражек и лампасов».[1]

Однако, несмотря на весь пессимизм Евдокимова, терские казаки уже в самые первые дни развернувшейся кампании «за советское казачество» надели свои привычные черкески. Об этом мы можем с полной уверенностью говорить, располагая сохранившимися до наших дней фотодокументами. В частности, целый ряд убедительных фотографий был помещен в номерах краевой газеты «Северо-Кавказский большевик» за 1936 г.[2]

Точно такие же явления наблюдались и на Дону. Так, секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Лукин в неоднократно цитированном нами письме к Шеболдаеву повествовал, что уже в первые дни кампании «за советское казачество» казаки северных районов Дона стали появляться на устраиваемых в это время торжествах в традиционной казачьей форме: «интересно следующее – на районные собрания подавляющее большинство казаков, не говоря уже о всадниках, явились в казачьей форме, при чем, многие были совершенно в новой форме, другие за ночь попришивали лампасы, достали где-то фуражки с красным околышем, не исключая и стариков. Нечего говорить, это, в свою очередь, создало различные толки и разговоры среди населения вроде того, что «теперь

[1] Гладков М., Куприянов Е. Покупки кубанских казаков // Молот. 1936. 20 марта.

[2] См., например, номера газеты «Северо-Кавказский большевик» за 10 марта, 16 марта, 8 декабря 1936 г.

поглядели на настоящих казаков, которых не видели с революции».[1] Да и на упомянутой выше встрече Шеболдаева и Ларина с донским казаками-орденоносцами произошел показательный случай. Когда Ф.Т. Токмачев рассказал, как он обещал Сталину и Ворошилову одеть традиционную казачью форму, Шеболдаев спросил его: «А форма есть? – Не видно было, – смеется Токмачев, – но теперь появилась. Вон Бабкин сидит в штанах с красными лампасами»[2] (Бабкин М.Т. – один из донцов, участвовавших в съезде животноводов и награжденных орденом Ленина).

В традиционных костюмах донцы поехали в марте 1936 г. и на просмотр оперы «Тихий Дон» в Москву. Вот как описывала внешний вид донских казаков советская пресса: «на них – синие суконные, до колен, «сюртуки» или короткие ватные «мундиры», синие суконные шаровары с широкими красными лампасами и напуском, синие картузы с красным околышем и красным кантом. Из-под лихо надетых картузов выбиваются чубы. На картузах – пятиконечные красные звездочки».[3] Очевидна акцентация приводимого журналистского описания именно на красном цвете и традиционном советском символе – пятиконечной красной звездочке. Смысловой подтекст здесь прочитывается вполне ясно: донские казаки являются в настоящее время приверженцами советской власти.

Во время кампании «за советское казачество» и кубанцы достали из сундуков свои бешметы и черкески. Причем, по сравнению с донцами, парадная форма которых была выдержана преимущественно в двухцветовой (красно-синей) позиционирующей гамме, кубанцы выглядели гораздо более ярко и торжественно. Это, в частности, было хорошо заметно в марте 1936 г., когда на устроенные по случаю развертывания кампании «за советское казачество» торжества в Ростов-на-Дону прибыли сводные отряды донских, кубанских и терских казаков. Журналисты, описывав-

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 59.
[2] Прием донских казаков-орденоносцев руководителями края // Молот. 1936. 4 марта.
[3] Донские казаки в Москве // Казачество под большевистским знаменем. С. 49 – 50.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

шие следовавших к Ростову донцов и кубанцев, были ошеломлены великолепием внешнего вида последних и уделили им гораздо больше внимания. Это весьма красноречиво отражено в следующем журналистском описании: «донцы – в шароварах с лампасами, казачьих фуражках или папахах, кубанцы – в черных черкесках с газырями, в красных бешметах и брюках с кантами, кубанских шапках с красным верхом, в красных башлыках и черных бурках, [при этом] кубанцы вооружены шашками, кинжалами».[1]

Казалось, вдруг вернулись былые, доколхозные времена, когда на праздничных торжествах жители кубанских станиц просто поражали сторонних наблюдателей своим внешним видом. Для исторического сравнения журналистских зарисовок процитируем хронологически более ранний материал В. Ставского. В 1928 г., в период «чрезвычайных хлебозаготовок», Ставский посетил ряд кубанских станиц и также был поражен великолепием кубанского казачьего костюма: «в праздник выряжаются кубанцы в алые, малиновые, синие бешметы. Узкие талии крепко стянуты поясами, сверкают серебряные – ажурной работы – газыри и наборы на поясках».[2]

Через некоторое время была утверждена повседневная и парадная форма кавалерийских казачьих частей в составе Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)[3], которая одновременно по сложившейся в былые исторические времена казачьей традиции стала и парадно-выходной одеждой казаков-колхозников во второй половине 1930-х годов. Отдельные элементы этой армейской формы, например, головной убор, годились и употреблялись казаками для повседневной носки. Поэтому в определенном смысле можно говорить об окончательном восстановлении (именно о восстановлении, возврате, но не возрождении!) мужского костюма казаков Юга России: донцов, кубанцев и терцев. Это были три

---

[1] Встреча донских, терских и кубанских казаков // Северо-Кавказский большевик. 1936. 5 марта.

[2] Ставский В. Станица. Кубанские очерки. М., 1930. С. 58.

[3] Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. Киров, 2002. С. 295.

родственных вида мужского военного платья, но, тем не менее, каждый комплекс был по-своему уникален.

Повседневная форма казачьих кавалерийских частей, конечно, была не столь броской и заметной, как парадная. Согласно принятым образцам, повседневная форма донцов состояла из «папахи, фуражки или пилотки, шинели, серого башлыка, бешмета цвета хаки, темно-синих шаровар с красными лампасами, общеармейских сапог, общекавалерийского снаряжения». Повседневная форма кубанцев и терцев состояла «из кубанки, фуражки или пилотки, шинели, цветного башлыка, бешмета цвета хаки, синих общеармейских шаровар с кантами: светло-синим у терцев и красным у кубанцев. Сапоги общеармейские, снаряжение общекавалерийское».[1]

Парадная форма донцов, кубанцев и терцев была, конечно, более яркой. Новая кавалерийская форма донцов состояла из типичных для них компонентов. В качестве головного убора использовалась фуражка, которая имела круглую форму и подбиралась донскими казаками по индивидуальному размеру. Основу казачьей фуражки составлял облегающий голову широкий обод (околыш), покрытый сверху у донцов сукном красного цвета (в старину для этого использовали исключительно красный бархат). Верхняя, основная (бóльшая) часть фуражки донских казаков имела довольно характерную форму круглого толстого и ровного блина (но большего чем околыш диаметра), поставленного на обшитый сукном изогнутый каркас под небольшим острым углом по отношению к околышу. Эта конструктивная часть казачьего головного убора называлась тулья. Тулья несколько возвышалась спереди и снижалась сзади до верхнего уровня околыша, имела темно-синий цвет (но во время первой мировой войны фуражки стали делать защитного, серовато-зеленого цвета или цвета «хаки»), а по круглому верхнему краю тулья отделывалась по стыковому с каркасом шву тонким красным кантом. Фуражка донского казака снабжалась довольно плотным и очень специфичным серповидным ко-

[1] Новая форма казачьих войск // Молот. 1936. 10 мая.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зырьком черного цвета, крепившимся под небольшим наклоном вниз непосредственно к околышу спереди. Фуражка обычно носилась донцами сдвинутой козырьком в правую сторону, а слева из-под него выпускался традиционный казачий чуб.

В зимнее время фуражка заменялась в утвержденной форме кавалерийских казачьих частей для донцов на папаху, которая представляла собой мягкий и теплый головной убор. Папаха имела круглую цилиндрическую форму в виде широкополосного подбитого тканью кожаного обода с вывернутым наружу мехом. Эта довольно высокая косматая мужская меховая шапка изготавливалась исключительно из нестриженной овчины (хотя в старину донские казаки предпочитали все же мех соболя или куницы) и увенчивалась суконным верхом (красным шлыком). Если же говорить о цвете казачьих папах, то преобладал у донских казаков черный цвет, а серые папахи, как правило, носили старшие офицеры (кстати, это традиционный казачий цвет для папах у донцов). Однако в реальности все напрямую зависело от эффективности работы конкретных армейских снабженцев. Вполне могли встретиться у донских казаков папахи и иных цветов, например, рыжие.

Форменный головной убор донцов увенчивался специальным отличительным знаком – металлической кокардой. Теперь вместо традиционного вытянутого вверх и выпуклого наружу казачьего овала с круговыми овальными линиями в центре и остроконечными узкими лепестками (также овально размещенными) по краям использовались слегка выпуклые пятиконечные красные звездочки с серпом и молотом посредине. Как и прежняя, новая символическая кокарда крепилась на околыш спереди по центру фуражки, а в зимнее время закреплялась спереди на папаху. В непогоду донские казаки, как и в досоветские исторические времена, непременно использовали для покрытия головы поверх головного убора башлык. Этот особой остроконечной формы капюшон с длинными концами выглядел также, как и башлык у кубанцев, но в отличие от него имел традиционный защитный цвет (серо-зеленоватый

тон). В этом случае донцы никоим образом не изменяли своим прагматическим приоритетам в отношении одежды.

В состав новой кавалерийской формы донцов входил казакин. Это был «сюртук»[1], как отмечается в цитированной нами выше публикации,[2] практически повторявший дореволюционный парадный мундир. Впрочем, точнее и правильнее будет говорить о коротком мужском верхнем платье в виде полукафтана с глубоким запахом, со стоячим воротником и длинными рукавами. Казакин традиционно застегивался на крючках, шился в талию из ткани защитного цвета, но имел сзади сборки, что позволяло казаку выправить переднюю сторону платья. Однако в реальных условиях 1930-х гг. казакин вполне мог быть заменен у донцов и обычной гимнастеркой.

В качестве штанов донские казаки вновь использовали, но теперь в качестве воинской формы, широкие и сужающиеся к голени шаровары, традиционно заправляемые в голенища сапог и несколько наплывающие сверху на них при ношении. Свободный крой этого элемента казачьего костюма был привычен и удобен в повседневном использовании. Шаровары изготавливали исключительно из синего сукна и нашивали вдоль боковых наружных швов лампасы, представляющие собой широкие полосы (ленты) красного цвета и подчеркивавшие принадлежность воина к донскому казачеству. Шаровары с красными лампасами были для донцов, пожалуй, самым главным элементом советской кавалерийской формы, без которой очень трудно себе представить донского конника. На ноги кавалеристы-донцы одевали высокую, охватывающую голени кожаную обувь. Тем самым, черные кожаные сапоги завершали достаточно эклектичный армейский костюм донских казаков, в котором сочетались и традиционные казачьи, и советские элементы (а порой и псевдосоветские вещи).

---

[1] Сюртук – от французского слова «surtout», означавшего широкое верхнее платье, представлял собой верхнюю мужскую длиннополую одежду с воротником, приталенную и двубортную.

[2] Донские казаки в Москве // Казачество под большевистским знаменем. С. 49 – 50.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Кубанцы и терцы в качестве кавалерийской формы, установленной для соответствующих казачьих подразделений РККА, носили: кубанки, бурки, башлыки, черкески, бешметы, шаровары и сапоги. Эти же перечисленные нами элементы составляли традиционный костюм кубанских и терских казаков. «Кубанка» (невысокая барашковая шапка) имела суконный верх, красного цвета у кубанских кавалерийских частей и светло-синего – у терских. В холодную или ненастную погоду костюм кубанских и терских казаков дополняла бурка,[1] которая, впрочем, нередко демонстрировалась самими казаками как элемент парадного костюма. Бурка представляла собой длиннополый войлочный плащ без рукавов с подчеркнуто выдающимися в стороны прямоугольными плечами. Под буркой, поверх черкески, за спиной, носили башлык, такого же цвета, как верх «кубанки», и бешмет: красный у кубанцев и светло-синий у терцев. Башлык одевался в непогоду поверх головного убора и выглядел как остроконечный капюшон с длинными концами. В костюме кубанских казаков башлык также играл роль дополнительного украшающего элемента, который размещался сразу за плечами на спине воина. Бешмет, как и в прежние исторические времена, шили в виде прямой рубахи со стоячим воротником. Цвет бешмета непременно совпадал с цветом суконного верха «кубанки». Кубанцы и терцы носили шаровары кавалерийского образца из темно-синего сукна и сапоги кавказского образца из мягкой черной кожи. Поверх бешмета одевалась черкеска, из темно-синего сукна у кубанцев и серо-стального – у терцев. Это характерный для кавказских народов мужской однобортный суконный кафтан без воротника, который исторически заимствовали в свое время терские и кубанские казаки. Типичный покрой черкески в 1930-е гг. практически не изменился. Она также, как и в прежние исторические времена, изготавливалась портными (или самими казаками) плотно прилегающей в талии (или в талию со сборками). Черкеска имела конусовидное расширение ткани книзу

[1] Агафонов О.В. Казачьи войска России… С. 295 – 296.

и длинные расширяющиеся к кистям рук рукава. На груди черкески обязательно нашивались кожаные гнезда для патронов (газыри). Однако «советская черкеска» была заметно короче дореволюционной и, кроме того, на рукавах казачьих командиров нашивались соответствующие советские армейские знаки различия. Таким образом, форма (она же парадная и повседневная одежда) «советских казаков» не являлась простым копированием костюма казаков дореволюционных, а несла на себе четкий отпечаток раннесоциалистической эпохи 1930-х гг.

Необходимо подчеркнуть, что не все представители власти на Юге России и даже не все казаки безоговорочно и некритично отнеслись к «разрешению» казачьей формы. Секретарь Северо-Донского окружкома Лукин в своем письме к Шеболдаеву выразил легкую обеспокоенность вполне возможными, по его мнению, инцидентами между казаками и пролетариями: «что делать с формой, я уже выше говорил об огромном движении за ношение формы, при чем, [многие донцы] натягивают на себя форму старого казаческого образца. Может случиться, что в Москве или других крупных городах рабочие, по старой памяти, эту форму могут снять».[1] В источниках, которые имеются в нашем распоряжении, не содержится ни малейших упоминаний о конфликтах между рабочими и казаками в период осуществления кампании «за советское казачество»; напротив, всячески подчеркивается благожелательное отношение населения к данному комплексу проказачьих мероприятий.[2] Впрочем, то, что документы молчат о конфликтах «советских казаков» с пролетариями или бывшими иногородними, еще не значит, что таких конфликтов не было вовсе: в конце концов, выражала же определенная часть жителей Юга России недовольство пересмотром отношения к казакам (и,

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 61.

[2] В частности, когда сотня донских казаков двигалась к Ростову, чтобы принять участие в торжественной межкраевой встрече казачества Юга России, в городах и рабочих поселках Дона устраивались демонстративно-теплые встречи донцов городским населением, в том числе и рабочими. Такая встреча, например, была устроена донцам в Шахтах (Единая советская семья // Молот. 1936. 11 марта).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

может быть, иной раз недовольство приобретало острые, деятельностные формы). В любом случае, учитывая многочисленные факты огульно-враждебного отношения к казакам со стороны иногородних в период коллективизации, опасения Лукина не кажутся надуманными, а сам он не выглядит перестраховщиком. Ведь после всех антиказачьих акций начала 1930-х гг. вполне естественно было ожидать агрессивных действий по отношению к казакам (пусть и «советским», пусть и «колхозным») со стороны части населения «крупных городов».

Некоторое количество донцов, кубанцев и терцев выражали желание модернизировать казачью форму с учетом новых исторических условий. Особенно такое желание было характерно для донцов, предлагавших привести их строгую, менее свободную и яркую форму, чем у кубанцев и терцев, в большее соответствие с насущными реалиями современной им эпохи. В частности, 45-летний казак-колхозник сельхозартели имени С.М. Буденного Мигулинского района Азово-Черноморского края Г. Лутченко предлагал в апреле 1936 г.: «старая форма у нас, донских казаков, не совсем подходит теперь. Во-первых, она очень неудобная, второе, это то, что она уж очень несовременна. Нам нужно было бы от старой формы оставить одни красные лампасы да фуражки, остальное сделать такое же обмундирование, которое носят в армии сейчас кавалерийские части».[1] С ним был полностью согласен 65-летний казак хутора Коноваловского того же района Т.И. Брехов, также предлагавший «оставить только старые лампасы да фуражки», а остальное обмундирование «заменить таким, которое бы отвечало нашему Советскому культурному и зажиточному казачеству».[2] Особенно активно выдвигали предложения по замене казачьей формы на новые, более современные образцы, молодые казаки. Они, как и любые другие представители их поколения, стремились в большей мере следовать склады-

[1] Сводка Мигулинского райотдела НКВД… 26 апреля 1936 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. М., 2002. С. 754.

[2] Там же, С. 754.

вавшейся тогда моде и зачастую предлагали создавать новые образцы обмундирования: «нам нужна форма такая, которая бы казака красноармейца облагораживала бы и вместе с тем выделяла от других частей РККА. Старая форма для молодежи советского казачества не подойдет».[1]

Более того, не все казаки Юга России выражали желание вообще носить свою форму как повседневную или хотя бы как парадно-выходную одежду. В значительной мере такая позиция являлась закономерным следствием социально-экономических процессов в СССР конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда в ходе индустриализации и коллективизации немало казаков сменили свое место жительства, род основных занятий и сам образ жизни. Скажем, казакам, ставшим промышленными рабочими, не было никакого резона носить традиционный казачий костюм.

Вместе с тем, ряд видных по тем историческим временам выходцев из казачьего сословия вообще не придавали большого значения традиционной казачьей форме или, более того, скептически относились к ней как к некоему пережитку «реакционного прошлого». В частности, заведующий животноводством колхоза «Знамя колхозника» Мигулинского района Азово-Черноморского края Ф.М. Скылков во время выборов в Верховный Совет СССР в конце 1937 г. (куда он был выдвинут кандидатом в депутаты от Миллеровского избирательного округа) позировал фотографам в характерной для 1930-х гг. армейской гимнастерке с орденом Ленина на груди.[2] Вряд ли это было какой-либо неожиданной случайностью, учитывая несколько отстраненное отношение Ф.М. Скылкова к своему казачьему происхождению. О таком отношении убедительно свидетельствовало его позиционирующее высказывание на съезде передовиков животноводства в Москве в феврале 1936 г.: «я *бывший* (курсив наш – *авт.*) казак, да и сейчас числюсь донским казаком». Примечательно, что в той же речи он,

[1] Там же, С. 754.
[2] Колхозница. 1937. № 11. С 5; № 12. С. 9.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

тем не менее, решительно ручался самому И.В. Сталину: «если какое-нибудь свиное рыло попытается лезть своим носом в наш советский огород, то все мы своей казачьей рукой, казачьей шашкой, на казачьем донском коне отсекем ему нос и заодно и голову прочь».[1]

Несколько прохладное отношение к процессам популяризации казачьего костюма выказывала и прекрасная половина казачества. Все же, как мы отмечали выше, традиционный, хотя и несколько упрощенный женский костюм оставался преобладающим в казачьих станицах. По сравнению с мужским костюмом в 1930-е гг. одежда донских, кубанских, терских казачек-колхозниц выглядела гораздо скромнее. Повседневной, да и парадной, одеждой казачек летом служили рубаха или блузка с отложным воротником (поверх которой иногда надевали кофточку), юбка или платье – однотонные по цвету либо самых разных смешанных расцветок. Последнее в большей мере зависело не столько от эстетических вкусов самих казачек-колхозниц, сколько от их скромных материальных возможностей. Голову казачки обычно повязывали платком или (чаще) косынкой. Осенью и зимой тот же наряд с учетом наличествующих погодных условий дополнялся стеганкой, чулками, теплым платком. Примечательно, что женский костюм на Юге России существенно не менялся не только в 1930-х гг., но и на протяжении последующих двадцати – тридцати лет, как о том свидетельствуют сохранившиеся фотодокументы.[2]

Одежда казачек Юга России, практичная и удобная в сельских условиях, была, конечно, менее модной и яркой, чем типичные наряды горожанок. Последним, кстати, это давало повод в межличностном общении насмехаться над сельскими женщинами и девушками. Председатель одного из кубанских колхозов

---

[1] Речь Ф.М. Скылкова на съезде передовиков животноводства в Москве 13 – 16 февраля 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 55, 57.

[2] Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. С. 110, 122, 123; Колхозница. 1937. № 1. С. 17; № 7. С. 7, 10, 14, 15; № 8 – 9. С. 1.

З.О. Кияшко вспоминал, как был неприятно уязвлен и чрезвычайно обижен, когда, будучи в городе, случайно услышал, как одна из идущих впереди него по улице горожанок укоризненно сказала своей подруге: «Что за платье?! Ты в нем выглядишь, как колхозница!».[1] Неудивительно поэтому, что многие сельские женщины, и особенно девушки, стремились следовать за городской модой и, если им позволяли средства, то непременно носили береты (для чего делалась соответствующая короткая стрижка), костюмы и другие характерные для того исторического времени «городские» наряды.

Казачки Юга России в данном случае вовсе не составляли никакого исключения и также пытались хоть как-то угнаться за своенравной «городской» модой. Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени однозначно именуется кубанской казачкой.[2] Однако фотографам периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а исключительно в городских нарядах, что вполне естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей было всего лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР, куда П.И. Ковардак была выдвинута кандидатом, она была сфотографирована в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по тогдашней моде волосами.[3]

Во время развертывания кампании «за советское казачество» в одном из номеров «Молота» была помещена статья о донской казачке, колхознице сельхозартели «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края Вере Куркиной – одной из инициаторов движения «ворошиловских кавалеристов». На фото-

[1] Кияшко З.О. Годы колхозной жизни. Литературная запись Г. Новогрудского, А. Дунаевского. Краснодар, 1953. С. 59.

[2] Письмо казаков колхозных кавалерийских сотен Дона, Кубани и Терека И.В. Сталину. 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 41.

[3] Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

графии Вера, которой в 1936 г. исполнялось двадцать лет, была запечатлена в кубанке (а над обрезом фотографии виден ворот тужурки или стеганки). Но в статье при этом отмечалось, что Вера «не менее других молодых казачек любит наряжаться. Она давно уже мечтает о красивой шляпке с цветочками. И хотя на хуторе среди девушек не принято еще носить шляпок, Вера твердо решила одеваться так, как одеваются городские комсомолки».[1]

Можно утверждать, что костюм «советских казаков» Юга России не являлся простым копированием сложившихся дореволюционных образцов. Он сочетал в себе как традиционные элементы, так и ряд характерных советских новаций, при явном преобладании первых над последними. Это, безусловно, свидетельствовало о наличии устойчивого архетипа в казачьем костюме, который невозможно в одночасье изменить и не затронуть при этом генерализующие основания казачьей субкультуры. Тем более, что в казачьем костюме наличествовали целый ряд существенных, характерных элементов, которые не только по-прежнему поражали эстетические взгляды современников, но и позволяли однозначно идентифицировать казачью общность как таковую. Небольшие советские включения никоим образом не изменяли общей конструктивной композиции казачьего костюма. Этим сочетанием «советский» казачий костюм в полной мере отражал специфику раннесоциалистической эпохи 1930-х гг., когда сталинский режим, целенаправленно декларируя построение «социалистического общества», непременно сохранял и даже старательно укреплял целый ряд социально-экономических и общественно-политических компонентов предшествующих эпох (таких, как крепостная зависимость крестьянства, подчиненность общества государству и пр.).

Если внешний облик казаков в 1930-х гг. изменился несущественно, то в отношении казачьих станиц наблюдались противоположные тенденции. В советской прессе постоянно подчеркивалось,

[1] Данишевский М. Вера Куркина // Молот. 1936. 5 марта.

что результатом коллективизации (и в целом политики ВКП(б) и правительства СССР) стало разительное улучшение культурно-бытовых условий деревни (в том числе сел и станиц Юга России): создание школ, библиотек, больниц, развитие сети детских дошкольных учреждений и пр. Например, советские журналисты так описывали станицу Вешенскую в самом начале 1930-х гг.: «теперь в ней: «Дом крестьянина и казака», школа-девятилетка, народный дом, изба-читальня, кооперация – все это обслуживает не только население станицы, но и окрестных хуторов. Казаки и казачки, приезжая на базар, в районную, неплохо оборудованную, амбулаторию, в РИК (райисполком – *авт.*), или, наконец, в магазины ЕПО (Единое потребительское общество – *авт.*), часами стоят на улице, у громкоговорителя, передающего из Ростова н/Д. и Миллерова последние новости и различные концерты».[1]

Действительно, коллективизация, имевшая одной из своих задач модернизацию сельской повседневности, должна была изменить к лучшему облик казачьих станиц. В конечном счете указанная задача была реализована, хотя и далеко не полностью (причем иной раз бездумное стремление к стиранию «различий между городом и деревне» крайне негативно сказывалось на жизнедеятельности сельских сообществ). Однако вновь следует отметить, что процессы формирования социальной инфраструктуры казачьих станиц Юга России (как и процессы улучшения бытовых условий жизни казаков-колхозников) относятся по большей мере ко второй половине 1930-х гг. В первой же половине десятилетия преобладало не созидание, но разрушение: в казачьих станицах пустели или растаскивались по бревнышку дома «раскулаченных» казаков, вырубались сады, уничтожались или осквернялись церкви, и т.д.

В источниках содержится немало свидетельств о разрушении в период коллективизации казачьих станиц, принимавшем иногда чудовищные масштабы и самые уродливые формы. Особенно по-

[1] Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. 1930. № 4. С. 32.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

страдали кубанские станицы в период «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок» в 1932 – 1933 гг. В частности, в октябре 1933 г. директор Копанской машинно-тракторной станции Северо-Кавказского края рассказывал на совещании директоров новых МТС, что «станица [Копанская] была большая, но сейчас разрушена».[1] И это далеко не единственный пример. Сотрудники ОГПУ 7 февраля 1934 г. направили краевому руководству Азово-Черноморского края «совершенно секретную» докладную записку о состоянии станиц Красноармейской (бывшая Полтавская) и Ленинградской (бывшая Уманская). Состояние станицы Ленинградской оценивалось следующим образом: «внешне станица идет по линии разрушения – заборы[,] древонасаждения и т. д. беспощадно уничтожаются. Вид станицы за исключением центра – тяжелый».[2] Подчеркивалось при этом, что «разрушение станицы особо усилилось, в связи с производством расчетов, так как отсутствие топлива заставляет колхозников изыскивать его на месте в станице (переселенцы печь хлеб при использовании, как топлива, – соломы, не умеют, а кизяки и друг.[ие] виды топлива отсутствуют)».[3] Иными словами, разрушение станицы являлось не только следствием «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок», в ходе которого местные жители были депортированы и дома остались без хозяйского присмотра, но и негативных характеристик колхозной системы (колхозы не обеспечивали потребность своих членов в топливе, вследствие чего заборы и постройки разбирались на дрова).

Примерно так же выглядела и станица Ново-Щербиновская Ейского района Азово-Черноморского края. В начале марта 1934 г. сотрудники ОГПУ, ссылаясь на доклад заместителя начальника политотдела Ново-Щербиновской МТС, сообщали краевому руководству о катастрофическом положении в станице. По их словам, в прошлом Ново-Щербиновская была «с большим

[1] ГАРО, ф. р-2573, оп. 1, д. 127, л. 14.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 90.
[3] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 90.

количеством крупно-кулацких хозяйств, с большим количеством саманных и деревянных домов, крытых преимущественно железом, с различными надворными хозяйственными постройками (досчатые сараи, деревянные амбары, скотники, погреба). Все дворы в станице были обнесены досчатыми заборами, усадьбы засажены большими фруктовыми садами и акацией».[1] В общем, Ново-Щербиновская являлась богатой и процветающей кубанской станицей.

Но в настоящее время, продолжали работники ОГПУ, в станице «жилые дома, надворные постройки и заборы – в массовом количестве разрушаются и уничтожаются». Причем начало разрушению было положено не кем-нибудь, а станичным советом, который, стремясь пополнить местный бюджет, еще с лета 1933 г. «начал продавать соседним совхозам на слом самые лучшие жилые строения – кирпичные и деревянные дома». Совхозы при этом не мелочились и вместе с домами крушили надворные постройки; их примеру последовали и местные колхозы, которые стремились обеспечить себя стройматериалами, а своих колхозников – топливом. И, конечно же, не осталось в стороне местное население: «наконец, дома и хозяйственные постройки в большом количестве разрушаются населением – на топливо, что приобретает массовый характер, т.[ак] к.[ак] зачастую виновные не несут никакого наказания».[2]

Здесь необходимо сделать одно пояснение, иначе не до конца будет понятно, почему все эти разрушения производились в таких масштабах. Ведь дом, у которого есть хозяева, по вполне понятным причинам разрушен не будет. Однако в Ново-Щербиновской (как, впрочем, и в Копанской, и в Ленинградской, и в Красноармейской, и во всех других донских, кубанских, терских станицах, да и селах тоже) в период «колхозного строительства» множество домов остались без хозяев: кто-то был «раску-

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 41.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 41 – 42.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

лачен», кто-то выслан, кто-то расстрелян или заключен в тюрьму, кто-то умер от голода, а многие просто бежали из станицы, стремясь за лучшей долей в города или на производство. Масштабы запустения указаны в одном из документов Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), члены которого отмечали в апреле 1934 г., что в крае имеется 26 тыс. пустующих домов, из них «вполне годных для жилья» – 5,1 тыс.[1] Стоит ли удивляться, что в перечне районов и станиц, где находились пустующие дома, преобладали районы Кубани, пережившие трагедию «чернодосочных станиц». По данным крайкома, в 18 районах Кубани насчитывалось около 19,4 тыс. пустующих домов, а в 8 указанных в списке районах Дона был лишь 3 181 пустующий дом.[2] Иными словами, разрушение населенных пунктов (в том числе и казачьих станиц) – это прямое следствие «великого перелома».

Любопытно, что, описывая разрушение Ново-Щербиновской, сотрудники карательных органов нашли возможность возложить часть вины на «социально чуждые элементы» из числа местных жителей. Утверждалось, что единоличники, «которые не сеяли колосовых совершенно и не имеют соломы (для отопления), особенно [рьяно] уничтожают постройки». При всем том, что сотрудники ОГПУ нередко искажали факты, стремясь объяснять те или иные негативные явления, наблюдавшиеся в коллективизированной деревне, происками «кулаков» и «вредителей», сомневаться в справедливости процитированного утверждения не приходится. Дело в том, что отказ единоличников от сева колосовых культур в то время представлял собой повсеместно распространенную тенденцию.[3] Разумеется, оставшись без соломы (и не надеясь ее получить на трудодни, подобно колхозникам), единоличники, действительно, должны были превращать в топливо хозяйственные и жилые постройки в станице, где немало домов лишились хозяев в результате «раскулачивания» и репрессий.

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 31, л. 39об.

[2] Подсчитано по: ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 31, л. 50об – 52.

[3] Подробнее об этом см.: Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация… С. 416 – 420.

Отмечалось также, что в разрушении построек в Ново-Щербиновской виноват и вездесущий «контрреволюционный элемент», который, в отличие от прочих категорий населения, уничтожает дома «в целях вредительства». В частности, «кулачка» Лузова крушила соседние дома, принадлежавшие «раскулаченным» и высланным «кулакам» Гапону и Крипченко, объясняя свои действия следующим образом: «Надо выполнять завет Ленина – старое разрушим до основания, а новое пусть они (то есть коммунисты – *авт.*) построят, как хотят». Подобного рода явления действительно могли распространиться в станице, в которой разрушительной импульс коллективизации проявился с огромной силой. Однако действия станичников, подобных Лузовой, можно объяснить и не как «вредительство», а как проявление народного протеста против безумия коллективизации. Данное суждение тем более правомерно, что нередко «вредительством» объявлялись явно протестные акции крестьян и казаков. Так, «когда единоличнице Лысенко стансовет не дал разрешения продать дом, Лысенко начала со злобой разрушать дом (новый, построенный только 3 год тому назад)», говоря при этом: «Дом мой, что хочу, то с ним и делаю».[1]

Вне зависимости от настроений и мотивов действий крестьян и казаков Ново-Щербиновской, демон разрушения, вселенный коллективизацией в их сердца, полностью восторжествовал в станице: «с домов снимаются ставни, рамы, двери, крыши, крыльцо; остаются одни стены. Сараи, навесы, погреба и др. надворные постройки, а также заборы разбираются до основания. Деревья рубятся и сжигаются». «В результате разрушения построек», констатировали сотрудники местного политотдела и ОГПУ, «по всей станице образуются громадные пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев».[2] Учитывая, что подобное наблюдалось далеко не в одних только Копанской,

[1] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 43.
[2] ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 41 – 42, 43.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Ленинградской или Ново-Щербиновской, сельская местность Юга России в период коллективизации начинала походить на территории, подвергнувшиеся вражескому нашествию.

Соответственно, в сельских населенных пунктах (в том числе и в казачьих станицах) в период насильственной коллективизации культурно-бытовая сфера чаще всего находилась в состоянии не развития, но упадка или, – в лучшем случае, – стагнации. Крестьяне и казаки, привычные к дефициту культурно-бытовых и просветительных учреждений, не особенно переживали по этому поводу (бегство сельской молодежи в города по причине культурно-бытовой неустроенности начнется гораздо позже, лишь в 1960 – 1980-х гг.). Но сторонние поселенцы (а именно, горожане или красноармейцы), волею судеб очутившиеся в селах и станицах Юга России, испытывали сильный дискомфорт. Показательно в этом отношении письмо красноармейцев-переселенцев колхоза им. Балицкого (станица Красноармейская, бывшая Полтавская), направленное в штаб Северо-Кавказского военного округа 9 июня 1933 г. С гордостью докладывая, что они в основном справились с посевной, красноармейцы сетовали на ограниченность возможностей поднимать свой культурный уровень: «мало у нас книг в наших лен[инских] уголках[,] нет Радио в лен[инских] уголках[,] нет спортивных инструментов и снарядов[,]… нет совершенно учебников для парт[ийного] просвещения повышенного типа[,] нет Музыкальных инструментов», и т. д.[1] И такое же положение наблюдалось повсеместно.

Только вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась для сел и станиц Юга России последовательной работой по созданию и расширению социальной инфраструктуры. Причем большой вклад в развитие систем сельского образования, просвещения, здравоохранения, бытового и культурного обслуживания внесло не столько государство, сколько колхозы, которые зачастую на собственные средства строили и ремонтировали школы, библио-

[1] ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 442, л. 34об.

теки, избы-читальни, клубы, дома культуры, амбулатории, и прочие подобные заведения. В результате приложения совокупных усилий государства и колхозов казачьи станицы Юга России во второй половине 1930-х гг. заметно преобразились.

В конце 1936 г. секретарь Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухов писал: «неузнаваемой становится станица Старо-Ниже-Стеблиевская – районный центр. До революции станица имела 4 трактира и 7 пивных. Сейчас имеются звуковое кино, дом культуры, радиоузел, электростанция, 4 колхозных клуба, парк культуры и отдыха. В клубе ворошиловских кавалеристов обучается 200 советских казаков, которые умеют метко стрелять в цель с коня и стремительно рубить клинком. 500 лучших отважных всадников, освоивших знания ворошиловского кавалериста, обещает дать клуб к 1 мая 1937 г. В будущем году намечено в районе построить 4 школы и один межколхозный клуб на 800 человек».[1] Старо-Ниже-Стеблиевская не являлась исключением: на Кубани было немало станиц, подобных ей. В частности, в станице Старая Титаровка Темрюкского района Кубани в 1939 г. имелись школа-девятилетка и 12 начальных школ, каждый колхоз станицы построил клуб.[2] В целом же в Краснодарском крае к исходу 1930-х гг. насчитывалось 1 739 колхозных клубов и 1 112 колхозных библиотек, 598 изб-читален, свыше 150 сельских больниц и т. д.[3]

Те же тенденции господствовали на Дону и Тереке. Как писал М.А. Шолохов в 1937 г., «во что превратилось донское казачество за годы Советской власти? Не только в станицах, но и в хуторах почти в каждом доме имеются дети – учащиеся в средних школах. Казаки-колхозники уже не думают о том, чтобы вырастить сыновей, умеющих только работать в поле. Они хотят

[1] Из статьи секретаря Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухова в газете «Молот» о победе социалистического уклада жизни в кубанской станице // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 681.

[2] Котов Г., Струков М., Горбатенко Г., Френкель Я. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 5. С. 149.

[3] Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 525, 534.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

видеть своих детей инженерами, командирами Красной армии, агрономами, врачами, учителями. Растет новая, советская казачья интеллигенция».[1]

О культурно-бытовых переменах в терских казачьих станицах хорошо написал корреспондент «Орджоникидзевской правды» (ранее работавший в «Молоте» и «Северо-Кавказском большевике») И. Чилим, перу которого принадлежало немало ярких публикаций в региональной прессе первой половины 1930-х гг. Описывая жизнь станицы Мекенской на Тереке, он, по коммунистической традиции, противопоставил ее дореволюционное прошлое советскому настоящему: «когда-то старорежимный публицист есаул Караулов, претендовавший на знание казацкой жизни, писал:

«…Жизнь казаков груба и неприглядна. Досуг – это все увеличивающееся пьянство, драки. Казаки не имеют склонности к культурному развлечению» (из записок есаула Караулова).

«Не имеют склонности». Шутите, есаул Караулов!

В одной из своих заметок есаул сожалеет о том, что офицерские жены, гарнизонные дамы, не заботятся о просвещении казаков.

«А ведь можно бы сплотить людей благородного общества, организовать благотворительные спектакли».

Сто лет собиралось «благородное общество» просветить казаков благотворительным спектаклем. А вот как только вышибли из станицы, городов и всей страны это «благородное общество» – дело пошло на лад».[2]

И далее И. Чилим, обосновывая идею о гигантских положительных сдвигах в культуре и быте советской казачьей станицы Терека, остановил свое внимание на клубе станичного колхоза «12 годовщина Октября»: «клуб – это выстроенное колхозом прекрасное здание, какого не сыскать в иных городах, высится неподалеку от жалкой приплюснутой бывшей церквушки, ныне по горло напичканной зерном (символичная, и такая обычная для

[1] Шолохов М.А. Из речи перед избирателями Новочеркасского избирательного округа // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1975. С. 65.

[2] Чилим И. Станица // Орджоникидзевская правда. 1937. 24 октября.

«безбожной» советской эпохи картина, – бывшая церковь, оплеванная, осмеянная, закрытая по «воле трудящихся» и превращенная в склад горюче-смазочных материалов или, как в данном случае, в зернохранилище. Это воплощение изначально ущербной большевистской посылки о том, что сначала необходимо «разрушить до основанья» «старый мир», а потом уж строить мир новый, подается Чилимом, – в полном соответствии с идеологической доктриной, – исключительно как положительный факт – *авт.*). В клуб вмещается все трудоспособное население станицы – около 900 человек. Свой духовой оркестр, пианино, звуковое кино, свой театр и сверх того так называемая агитбригада из семнадцати девушек-колхозниц – физкультурно-плясовое и песенное объединение

В клубной читальне молчаливо сидят человек тридцать колхозников и колхозниц, уткнувшихся в книги об Избирательном законе, готовятся к выступлениям члены избирательных комиссий, читчики, беседчики (на 12 декабря 1937 г. были назначены выборы в Верховный Совет СССР, формально являвшийся высшим органов власти в стране – *авт.*). В фойе щелкает биллиард. Всюду не в меру сильный, временами чуть вздрагивающий электрический свет, обилие света».[1] А в зрительном зале клуба в это время шла кинокартина «Последний табор», посмотреть которую собралось немало колхозников. Один из сюжетов вызывает бурную иронию сельской аудитории: «Смех возникает в самом неожиданном месте.

– Ой, батюшки! Вот зашился режиссер, так зашился! Смотрите-ка, председатель колхоза ходит по загону спелой пшеницы, а в зубах папироска горит.

– Ничего, это просто актер непонимающий, а если делом говорить, так за это по шее следует.

– Ишь ты: курит на загоне!».[2]

[1] Чилим И. Станица // Орджоникидзевская правда. 1937. 24 октября.
[2] Чилим И. Станица // Орджоникидзевская правда. 1937. 24 октября.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Такие же позитивные сдвиги в культурно-бытовой сфере, вызванные «колхозным строительством», наблюдались во второй половине 1930-х гг. и в других терских казачьих станицах.[1] В них проводилось электричество, создавались школы, библиотеки, клубы и т. д.

Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что количественные показатели не отражают всей полноты картины и что успехи преобразований в культурно-бытовой сфере казачьих станиц преувеличивались советской пропагандой. В этом отношении показателен следующий пример. В октябре 1937 г. в областной газете Ростовской области «Молот» был помещен очерк «Хутор Лебяжий» (расположен в 15 км от Вешенской), где обосновывалась мысль об улучшении жизни донских казаков при советской власти. В числе прочего отмечалось, что шолоховский Кондрат Майданников порадовался бы за своих земляков, у которых теперь есть школа, клуб с радио, «магазин сельпо, в котором можно купить все, что надо – от иголки до добротного костюма».[2] Эта публикация «вызвала буквально ярость колхозников», так как оказалось, что радио в хуторе нет, «в клубе грязно и нет никаких кружков», нет электричества, в хуторской лавке (никакого магазина в хуторе не было) нет товаров и пр.[3] Подобные примеры несоответствия розовых иллюзий и неприглядной реальности были вовсе не единичны.

Да и дороги на Юге России (как, впрочем, и по всей стране) являлись такой же бедой, как и раньше. Хотя еще 1 февраля 1932 г. Колхозцентр РСФСР требовал от всех колхозцентров и главдортрансов республики наладить работы по совершенствованию путей сообщения в районах и округах сплошной коллективизации,[4] в 1930-х гг. дороги чаще всего оставались такими же разбитыми и непроезжими, как в период нэпа или в досоветскую

---

[1] В казачьих колхозах // Северо-Кавказский большевик. 1936. 27 октября; Чилим И. Станица на Тереке. Колхозная Калиновка // Северо-Кавказский большевик. 1936. 22 декабря.

[2] Мар Н., Бусыгин А. Хутор Лебяжий // Молот. 1937. 9 октября.

[3] ЦДНИ РО, ф. 9, оп.1, д. 14, л. 245.

[4] ГАРО, ф. р-2443, оп. 2, д. 647, л. 41.

эпоху. Поэтому, например, по территории Новочеркасского района Азово-Черноморского края (а затем Ростовской области) почту развозили нередко на самолетах, для чего привлекался авиаотряд при Новочеркасском авиационном институте. Как отмечают исследователи, «почту сбрасывали прямо с легкого почтового самолета над крышами сельсоветов, входивших в Новочеркасский район», а «для того, чтобы авиаторы не ошибались, на крышах стансельсоветов белой краской писали крупными цифрами номер почтового отделения».[1]

Выше мы процитировали слова секретаря Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухова о том, что в станице Старо-Ниже-Стеблиевской был клуб «ворошиловских кавалеристов», в котором обучалось 200 советских казаков. Надо сказать, что во второй половине 1930-х гг. клубы «ворошиловских кавалеристов» превратились в такой же непременный элемент повседневности казачьих станиц, как, скажем, школа или больница (или, на худой конец, фельдшерский участок). Клубы «ворошиловских кавалеристов» были столь популярны в казачьей среде и играли столь важную роль в жизни «советского казачества» (в первую очередь молодых казаков), что им необходимо уделить особое внимание в нашей работе.

Клубы (или кружки) «ворошиловских кавалеристов» («ворошиловских всадников») представляли собой, по существу, военно-спортивные негосударственные, добровольные организации, создававшиеся на общественных основах в колхозах и совхозах Юга России (иной раз даже на промышленных предприятиях и при учреждениях) с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА. В этих клубах и кружках молодые казаки проходили начальную военную подготовку, обучаясь навыкам джигитовки, владения холодным и огнестрельным оружием, отрабатывая способы действий в бою путем участия в военных играх.

[1] Кирсанов Е.И., Пониделко А.В. Новочеркасск – столица мирового казачества: История и современность. М., 2008. С. 501.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Необходимо подчеркнуть, что процесс создания клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» представляет собой один из немногих случаев, когда интересы советской власти и казачества практически полностью совпали. В сознании «колхозного казачества» Дона, Кубани и Терека, несмотря на все произошедшие в период коллективизации метаморфозы, одной из доминант являлось осознание себя воином, защитником Отечества. Поэтому казаки весьма серьезно относились к военному обучению, к разного рода военным играм и состязаниям, справедливо полагая, что здесь они оттачивают свои боевые навыки, необходимые для службы в армии и для защиты страны. Такое отношение было характерно и для казачьей молодежи (не случайно представители районного руководства Орджоникидзевского края отмечали в 1940 г., что казачья «масса, в особенности молодежь, принимает активное участие в вопросах оборонной работы»[1]), и для казаков старших возрастов. Эту позицию красноречиво отражают слова казака-колхозника сельхозартели им. 8 марта Крыловского района Краснодарского края П.Д. Дубины, который в 1938 г., в письме в редакцию краевой газеты «Большевик» обязывался защищать свою Родину от фашизма и с гордостью указывал: «не даром я в 1936 году взял всесоюзное первенство по рубке лозы, а в этом году завоевал краевое первенство на первомайских соревнованиях ворошиловских всадников в Краснодаре».[2]

Что касается представителей власти, то они, ввиду ожидавшейся войны с нацистской Германией, придавали большое значение военной подготовке населения (всевобуч), в которой заметное место принадлежало клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристов». В связи с этим стремление казачества к созданию клубов «ворошиловских кавалеристов» и к участию в них нашло полное понимание и поддержку у советского политического и во-

[1] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 754, л. 87.

[2] Письмо казака-колхозника колхоза им. 8 марта Крыловского района [Краснодарского края] Петра Дмитриевича Дубины «Множить ряды ворошиловских всадников» // Большевик. 1938. 16 мая.

енного руководства. Отнюдь не случайно (и вряд ли по собственной инициативе) участников движения «ворошиловских кавалеристов» 20 февраля 1936 г. приветствовал не кто-нибудь, а начальник Генерального штаба РККА, маршал А.И. Егоров, указывавший, что «это движение, начатое по инициативе самих масс и возглавляемое Азово-Черноморским крайкомом партии, является могучим залогом в деле укрепления обороноспособности нашей страны».[1] Еще раньше, – 31января того же года, – полное одобрение и поддержку «ворошиловским кавалеристам» выразил такой известный (буквально легендарный) в СССР, и особенно на Юге России, человек, как маршал С.М. Буденный.[2]

Инициаторами движения ворошиловских кавалеристов стали молодые казаки из колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края, и их инициатива хорошо вписалась в мобилизационный характер общественной жизни. В конце 1935 г. они обратились с призывом «ко всем сельским комсомольцам и молодежи Советского Союза» создавать в колхозах и совхозах конно-спортивные кружки и клубы «ворошиловских кавалеристов», которые должны были дать вооруженным силам страны подготовленных новобранцев. «Коней для обороны мы готовим, а за людей еще не взялись. Сесть на коня и пустить его вскачь – это каждый может», – писали в своем обращении молодые казаки Тарасовского района. – «Но мы хотим, чтобы каждый комсомолец, каждый молодой колхозник умел по-ворошиловски стрелять и по-ворошиловски, по-буденновски конем управлять, чтобы знал подход к лошади, правильную кавалерийскую седловку, посадку, умел бы на коне владеть оружием, умел бы сохранить силы коня в большом походе».[3] Это начинание было одобрено в специальном постановлении Азово-Черноморского крайкома ВКП(б).[4]

---

[1] Егоров А.И. Ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 23 февраля.
[2] Буденный С.М. Нам нужны красные конники // Молот. 1936. 1 февраля.
[3] Ворошиловские всадники // Молот. 1936. 29 января.
[4] Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. С. 118.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Первыми на призыв тарасовцев откликнулись комсомольцы Константиновского района Азово-Черноморского края. Местный райком ВЛКСМ принял решение создать клубы «ворошиловских кавалеристов» в двух колхозах – «Красный путиловец» и им. Дзержинского.[1] Затем подобные клубы стали создаваться в самых разных районах и колхозах Азово-Черноморья.

Не остался в стороне и Северо-Кавказский край. Здесь на призыв молодежи колхоза «Донской скакун» первыми откликнулись бригадир комсомольско-молодежной бригады А. Кантемирова, организовавший первый в крае конно-спортивный «кружок джигитов», и Биля Мисостишхова, создавшая клуб «ворошиловских кавалеристов». Северо-Кавказский крайкома ВКП(б) 13 февраля 1936 г. принял специальное постановление, в котором одобрял инициативу Кантемирова и Мисостишховой, давая понять молодежи Северного Кавказа, что занятия конным спортом будут только приветствоваться представителями власти.[2]

Наиболее же сильный импульс процессам создания, развития и функционирования клубов «ворошиловских кавалеристов» дала кампания «за советское казачество». Как мы уже отмечали, первоначально участие и роль казаков в движении «ворошиловских всадников» не афишировалась. Но именно казаки, с их военно-патриотическими традициями, являлись главной движущей силой при создании клубов «ворошиловских кавалеристов». Поэтому в ходе кампании «за советское казачество» движение «ворошиловских всадников», и ранее не обделенное вниманием властей, стало всячески популяризироваться среди казаков, что самым благотворным образом сказалось на увеличении числа данных заведений и их функционировании.

По сообщениям прессы, на родине движения казачьей молодежи за овладение искусством кавалерийских атак, – в Северо-

[1] Ворошиловские всадники // Молот. 1936. 29 января

[2] Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развитии конного спорта в Северо-Кавказском крае» от 13 февраля 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 16 февраля.

Донском округе Азово-Черноморского края, – на 1 марта 1936 г. насчитывалось 86 кружков «ворошиловских кавалеристов».[1] К началу апреля в Северо-Донском округе было уже 300 кружков «ворошиловских всадников»,[2] а в целом по Азово-Черноморскому краю – до 600.[3] Быстро росла численность данных заведений и в Северо-Кавказском крае. По имеющимся данным, в начале февраля 1936 г. в Северо-Кавказском крае имелось 250 конно-спортивных «кружков джигитов» и 100 клубов «ворошиловских кавалеристов».[4] А в середине марта 1936 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов утверждал, что, «когда наши колхозники шли вокруг Кавказского хребта, по всему краю у нас поднялось широкое движение за организацию в колхозах клубов «ворошиловских кавалеристов», и теперь «свыше 250 клубов у нас уже организовано».[5]

Создание и функционировании клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» продолжалось на Юге России вплоть до начала Великой Отечественной войны. Так, в 1940 г. в Воздвиженском, Рагулинском, Вознесенском сельсоветах Дивенского района Орджоникидзевского края при Домах обороны[6] были созданы межколхозные кружки «ворошиловских кавалеристов»; такой же кружок одновременно возник и в колхозе «Пролетарская сила» села Отказного того же края.[7] В Наурском районе Орджо-

[1] 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 4 марта.

[2] Вышеград. 300 кружков ворошиловских кавалеристов // Молот.1936. 10 апреля.

[3] Почему в Ростове нет клуба ворошиловских кавалеристов? // Молот. 1936. 10 апреля.

[4] Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развитии конного спорта в Северо-Кавказском крае» от 13 февраля 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 16 февраля.

[5] Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 25.

[6] Дом обороны – учреждение в системе всевобуча, целью которого являлась военная подготовка населения, в первую очередь молодежи. В сельской местности Дома обороны существовали в колхозах, совхозах, станицах и селах, создавались и функционировали за счет местного бюджета или средств колхозов и совхозов, при поддержке или прямом руководстве со стороны работников Осоавиахима, военкоматов и военных частей.

[7] Новые кружки ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 18 октября.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

никидзевского края райком ВКП(б) решил создать казачью полусотню на колхозных конях (которая комплектовалась в основном за счет членов кружков «ворошиловских кавалеристов»), что и было выполнено уже к февралю 1940 г.[1] В колхозе «Красный боец» Приморско-Ахтарского района Краснодарского края к августу 1940 г. насчитывалось 68 «ворошиловских всадников».[2] В том же году в колхозе «Донской скакун» Тарасовского района Ростовской области, – родине движения «ворошиловских кавалеристов», – насчитывалось 90 колхозников, с успехом закончивших обучение кавалерийскому делу. Кроме того, здесь был сформирован еще один отряд курсантов, стремившихся освоить верховую езду, в количестве 20 колхозников и 30 школьников. Тогда же в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области действовал кружок «ворошиловских кавалеристов».[3]

Что же собой представляли клубы «ворошиловских кавалеристов» и как проходил процесс обучения в них молодых казаков? На эти вопросы источники дают вполне развернутые ответы.

Клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов», как правило, создавались при колхозах за счет колхозных же средств. Правда, существовали такие заведения и в городах, которые, по советской традиции, претендовали, ни много ни мало, на роль руководящих и объединяющих центров движения «ворошиловских кавалеристов». С.М. Буденный призывал южнороссийскую молодежь в марте 1936 г.: «ограничиваться только селом нельзя. Создавать клубы ворошиловских кавалеристов нужно на фабриках и заводах. Нужно организовать работу клубов и кружков ворошиловских кавалеристов так, чтобы охватить ими наибольшее число молодежи». И действительно, ряд организаций «ворошиловских кавалеристов» возник на учреждениях и промышленных

---

[1] Заикин А. Создадим эскадроны ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 11 сентября.

[2] Большевик. 1940. 30 июля.

[3] Черноусов И.П. В казачьем колхозе // День нашей жизни. Очерки. Статьи. Заметки. Письма. Документы (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д, 1940. С. 97 – 98; Макеев Н.В. Ворошиловские кавалеристы // Там же, С. 188.

предприятиях: в частности, на Донской государственной табачной фабрике, 1-й ростовской швейной фабрике, и т. д. Более того, официально первый клуб «ворошиловских кавалеристов» был создан 29 января 1936 г. в Ростове-на-Дону, причем в числе его учредителей были представители краевого руководства (впрочем, даже в апреле 1936 г. решение о создании этого клуба все еще оставалось на бумаге). К началу марта 1936 г. Северо-Донской окружной клуб «ворошиловских кавалеристов» был организован в г. Миллерово.[1] Однако подавляющее большинство подобного рода организаций располагались, что естественно, в сельской местности, в колхозах и совхозах (в 1930-х гг. на Юге России совхозов было намного меньше, чем колхозов, что соответствующим образом сказывалось и на соотношении колхозных и совхозных клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов»).

Основное отличие клубов от кружков «ворошиловских кавалеристов», судя по упоминаниям в источниках, заключалось в их размерах и степени организационно-юридического оформления. Клубы, по сравнению с кружками, были более многочисленны, располагали необходимым (и полным) комплексом основополагающих документов (в частности, уставом и пр.), нередко имели в числе учредителей представителей районного, окружного или даже краевого руководства, пользовались поддержкой военных чинов и работников Осоавиахима.

Впрочем, надо сказать, что практически любая организация «ворошиловских кавалеристов», будь то клуб или кружок, могла полностью рассчитывать на помощь или даже прямое участие со стороны военных специалистов или инструкторов Осоавиахима. Как правило, инструкторы районных отделений Осоавиахима принимали более-менее активное участие в подготовке молодых казаков. Что касается военных, то командующий войсками СКВО

[1] Клуб ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 11 февраля; 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 4 марта; Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта; Почему в Ростове нет клуба ворошиловских кавалеристов? // Молот. 1936. 10 апреля; Молот. 1936. 267 апреля.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Н.Д. Каширин в марте 1936 г. дал указание командирам частей оказывать всемерное содействие организациям «ворошиловских кавалеристов», в частности, инструктировать их руководителей, оказывать помощь учебными и наглядными пособиями, литературой, и т. п.[1]

Но при всей активности представителей военных частей Северо-Кавказского военного округа и инструкторов Осоавиахима в деле развития организаций «ворошиловских кавалеристов» основную работу по воспитанию и военной подготовке молодых казаков выполняли казаки старшего поколения. Для них эта работа являлась делом добровольным, своего рода общественной нагрузкой. Нередко старые казаки (старые и по годам, и по степени накопленного боевого и жизненного опыта) являлись не только руководителями кружков «ворошиловских кавалеристов», но также своего рода инструкторами и инспекторами, занимаясь вместе с молодежью и показывая ей на собственном примере, как надо действовать в конном бою. В прессе специально подчеркивалось, что опыт старых кавалеристов крайне важен при обучении казачьей молодежи: «нужно, чтобы кружки [«ворошиловских всадников»] перенимали опыт и знания старых кавалеристов, красных партизан, славных конников, которые под водительством Ворошилова и Буденного громили врагов пролетарской революции».[2]

Учитывая, что иногда в организациях «ворошиловских кавалеристов» состояла не только казачья молодежь, но и бывалые старики-казаки (выполнявшие в них роль наставников), казачьи шеренги на тех или иных смотрах и парадах внешне выглядели весьма колоритно. Один из ставропольских журналистов, описывая краевые состязания «ворошиловских конников» в августе 1940 г., не смог пройти мимо таких любопытных фактов: «в боевых казачьих шеренгах мы видели Андрея Трофимовича Москаленко из Бурлацкого района», которому исполнилось 82 года. «Сидел он в седле ровно.

[1] Помощь ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 22 марта.
[2] Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта.

Загорелая, грубая от работы рука лежала на эфесе серебром отделанном шашки.

Рядом с казаком Москаленко равняли строй Иван Шандро, Михаил Игнатенко и Николай Соколов – все из станицы Советской. Самому старшему из друзей – Мише Игнатенко – четырнадцать лет. Ивану Шандро в этом году исполнилось двенадцать. Они еще совсем малы ростом. Стремяные ремни пришлось намного укоротить. Но под друзьями боевые, резвые кони. И сидят в седле юные Ворошиловские всадники так, что не оторвешь».[1]

Для организации эффективного функционирования клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристов» нужны были не только кони, но и сбруя, шашки, пики, огнестрельное оружие, фураж и конюшни для конского поголовья, тир, манеж или хотя бы полоса препятствий и др. В богатых казачьих колхозах Юга России или просто тех коллективных хозяйствах, руководство которых проявляло не показную, но действительную, повседневную заботу о военной подготовке молодых казаков, организации «ворошиловских всадников» располагали всем необходимым. Один из образцовых клубов «ворошиловских кавалеристов», существовавший в селе Кевсала Ипатовского района Орджоникидзевского края, был описан ставропольскими журналистами в конце 1940 г.: «клуб имеет стандартную конюшню военного типа. В нем имеется два хорошо оборудованных и светлых класса для занятий, склады для фуража и оружия. Клуб располагает клинками и винтовками для учебы. Колхозы выделили для него хороших лошадей».[2] Однако далеко не во всех колхозах «Ворошиловские конники» обладали столь же богатой материальной базой.

Некоторое время представители власти раздумывали, стоит ли предоставлять советским казакам право ношения холодного оружия. По этому поводу секретарь Северо-Донского округа Азово-Черноморского края В.М. Лукин в феврале 1936 г. писал

[1] Шергов И. Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.

[2] Клуб ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 7 декабря.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

руководителю краевой парторганизации Б.П. Шеболдаеву: «прошу Вашего совета – на лицо большое стремление у казаков, особенно молодежи, участников [движения] Ворошиловских кавалеристов, иметь шашки и клинки. Дело серьезное, следует-ли итти на их взыскания».[1] Но сомнения скоро закончились, и вопрос был разрешен положительно, как о том свидетельствует уже хотя бы процитированное выше описание клуба «ворошиловских кавалеристов» села Кевсалы.

Процесс обучения молодых казаков в организациях «ворошиловских кавалеристов» любопытным образом сочетал в себе как традиционные черты, так и советские новации. Прежде всего, казаки старших возрастов, возглавлявшие многие из этих организаций, воспитывали казачью колхозную молодежь так, как это было принято в казачьих станицах еще в досоветские времена. Представители старших поколений казачества, родившиеся еще в 80-х – 90-х гг. XIX в., в бытность свою казачатами, проходили обучение по традиционным методикам, под руководством своих отцов и дедов, на их личном примере. По таким же методикам они обучали и молодежь советских казачьих станиц.

Процесс обучения «ворошиловских кавалеристов» описал Д.Петров (Бирюк) в одном из своих произведений – «Сказание о казаках». В данном произведении есть сюжет о том, как Александр Петрович Щегольков, возглавлявший кружок «ворошиловских всадников» в одном из донских колхозов, учил выросшего в городе Петю Ильина (один из главных героев произведения), премудростям конной езды и казачьей джигитовке: «И вот начал Щегольков учить юношу казачьей сноровке. Они седлали лошадей, брали старые шашки и выезжали за станицу. Дед Алексан с Петей мчались по выгону. В их руках, как молнии, полыхали палаши. Старик показывал юноше, как надо рубить лозу, как заставить лошадь брать препятствие, как положить лошадь».[2] Обучив

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 60 – 61.
[2] Петров (Бирюк) Д. И. Сказание о казаках. М.: Изд-во Минобороны СССР, 1973. С. 621.

Петю азам верховой езды, Щегольков ввел его в состав кружка «ворошиловских кавалеристов», в котором состояли «десятка полтора парней и две девушки». Перед началом занятий «дед Алексан» приказал седлать лошадей, что и было выполнено. Затем небольшой кавалерийский отряд отправился в степь, где «начались строевые занятия», а после них – скачка с препятствиями: «один за другим лихо скакали по выгону молодые казаки и казачки, перепрыгивая через барьеры и рвы». Занятия закончились лишь поздно вечером.[1]

Это литературное описание в полной мере подтверждается источниками. Вот как описан в прессе Орджоникидзевского края процесс боевой подготовки колхозной полусотни Наурского района в августе 1940 г.: «Полусотня прошла через станицу [Наурскую] и медленно скрылась за поворотом улиц. Там, на берегу Терека, среди крутояров и скирд она устроила широкий манеж, где ежедневно демонстрирует свою выучку и боевой опыт. На полном скаку коня молодые казаки рубят лозу, джигитуют и перелетают через плетни и барьеры, упорно овладевая искусством бесстрашной кавалерийской атаки.

Все это достается не так просто, как может иной раз показаться постороннему человеку. Без прекрасной выучки, без опыта, смелости и волевой закалки здесь ничего не выйдет. Эти качества необходимы каждому коннику. Удар шашки происходит в две – три секунды. Работа над этим ударом в широком понимании этого слова отнимает целые месяцы».[2]

Верховая езда, джигитовка, преодоление препятствий на лошади, рубка лозы, – все это были традиционные боевые навыки казачьих сообществ, и обучение этим навыкам в организациях «ворошиловских кавалеристов» проходило также по вполне традиционным, еще досоветским, методикам. Вместе с тем в изменившихся исторических условиях 1930-х гг. процесс военной

[1] Петров (Бирюк) Д. И. Сказание о казаках. М., 1973. С. 622, 623.
[2] Чумак И. Казачья полусотня // Орджоникидзевская правда. 1940. 15 августа.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

подготовки казачьей молодежи в определенной степени был модернизирован. Современная война требовала от казаков целого ряда новых знаний и навыков, без которых весьма сложно было не только победить, но и выжить в бою. Необходимо было учиться ориентировке на местности, работе с картой, использованию противогаза, и т. д., и т. п.; кроме того, по сравнению с подготовкой казаков в досоветские времена, в клубах «ворошиловских кавалеристов» уделялось немало внимания штыковому бою.

Как справедливо отмечали советские военные специалисты, «ворошиловские кавалеристы не должны ограничиваться изучением верховой езды. Они обязаны постигнуть все тонкости кавалерийского искусства: сигналы, команды, правила седловки, они должны научиться совершать большие переходы, сохраняя силы коня, усвоить правила ухода и кормления лошадей. Ворошиловский кавалерист должен владеть картой, компасом, в совершенстве изучить винтовку и шашку».[1] «Не только лихо джигитовать, искусно владеть клинком, но и поражать врага в рукопашном бою штыком и прикладом учатся молодые казаки станицы Наурской в клубе «Ворошиловских всадников», – такая подпись была помещена под фотографией в одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 8 января 1940 г., на которой было запечатлено, как председатель Наурского райсовета Осоавиахима А.Д. Демченко демонстрировал казачьей молодежи приемы штыкового боя.[2]

Молодые казаки оттачивали свои боевые навыки не только в ходе тренировок и занятий в кружках «ворошиловских кавалеристов». Способом совершенствования этих навыков, – и одновременно проверки уровня военной подготовки казачьей молодежи, – являлись периодически проводимые между разными клубами «ворошиловских всадников» учебные бои и соревнования различных уровней: от колхозных и межколхозных до краевых и

[1] Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта.
[2] Орджоникидзевская правда. 1940. 8 января.

всесоюзных. Победителем (чемпионом СССР) I Всесоюзных конно-спортивных соревнований по конкуру-иппику среди юношей (г. Ростов н/Д., 1936 г.) стал наш Учитель, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Давидович Всеволод Евгеньевич, в то время бывший простым мальчишкой с ростовской Богатяновки. Безусловно, такие соревнования были результатом многочисленных занятий «ворошиловских кавалеристов» на местах, в том числе с использованием боевых приемов.

Один из таких учебно-тренировочных боев был проведен в Наурском районе Орджоникидзевского края летом 1940 г. Молодые казаки-колхозники из Наурской районной казачьей полусотни в бою доказали, что не зря проводили время в кружках «ворошиловских кавалеристов»: «внезапной атакой полусотня прорвала фронт «синих» и, зайдя в тыл, разбила наголову всю ударную группу «врага».[1] Учебно-тренировочные бои – один из важнейших элементов военной подготовки «ворошиловских кавалеристов». Ведь в ходе этих мероприятий молодые казаки отрабатывали полученные во время занятий военные знания и навыки, учились коллективному взаимодействию в обстановке, приближенной к боевой.

В ходе конно-спортивных состязаний по скачке, джигитовке, рубке лозы, члены клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» не только демонстрировали боевые навыки, но и, – в соперничестве друг с другом, – проверяли уровень своей подготовки. Нередко соревнования устраивались между различными кружками того или иного района. В частности, в 1940 г. в Спицевском районе Орджоникидзевского края, где существовало три клуба «ворошиловских всадников», были проведены три конно-спортивных состязания, по итогам которых первое место занял клуб села Бештагир.[2] Устраивались также межрайонные (краевые или област-

[1] Чумак И. Казачья полусотня // Орджоникидзевская правда. 1940. 15 августа.

[2] Колхозная молодежь овладевает военными знаниями // Орджоникидзевская правда. 1940. 27 декабря.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ные) и даже межкраевые состязания. Как уже отмечалось выше, в мае 1936 г. в Пятигорске прошли межкраевые конно-спортивные состязания с участием донских, кубанских, терских казаков и горцев Северного Кавказа. В июне того же года в Ростове-на-Дону состоялись Азово-Черноморские краевые состязания казаков-колхозников. Соревнования колхозных конников устраивались в Орджоникидзевском крае (на Осетинской поляне в городе Ворошиловске) в октябре 1938 г. в честь двадцатилетия комсомола[1] и в 1940 г. Кроме того, проходили всесоюзные соревнования казаков-колхозников и членов организаций «ворошиловских кавалеристов», как о том свидетельствуют приведенные в предыдущих частях нашей работы слова кубанского казака П.Д. Дубины.

Конно-спортивные состязания, зачастую представлявшие собой красочные, захватывающие действа, привлекали тысячи зрителей, любовавшихся мастерством казаков-участников. В мае 1936 г. жители Пятигорска поражались ловкости терцев, донцов и кубанцев: «…начинается массовая джигитовка. Первыми идут всадники Северного Кавказа. Они показывают прекрасные образцы вольтижировки и целый ряд сложных пирамид.

Небольшой перерыв, и к трибуне приближаются всадники – донской и кубанский казаки. Вдруг неожиданный «выстрел». Донец камнем летит с седла. Его друг – кубанец – заставляет свою лошадь лечь возле «раненого». Он помогает донцу устроиться на лошади поперек седла. Затем поднимает коня, вскакивает на него и увозит товарища. Прекрасно исполненная инсценировка боевого эпизода вызывает дружные аплодисменты многотысячной толпы зрителей.

Донцы и кубанцы проходят компактной группой, создавая самые невероятные фигуры. Вот старик-калмык Басанов [донской казак] крутит пикой легко, как маленькой тросточкой. Вот мчатся кубанцы, стоя на седлах с клинками в зубах. Привязанный

[1] Шергов И. Состязания колхозных конников // Орджоникидзевская правда. 1938. 1 ноября.

под лошадью [донской казак] Алибашев на всем скаку наигрывает на гармошке. Вот один всадник скачет сразу на двух конях, поочередно перепрыгивая с одного на другого».[1]

Когда в августе 1940 г. в Орджоникидзевском крае проходили краевые конно-спортивные состязания, они тоже вызвали восторженные отклики зрителей. Пресса писала: «наш народ любит смелых и сильных людей. Наши славные советские казаки сильные и смелые люди. Можно без конца восторгаться ловкостью и бесстрашием крепких, затянутых в черкески людей, на бешеном галопе выбрасывающихся из седел, под животом скачущей лошади преспокойно читающих газету».[2] Высокой оценки удостоилось также искусство владения холодным оружием, которое терские казаки, члены кружков «ворошиловских кавалеристов», демонстрировали при рубке лозы (а также различных фигур, установленных на ипподроме; среди них ставропольские журналисты назвали «чучело», «шар», «кольцо», «картошка»): «происходит произвольная рубка. Повод брошен на шею лошади. В каждой руке всадника по клинку. Третий клинок в зубах. Нужно обладать поразительной ловкостью, чтобы на полном скаку четко выполнить все упражнение. Колхозные конники работают легко и чисто. Удар выверен и клинок не идет мимо цели».[3]

«Ворошиловские всадники» периодически проходили квалификационные испытания, отражавшие идеологическую концепцию социально-групповой состязательности. Конечным этапом военного обучения молодых казаков являлась сдача нормативов на право получения значка «ворошиловского кавалериста». Так, к октябрю 1940 г. в межколхозных кружках «ворошиловских кавалеристов» Дивенского района Орджоникидзевского края было подготовлено 32 кавалериста «первой ступени», а к 23-й годов-

[1] Гуревич Л. Праздник дружбы народов // Молот. 1936. 8 мая.

[2] Шергов И. Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.

[3] Шергов И. Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

щине Октября в каждом кружке готовились к сдаче нормативов на получение заветного значка по 8 – 9 молодых колхозников.[1]

Разумеется, функционирование системы подготовки «ворошиловских кавалеристов» проходило под сильнейшим воздействием советских реалий и большевистской идеологии. Сталинский режим был заинтересован в том, чтобы воспитать из молодых казаков Дона, Кубани и Терека не просто настоящих бойцов, но, в первую очередь – верных своих сторонников. Поэтому казачьей молодежи всячески внушалось (и в целом не без успеха) чувство верности и преданности идеалам коммунизма и советской власти. Поскольку же советская власть в конкретно-исторических условиях СССР 1930-х гг. являлась мифом (ибо не народ правил страной, но партийно-советское чиновничество), то преданность эта автоматически переносилась на сталинский режим и лично Сталина. Показателен в данном случае рассказ начальника клуба «ворошиловских кавалеристов» станицы Елизаветинской Азовского района Ростовской области Н.В. Макеева о том, как молодые казаки после занятий пели песню «Дума о Сталине» (как утверждали советские журналисты, это была «любимая казачья песня» в 1930-х гг.[2]):

«Собирались казаченьки на колхозном на дворе,
Думу думали большую раным-рано на заре:
Как бы нам, теперь, ребята, в гости Сталина позвать
И ему, отцу родному, все богатства показать…».[3]

Вместе с тем, несмотря на сильнейшее идеологическое давление, на специфическую терминологию, соответствующую эпохе («ворошиловские» кавалеристы), можно утверждать, что введение военного обучения в казачьих колхозах представляло собой не столько советскую новацию, сколько восстановление военно-патриотических традиций казачества. Мало того, что военная подготовка молодых казаков в клубах и кружках «вороши-

[1] Новые кружки ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 18 октября.

[2] Чекалин Ю. Красное знамя // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 октября.

[3] Макеев Н.В. Ворошиловские кавалеристы // День нашей жизни. С. 188.

ловских кавалеристов» осуществлялась традиционными методами, важно подчеркнуть, что в ходе обучения казачья молодежь, вольно или невольно, знакомилась с культурой и традициями своего субэтноса, проникалась особым «казачьим духом».

Таким образом, коллективизация представляла собой не только комплекс мер по преобразованию сферы аграрного производства, но и существенно изменила структуры повседневности российской деревни, в том числе и казачьих станиц Дона, Кубани и Ставрополья. В первой половине 1930-х гг. эти изменения зачастую носили преимущественно деструктивный характер (нехватка продовольствия, промышленных товаров, разрушение и запустение казачьих станиц). Вторая половина десятилетия характеризовалась ослаблением давления власти на колхозное крестьянство и казачество, оптимизацией функционирования колхозной системы, в связи с чем трансформации в сфере культуры и быта казачьих станиц не только усилились, но и приобрели положительный, созидательный характер (улучшение снабжения, развитие сети учреждений просвещения, здравоохранения, бытового обслуживания и т. д.). Вместе с тем сохранились многие традиционные черты казачьей повседневности, любопытным образом сочетавшиеся с новациями, в частности, казачий костюм или хотя бы его элементы (черкеска, бешмет, кубанка, рубаха, юбка, косынка и т. д.), специфика архитектуры и убранства домов, и пр. Традиционные черты менталитета казаков, такие, как осознание себя защитником Отечества, воином, дополнялись рядом новаций (отношение к труду как к средству построения социализма, готовность защищать именно социалистическую Родину и пр.). Подобный синтез стал результатом не только целенаправленной политики властей, но и устойчивости культурно-исторических традиций (архетипа) казачества. Сохранение традиционных элементов казачьей культуры и быта, базовых компонентов казачьей ментальности означало сохранение самого казачества как уникальной этносоциальной группы русского народа.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Очерк шестой
Было ли «расказачивание» в 1930-х гг.?

Как мы уже отмечали, сплошная форсированная коллективизация в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на Юге России сопровождалась целым рядом антиказачьих акций, в том числе таких масштабных, как депортация жителей «чернодосочных» станиц. Подобные акции дали основание современникам «колхозного строительства» утверждать, что большевики в период коллективизации вновь возродили политику расказачивания и попытались ликвидировать казачьи сообщества Дона, Кубани и Терека. В постсоветский период гипотеза о якобы осуществлявшемся в период коллективизации «расказачивании» получила широкое распространение и в публицистике, и в историографии: иногда утверждается даже, что расказачивание «стало фактически второй, тщательно скрываемой задачей в ходе осуществления сплошной коллективизации в Донском и Северо-Кавказском регионе в 30-х гг.»[1] Более того, по мнению ряда исследователей, именно во время «колхозного строительства», наряду с «раскрестьяниванием», получил свое закономерное завершение и трагический процесс «расказачивания».[2]

«Раскрестьянивание» советской деревни в ходе коллективизации – очевидный факт, доказанный специалистами. Думается, «раскрестьянивание» не было завершено ни за годы коллективизации, ни вообще в советское время, так как колхозники не превратились в сельхозрабочих, а деревня сохранила массу черт, отличающих ее как культурно-исторический тип от города. Но, хотя коллективизированная советская деревня и была генетически связана с

---

[1] Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 318.

[2] См., например: Чернопицкий П.Г. Об одном историческом мифе // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996. – Краснодар, 1996. С. 280; Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 22; Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 321.

деревней доколхозной (досоветской), она отличалась от нее рядом важнейших характеристик. В социальном плане ни колхозники, ни даже единоличники не представляли собой аналогов крестьянству доколхозной деревни, отличаясь от него спецификой социального статуса, хозяйственной деятельности, взаимоотношений с государством и пр. В ходе коллективизации традиционное российское крестьянство ушло в историю, и сегодня слово «крестьянин» может употребляться лишь в широком смысле, как «земледелец», «хлебороб» или просто «сельский житель». Возрастание же роли личных хозяйств в деревне на постсоветском этапе свидетельствует о сохранении у сельского населения черт крестьянственности (умение довольствоваться малым, демонстрировать чудеса работоспособности, предприимчивости и т. д.), но (как справедливо указывают специалисты) не об «окрестьянивании».[1]

Гораздо сложнее обстоит дело с трактовкой коллективизации как «расказачивания», ибо в данном случае существуют полярные точки зрения. Так, С.А. Кислицын, посвятивший данной теме ряд работ, выделяет в процессе «расказачивания» четыре этапа: гражданская война (расказачивание путем физической ликвидации представителей казачьего сословия), затем этап с 1921 г. по 1924 г. (давление на казаков, ограничение их в правах), затем «латентное», или «скрытое расказачивание» 1925 – 1928 гг. и, наконец, «этап преследования оппозиционно настроенных элементов казачества методами «раскулачивания», борьбы с «вредителями» и «саботажниками» хлебозаготовок и прямыми репрессиями против членов «повстанческих организаций» 1929 – 1939 гг.[2]

Напротив, по мнению В.Е. Щетнева, коллективизация применительно к казачьим регионам не может быть охарактеризована как расказачивание, ибо «к этому времени казачество утратило значительную часть своих сословных и этнических признаков» в результате предшествующих действий власти. Коллективизацию

[1] См., например: Наухацкий В.В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965 – 2000. Ростов н/Д., 2003. С. 176, 178.

[2] Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 322.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

можно назвать, полагает В.Е. Щетнев, «добиванием» казачества, но никак не заключительным этапом расказачивания.[1] Собственно, о том же писал и Е.Н. Осколков, указывая, что попытки лидеров ВКП(б) и советского государства в начале 1930-х гг. придать своим насильственным акциям в Северо-Кавказском крае антиказачий характер были заранее обречены на провал: «несостоятельность этой линии состояла в том, что казачества как сословия к началу 30-х гг. уже не было».[2]

В рамках возникшей дискуссии мы всецело разделяем позицию тех исследователей, которые полагают невозможным трактовать коллективизацию как заключительный этап «расказачивания». Вместе с тем, на наш взгляд, данная позиция нуждается в более серьезном обосновании, причем в ходе привлечения и анализа конкретно-исторических материалов целый ряд положений может быть скорректирован. Например, можно задуматься о том, в какой мере казачество было «добито» во время «колхозного строительства» в селах и станицах Юга России на протяжении 1930-х гг. Поэтому в данном очерке мы намерены документально (в том числе и на основе изложенных в предыдущих очерках фактов) обосновать гипотезу о том, что коллективизация не являлась заключительным этапом «расказачивания», несмотря на все антиказачьи акции советской власти (точнее, сталинского режима), имевшие место в конце 1920-х – 1930-х гг.

Прежде чем перейти к детальному обоснованию нашей позиции, необходимо определиться со смысловым наполнением «расказачивания» как базового понятия настоящей работы, поскольку именно особенности трактовки данного понятия в конечном счете предвосхищают те или иные авторские суждения и гипотезы. Какой смысл вкладывается в это понятие?

---

[1] Щетнев В.Е. Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом расказачивания? // Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции, г. Геленджик (8-11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 143.

[2] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц… // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 1993. № 1 – 2. С. 19.

При ответе на этот вопрос важно учитывать неоднозначность исторического статуса казачества. По справедливому замечанию В.Е. Щетнева, «казачество было юридически военно-служилым сословием, социально-экономической группой (казачье хозяйство) и этническим образованием (субэтнос)».[1] Соответственно, историографический обзор позволяет выделить несколько подходов к трактовке «расказачивания» и указать несколько его смыслов, отличных друг от друга.

Согласно одной из трактовок, «расказачивание» представляет собой процесс ликвидации казачества как особой социальной (сословной) группы в составе российского общества, «упразднение существенных черт казачества как военно-служилого сословия: почти пожизненной военной службы, наделения земельным паем за службу, отмена снаряжения казака на службу за его счет, отмена льгот казаку, уравнение его с крестьянством».[2] Собственно, это есть первоначальное значение «расказачивания», возникшее одновременно с началом данного процесса во второй половине XIX в., когда по мере генезиса капитализма казачьи сообщества начали постепенно растворяться в других социальных стратах (так, по некоторым данным, к началу XX в. около 8 тыс. донских казаков работали в фабрично-заводской промышленности и на транспорте[3]). В это время «расказачивание» представляло собой эволюционный процесс, своеобразный ответ казаков на изменившиеся социально-экономические условия, в которых привилегии их сословного статуса уже не компенсировали затрат и потерь, сопровождавших выполнение обязанностей. Как справедливо отмечает В.П. Трут, «ни о каких насильственных мерах воздействия на казачество в то время никто даже не заикался».[4] На

[1] Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 19.

[2] Чернопицкий П.Г. О расказачивании // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д., 2002. С. 482.

[3] Казачий Дон: Очерки истории / Под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д., 1995. С. 109.

[4] Трут В.П. Истребить поголовно… // Родина. 2004. № 5. С. 96.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

наш взгляд, такая трактовка «расказачивания» в наибольшей мере соответствует исторической реальности.

По другой, более расширенной трактовке, «расказачивание» представляло собой ни что иное, как «процесс уничтожения казаков как особой социальной общности».[1] В данном случае речь идет не только о ликвидации казачества как сословия, но и вообще об устранении казаков как социальной группы, имеющей (как и любая другая социальная группа) определенные традиции, особенности жизнедеятельности, коллективной психологии и пр. Кроме того, если «расказачивание», понимаемое в качестве ликвидации военно-служилого сословия, имеет более-менее четкие хронологические границы (вторая половина XIX в. – 20-е гг. XX в.), то «расказачивание» как уничтожение «особой социальной общности» казаков может быть распространено и на досоветский, и на весь советский период времени (ибо в этом случае под «расказачивание» может быть подведена практически любая антиказачья акция, каким бы правительством она не предпринималась). Отсутствие конкретики делает данное определение «расказачивания» изначально уязвимым.

Наконец, согласно еще одной, достаточно распространенной трактовке, «расказачивание» (в советский период времени) представляло собой «ликвидацию казачества как социально-этнографической общности вообще», ликвидацию «характерных черт, особенностей, свойств, признаков казачества как полувоенного сословия, слоя зажиточных землевладельцев и частично как обособленного субэтноса»,[2] «превращение казаков в обычных граждан».[3] Данная трактовка «расказачивания» близка к приведенной выше, но конкретизирует ее и серьезно дополняет указанием на то, что в советский период власть ставила перед собой цель частично ликвидировать казаков уже не просто как сословие и даже социальную общность, а как субэтнос. Иными словами, в

[1] Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь). С. 91.
[2] Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 318, 322.
[3] Донская история в вопросах и ответах. С. 261.

данном случае речь идет о намерениях власти полностью (или почти полностью) растворить казаков с их особой культурой, психологией и пр. в массе населения Советской России.

Итак, единства подходов к пониманию сути и характерных черт «расказачивания» (как процесса и даже как политики) среди специалистов не наблюдается. Естественно, различие подходов к трактовке «расказачивания» прямо влияет на установление хронологических границ данного процесса (политики). Выше мы уже цитировали высказывания исследователей о том, что «расказачивание», если его понимать как ликвидацию особого сословного статуса казаков, завершилось в 1920-х гг., когда советская власть отказала казакам в автономии и уравняла их в правах с крестьянами. Следовательно, в рамках такой позиции коллективизация не могла представлять собой заключительный этап «расказачивания», поскольку казаков как военно-служилого сословия к началу 1930-х гг. уже не существовало (несмотря на то, что в экономическом и имущественном плане казачество Юга России в доколхозный период все же выделялось из массы крестьян).

В противовес указанной трактовке, исследователи, определяющие «расказачивание» как ликвидацию казаков либо как «особой социальной общности», либо как «социально-этнографической общности», субэтноса, вправе расширять хронологические границы данного процесса (политики). Ведь в этом случае практически все антиказачьи мероприятия большевиков, от массовых репрессий до запрета носить штаны с лампасами, могут быть отнесены к политике «расказачивания», ибо в конечном счете они преследовали цель ликвидировать казачество как таковое. С таких позиций коллективизация, действительно, может быть охарактеризована как заключительный этап «расказачивания».

По нашему мнению, политика «расказачивания» в Северо-Кавказском крае закончилась в 1920-х гг. уравнением в правах казаков и иногородних. Казачество как сословие перестало существовать после преобразований 1920-х гг., хотя казаки как особая

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

этносоциальная группа сохраняли свои позиции (и экономические, и социальные) на Дону, Кубани и Ставрополье к моменту слома нэпа. В частности, несмотря на «осереднячивание» российской деревни в 1920-х гг.[1] (и несмотря на уравнительный земельный передел начала 1920-х гг.) казаки оставались все же более зажиточными, чем большинство окружающих их крестьян. По справедливому замечанию Н.А. Токаревой, применительно к условиям Дона и Северного Кавказа признаки крестьянских и кулацких хозяйств не работали. Если в среднем по России бедняцким считалось хозяйство беспосевное либо имевшее посев до 4 десятин, то на Дону в 1920-х гг. надел средней казачьей семьи составлял 12 – 15 десятин.[2] Кроме того, в условиях нэпа казачество продолжало сохранять прочные позиции на селе. Казаки не утратили свою культуру, обычаи, сознавали свою общность и непохожесть на местных крестьян.

Учитывая итоги нэпа, во время коллективизации «расказачивать» было уже некого. Речь уже не могла идти о ликвидации казаков как сословия. Но даже если мы определяем «расказачивание» как политику по ликвидации казачьих сообществ вообще (а не только как политику устранения сословных пережитков), то и в данном случае анализ конкретно-исторических материалов не позволяет ни отождествлять коллективизацию и «расказачивание», ни считать процесс «колхозного строительства» завершающим сокрушительным ударом по казачьей специфике.

Конечно, существует масса материалов, позволяющих утверждать, что в рамках коллективизации вольно или невольно пред-

---

[1] По данным статистических органов, к середине 1920-х гг. на Дону, Кубани и Ставрополье заметно увеличилось число середняцких хозяйств. Статорганы Кубани констатировали в 1925 г.: «совершенно ясно намечается линия: беспосевные и маломощные хозяйства сокращаются, за их счет усиливается группа середняков, внутри которой [заметна] передвижка в сторону крепких хозяйств, а наиболее крупные, чисто кулацкие хозяйства, сокращаются» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 902, л. 25). Однако и в это время казаки нередко выделялись из массы крестьян по мощности своих хозяйств.

[2] Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1928 – 1929 гг. (изменение политики государства в деревне): Дис. … канд. ист.наук. Ростов н/Д., 1994. С. 57.

принимались антиказачьи акции, направленные на ликвидацию казачьих сообществ, вовлечение казаков в колхозы и растворение их в безликой массе колхозников (упорствующих же ждало выселение за пределы родных станиц или вообще Северо-Кавказского края либо попросту физическое уничтожение). Об этом мы уже писали во втором и третьем очерках нашей работы. Вышеприведенные материалы свидетельствуют, что по отношению к казакам на Юге России коллективизация действительно воскрешала стереотипы и сценарии времен гражданской войны. Все это и дает основания исследователям трактовать процесс «колхозного строительства» как завершающую стадию «расказачивания» и утверждать, что с конца 1920-х – начала 1930-х гг. большевиками «вместо учета особенностей казачества был взят курс на их игнорирование и жестокое преследование их носителей».[1]

Однако, анализируя антиказачьи акции периода коллективизации, необходимо помнить о существовании двух различных позиций по отношению к казачьим сообществам, которых придерживались, соответственно, представители высших эшелонов власти (особенно краевого и окружного руководства на Юге России) и, с другой стороны – масса местных чиновников и активистов. Если краевое руководство было готово привлечь казаков-бедняков и середняков к участию в «колхозном строительстве», то местные чиновники из числа иногородних зачастую действовали по отношению ко всем вообще казакам лишь методами административного давления и репрессий. Характерный пример бесплодных споров между представителями различных уровней власти по поводу отношения к казакам приведен в публикации Д. Цалюка, помещенной в «Молоте» незадолго до того, как в той же газете было опубликовано апрельское (1930 г.) постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе с казачьим населением (вероятно, данную публикацию следует рассматривать как одну из подготовительных мер перед этим постановле-

[1] Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 318.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

нием; такое предположение тем более вероятно, что работа Д. Цалюка представляла собой первую статью на казачью тематику, помещенную в «Молоте» с января 1930 г.!):

«Сперва безнадежно махнули рукой.

– Нету у нас казака. Неоткуда взять и ничего не выйдет.

Назойливые товарищи из округа настаивали:

– Не может быть, ищите…

…Так в Уманской, где 28 тысяч населения, где две трети станицы, – казачество, – искали казака [на пост председателя станичного совета]… Но там хотя бы искали, а есть ведь немало мнящих себя ужасными ортодоксами коммунистических умников, которые не хотят искать». Так, некий Доценко из Кореновского района упрямо утверждал, что «у нас на Кубани середняк – не союзник нам», и у него имелось, признавал Д. Цалюк, немало сторонников, добавлявших:

«– Кто у нас середняк? – Казак. Кто такой казак? – Белый, контрик, гад, золотая рота».[1]

Д. Цалюк описал весьма характерный диалог между «товарищами из округа» и местными чиновниками станичного уровня: первые удивляются, что среди почти 20 тыс. казаков почему-то не находится кандидат на пост главы стансовета, а вторые убеждены, что и искать-то не следует, ибо все эти казаки – «контрики» и «гады». В данной статье весьма наглядно, на живых примерах, представлена вся глубина различий в отношении к казачеству между представителями различных уровней власти на Юге России.

Без учета этих различий создается неверное представление о том, что советско-партийное руководство всех уровней намеревалось искоренить казачество, фарисейски при этом заявляя о необходимости придерживаться классового подхода (что и дает основания некоторым исследователям говорить о наличии «латентного», или «скрытого расказачивания», якобы проводившегося

[1] Цалюк Д. Немного о комчванстве // Молот. 1930. 23 апреля.

советской властью в 1920-х – 1930-х гг.). На самом же деле здесь мы видим явно выраженный конфликт двух различных подходов к казакам. Хотя нельзя заподозрить представителей краевого и окружного руководства на Юге России в большой любви к казакам, они все же трезво оценивали ситуацию и понимали, что исключительно репрессивная политика по отношению к казачеству отрицательно влияет на ход «колхозного строительства», на состояние аграрного производства и вообще на прочность позиций советской власти в регионе. Отсюда – постоянные попытки краевого и окружного начальства остановить зарвавшихся «леваков»-казакофобов из числа местных партийно-советских чиновников и активистов, наладить нормальные, деловые отношения с массой бедняцко-середняцкого, «трудового казачества».

Далее, заявления о якобы осуществлявшемся на Дону, Кубани и Тереке в период «колхозного строительства» «скрытом расказачивании» голословны, ибо не существует ни одного документа, где бы среди задач политики коллективизации провозглашалась и ликвидация казачества как социальной группы или (тем более) субэтноса. В этой связи П.Г. Чернопицкий с иронией писал: некоторые авторы утверждают, что с конца 1920-х гг. началось свертывание проказачьих постановлений 1925 г., «(ничем этого не доказывая) и считают, что должен быть какой-то документ об этом, но он пока-де не найден».[1] Такой документ, смеем утверждать, и не будет найден, поскольку, хотя даже партийно-советские чиновники высшего уровня испытывали недоверие к казачьим сообществам, они не считали возможным одним махом репрессировать миллионы казаков-хлеборобов, хорошо представляя себе катастрофические последствия такого шага.

Напротив, широко известно уже цитированное нами (и помещенное в приложениях к данной работе) постановление бюро крайкома ВКП(б) Северо-Кавказского края «О работе среди ка-

[1] Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. статей. Ч. 2. Ростов н/Д., 1996. С. 86.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зачьего населения Северного Кавказа» от 26 апреля 1930 г., основанное на аналогичном постановлении от 11 апреля того же года и выступлении первого секретаря крайкома А.А. Андреева. Напомним, что в этом постановлении содержались резкие и нелицеприятные слова: «небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях… такие настроения ничего общего с отношением партии и советской власти к казачеству не имеют и являются прямой помощью классовому врагу – кулаку».[1] Конечно, это были только слова (нередко, действительно, расходившиеся с делами), в связи с чем и выступление Андреева, и проказачьи постановления бюро Северо-Кавказского крайкома можно было бы считать простой декларацией. Но нет, это не была декларация, ибо все эти призывы принимались подчиненными Андреева к исполнению (об этом мы уже писали в предыдущих очерках и, собственно, о том же написал и Д. Цалюк в только что процитированной нами статье), что в некоторой мере способствовало нормализации обстановки в казачьих районах и привело к заметному увеличению численности казаков в местных советах.[2]

Самое же главное – сегодня мы располагаем документами (в которых шла речь и о казаках), принятыми краевым руководством Северо-Кавказского края отнюдь не для печати, а, что называется, «для узкого круга лиц» и носившими характер жесткой инструкции. Речь идет об инструктивном письме за подписью первого секретаря крайкома ВКП(б) Северо-Кавказского края Б.П. Шеболдаева, направленного отдельным райкомам 18 января 1931 г. В письме предписывалось произвести выселение 9 тыс.

---

[1] Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди казачьего населения Северного Кавказа» от 26 апреля 1930 г. // Молот. 1930. 27 апреля.

[2] Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тез. докл., сообщ., выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995. С. 13.

кулацких хозяйств «в целях очищения приморско-плавневой и лесогорной полосы Кубани и Черноморья». Причем Шеболдаев предупреждал конкретных исполнителей, что «необходимо соблюдать строго-классовый подход при отборе хозяйств, подлежащих выселению и в особенности необходимо осторожное отношение к казаку-середняку, бывшему рядовому участнику белого движения». Далее в письме отмечалось, что «особое внимание райпарторганизации должны уделить привлечению к обсуждению списков [выселяемых] массы казаков-колхозников, бедняков и середняков».[1]

В рамках поднятой нами проблемы особого внимания заслуживает один из абзацев письма, который гласит: «с особой тщательностью нужно добиться полной очистки этих районов от кулацко-белогвардейского элемента из так называемого иногороднего населения, что особенно важно в связи с наличием попыток со стороны классово-враждебных элементов истолковать лозунг партии о ликвидации кулачества, как «ликвидации казачества», и мероприятия по выселению кулачества, как меру расказачивания». Как видим, выселению должны были подвергнуться не только казаки, но и иногородние, если они представляли опасность для колхозов и советской власти.

Важно, что в архивном деле содержится не только окончательный вариант письма, но его черновик с поправками, внесенными лично Шеболдаевым. Так вот, Шеболдаев добавил к процитированному выше абзацу слова «и мероприятия по выселению кулачества, как меру расказачивания».[2] Видимо, секретарь крайкома располагал информацией о трактовках населением «раскулачивания» как гонений на казаков и хотел добиться от секретарей райкомов и сотрудников ОГПУ, чтобы они устранили всякие кривотолки и четко дали понять жителям края, что о расказачивании речи не идет.

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1074, л. 23, 24.
[2] Там же, л. 20.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Поскольку данное письмо имело гриф «строго секретно» и предназначалось «для своих», можно с уверенностью утверждать, что его содержание – не декларация, а отражение истинных настроений и намерений представителей власти. Это инструктивное письмо со всей очевидностью доказывает, что краевые власти Северо-Кавказского края руководствовались в своей политике по отношению к казачеству не сословными, а классовыми принципами. Краевое руководство не проводило политику «расказачивания», не ставило целью ликвидировать казачьи сообщества как таковые (исключение – депортация жителей «чернодосочных станиц; однако эта акция была инициирована Москвой и осталась единичной). Но при этом, все «зажиточные», «классово-враждебные», «контрреволюционно-настроенные» казаки, представлявшие опасность для большевистского режима, подвергались репрессиям (наряду с такими же категориями крестьянского, иногороднего населения, о чем недвусмысленно говорится в письме).

Другое дело, что среди казаков по сравнению с иногородними было больше «зажиточных» и «контрреволюционеров», что исторически казаки расценивались большевиками как противники советской власти (и потому принадлежность «кулаков» к казачеству или казакам-репатриантам в глазах сталинского режима усугубляла их вину). Да и на местах конкретные исполнители, помнившие времена гражданской войны, часто видели в казаках потенциальных контрреволюционеров и действовали соответствующе по отношению к ним. Но, в отличие от времен гражданской войны, в период коллективизации такие антиказачьи акции, хоть и поощрялись иной раз даже районным руководством, все же не являлись реализацией четкой, продуманной политики геноцида (или, по В.Е. Щетневу, стратацида[1]) казаков.

Повторимся, что сопротивление политике коллективизации также не подразделялось в большинстве случаев на «крестьян-

[1] Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 21.

ское» или «казачье». И казаки, и крестьяне равно страдали от коллективизации и совместно выступали против насильственного создания колхозов, хлебозаготовок, «раскулачивания». Ярким примером в данном случае служит деятельность «Союза хлеборобов», возникшим на базе издательства журнала «Путь Северо-Кавказского хлебороба» и возглавлявшимся, по данным ОГПУ, заведующим издательством Кравченко, «активным участником гражданской войны на стороне соввласти». Организация имела свой устав, программу и выпустила манифест, где речь шла о защите интересов хлеборобов. Причем в манифесте «Союз хлеборобов» был назван «крестьянско-казацкой политической партией по защите интереса трудового крестьянства, казачества и рабочих».[1] Антиказачьи же акции советского правительства в начале 1930-х гг., нацеленные на раскол крестьянско-казацкого лагеря противников коллективизации, на обособление казачества, на усиление сословной вражды, успеха не имели. По справедливому замечанию Е.Н. Осколкова, сталинскому режиму не удалось «гальванизировать сословную рознь».[2] Неуспех таких попыток может быть объяснен лишь тем, что за годы нэпа казачество действительно перестало существовать как сословие.

Вышеизложенные факты и соображения противоречат голословному отождествлению коллективизации и расказачивания. Точно также не представляется возможным говорить о «добивании» донских, терских и кубанских казаков во время коллективизации или же о том, что «к середине 30-х гг. наиболее активная часть казачества, последовательно выражавшая духовные и материальные интересы этого специфического субэтноса, была либо репрессирована, либо нейтрализована».[3]

Прежде чем обосновать наше критичное отношение к такого рода утверждениям, необходимо указать на один нюанс, которого

[1] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 2. С. 1000 – 1008.

[2] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 19.

[3] Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 321.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

обычно не замечают авторы констатаций о том, что во время коллективизации (и вообще в советскую эпоху) «наиболее активная часть казачества» была репрессирована, о том, что казачество «потеряло свой генофонд».[1] Если принимать подобные заявления на веру, то получается, что по итогам коллективизации казачество в СССР представляло собой серую, безликую массу, не способную к самовыражению и к отстаиванию своих позиций. Но как, в таком случае, объяснить процесс возрождения казачества в конце 1980-х – 1990-х гг.? Ведь, если следовать логике авторов цитированных изречений, советское казачество, а тем более казачество 1980-х гг., не имевшее духовных лидеров и десятилетия находившееся под прессом коммунистической идеологии, возродиться уже не могло (в лучшем случае для этого был бы нужен некий импульс со стороны). Более того, в свете цитированных заявлений и советские, и постсоветские казаки выступают в образе своеобразных подонков («подонки» – испорченные, ни к чему не годные остатки жидкости на дне сосуда). Надо ли доказывать, что это не так? В конце концов, подонки не смогли бы (да и не захотели) самоотверженно биться с нацистами в годы Великой Отечественной войны или отстаивать интересы русского и православного населения в локальных конфликтах на постсоветском пространстве.

Возвращаясь к критике утверждений о завершении расказачивания в период коллективизации, отметим, что, бесспорно, значительная часть казаков – наиболее активных и последовательных противников советской власти и сталинского режима – была в данное время репрессирована. Однако окончательно добиты казаки не были.

Во-первых, наиболее активная часть казачества выражала интересы данной группы (субэтноса) не только в противоборстве с советской властью, но и в союзе с ней. Было немало казаков –

[1] Кислицын С.А. Казачество как имманентный феномен российской евразийской цивилизации // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23 – 27 сентября 1996. – Краснодар, 1996. С. 107.

председателей казачьих колхозов, добивавшихся прекрасных показателей в своей профессиональной деятельности. Причем в ходе кампании «за советское казачество» донцы, кубанцы, терцы смогли выражать интересы и традиции своего субэтноса не только в сфере экономики, военного дела, но также и культуры. Органы власти даже считали своей задачей содействовать пропаганде казачьей культуры, казачьего фольклора. Например, на бюро обкома ВКП(б) Ростовской области в декабре 1939 г. специально рассматривался вопрос «О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дав за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказав большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности. Было решено премировать членов ансамбля (для чего бюро постановило просить Управление по делам искусств при СНК СССР выделить 30 тыс. рублей), предоставить ансамблю постоянную сценическую площадку и создать условия для творческой деятельности, организовать систематическую учебу хора и балета, принять меры по сбору и использованию в репертуаре казачьего фольклора. Кроме того, было решено включить в состав ансамбля политрука (дань эпохе!).[1]

Принимая во внимание кампанию «за советское казачество» (в ходе которой казаки, сотрудничавшие или мирившиеся с советской властью, были признаны полноправными гражданами СССР), никак нельзя согласиться с утверждениями тех авторов, которые коллективизацию трактуют как завершающий этап «расказачивания». Учитывая, что «расказачивание» в такой трактовке выглядит как ликвидация казаков как особой социальной общности или даже как субэтноса (либо как ряда характеристик казачества как субэтноса), возникает естественный вопрос: если коллективизация завершила процесс «расказачивания», для кого же тогда задумывалась и проводилась кампания «за советское каза-

[1] ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 178, л. 14, 14об.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

чество»? Очевидно, что подобная трактовка является поспешной и опровергается конкретно-историческими материалами. В конце концов, численность казаков была достаточно высокой и к исходу 1930-х гг. Так, по переписи 1937 г., материалы которой мы уже приводили выше, в Краснодарском крае из 2,7 млн. жителей «предположительно» насчитывалось более 1 млн. казаков, что составляло 38,6 % к общей численности жителей края и 78,3 % к численности кубанских казаков в 1915 г. (тогда их насчитывалось более 1,3 млн.).[1]

Во-вторых, даже если говорить об оппозиционно настроенных казаках, то и они не были полностью уничтожены во время «колхозного строительства» (сколь бы масштабными и перманентными не были репрессии, проводившиеся сталинским режимом). Данное обстоятельство было со всей очевидностью продемонстрировано во время Великой Отечественной войны, когда немало казаков избрали новую форму сопротивления советской власти и сталинскому режиму, форму коллаборационизма – сотрудничества с нацистами. В общей массе коллаборационистов (по разным данным, от 800 тыс. до 1 млн.[2]) казаки составляли заметную часть – 94,5 тыс.[3]

Можно с полным основанием утверждать, что для значительной части крестьян и казаков-коллаборационистов основанием для сотрудничества с гитлеровцами послужило резкое неприятие коллективизации (и колхозов), стремление посчитаться с властью за насилие и издевательства. Например, «полицаи» сел и станиц на временно оккупированной нацистами территории Ростовской области в своих автобиографиях (собиравшихся немцами с целью накопления информации о своих пособниках) нередко указывали, что до коллективизации вели собственное хозяйство, а затем не

---

[1] Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 806.

[2] См, например: Андреев В. «Восточные добровольцы» // Новая газета. 1994. 6 декабря; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941 – 1945 гг. М., 2004. С. 196.

[3] Андреев В. «Восточные добровольцы» // Новая газета. 1994. 6 декабря.

пожелали вступить в колхоз и покинули деревню.[1] С началом войны многие из них были призваны в ряды Красной Армии, но нередко переходили на сторону противника. Как написал в своей автобиографии один из полицаев: «в 1941 г. был призван в РККА, но при первой возможности сдался в плен», а затем вернулся в родное село и стал «служащим вспомогательной полиции».[2]

Причем, что характерно, большинство пособников нацистов на территориях Юга России именовали себя казаками или парадоксальным словообразованием с дефисом «русские-казаки» (в частности, так было в северных районах Дона).[3] На самом деле многие из этих людей не принадлежали к казачеству и просто вводили немцев в заблуждение, дабы достичь на службе новым хозяевам больших привилегий (поскольку казаки пользовались особым расположением гитлеровцев). Американский журналист Александр Верт, бывший в СССР во время Великой Отечественной войны, писал, что на Кубани нацистам удалось привлечь на свою сторону в состав военных и полицейских подразделений до 20 тыс. казаков, многие из которых на самом деле являлись «псевдоказаками» и только «выдавали себя за казаков».[4] По данным С.И. Дробязко, примерно половина личного состава казачьих отрядов, воевавших на стороне немцев к апрелю 1943 г. (то есть приблизительно 12 – 13 тыс. человек из общего количества в 25 тыс.) «…не принадлежала ни к бывшему казачьему сословию, ни к казачьим частям Красной Армии и называла себя казаками лишь для того, чтобы как-нибудь вырваться из лагерей военнопленных и тем самым спасти свою жизнь».[5] В данном случае, по всей видимости, мы вновь сталкиваемся с процессами (вернее, политикой) «оказачивания», только осуществляемого не советской властью, а немцами.

---

[1] ШФ ГАРО, ф. р-796, оп. 1, д. 3, л. 4 – 7.
[2] Там же, л. 7.
[3] ШФ ГАРО, ф. р-636, оп. 1, д. 1, л. 52 – 56; ф. р-796, оп. 1, д. 3, л. 4 – 7, 17 – 32.
[4] Верт А. Россия в войне 1941 – 1945 гг. М., 2003. С. 403.
[5] Дробязко С.И. Под знаменами врага. С. 162 – 163.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В целом можно заключить, что в постсоветский период трактовки политики большевиков по отношению к казачеству в 1920-х – 1930-х гг. зачастую страдают явной политизацией и в очень слабой степени опираются на источниковую базу. П.Г. Чернопицкий, оценивая состояние постсоветской историографии жизнедеятельности южнороссийского казачества в период нэпа и в условиях колхозной системы, справедливо писал: «создан исторический миф [о перманентно репрессивной политике по отношению к казакам], который не учитывает всей сложности исторических реалий и игнорирует большой комплекс исторических документов».[1] В то же время анализ многообразных документов 1930-х гг. позволяет сформулировать иные выводы относительно взаимоотношений казачества и советской власти.

На наш взгляд, применять термин «расказачивание» (как бы мы его ни понимали) по отношению к периоду коллективизации, характеризовать данную политику как завершающий этап «расказачивания» неправомерно. Если понимать «расказачивание» как ликвидацию сословных пережитков, то очевидно, что к моменту начала коллективизации казаков как сословия уже не было. Если трактовать «расказачивание» в качестве ликвидации казаков как особой общности или субэтноса, то и здесь возникает ряд неразрешимых вопросов, порождаемых несоответствием теоретических построений и конкретно-исторических материалов. Анализ таких материалов свидетельствует о том, что особенностью осуществления коллективизации стала сопряженность ее с антиказачьими акциями. Можно согласиться с исследователями, полагающими, что процесс «колхозного строительства» на Юге России был опосредован антиказачьим акционизмом. Но говорить о расказачивании как политике государства в 1930-е гг. представляется необоснованным, ибо на сей счет нет никаких конкретных указаний в источниках. Столь же необоснованны и утверждения

[1] Чернопицкий П.Г. Об одном историческом мифе // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23 – 27 сентября 1996. – Краснодар, 1996. С. 280.

о «скрытом расказачивании» во время коллективизации, за которое выдаются отдельные антиказачьи акции, рецидивы прежней репрессивной политики по отношению к казакам как сословию.

Исторически правомерной будет формулировка о том, что особенностью осуществления коллективизации на Дону являлось наличие антиказачьего акционизма, как результата экстраполяции отношений периода гражданской войны на новую историческую ситуацию социалистического преобразования сельского хозяйства. Однако же следует учитывать, что в период коллективизации наблюдалась консолидация казаков перед лицом иногородних, что способствовало упрочению их позиций как культурно-этнографической общности даже в условиях давления со стороны власти. Следует учитывать факт сотрудничества определенной части казачества (бедняков и середняков, которые расценивались сталинским режимом как союзники) с советской властью. Самое же главное, необходимо учитывать то важное обстоятельство, что сталинский режим фактически восстановил особый статус казачества во второй половине 1930-х гг., по сути, осуществив «оказачивание».

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящее исследование, мы представляем ряд авторских итоговых обобщений и выводов, характеризующих историческое появление (время и место) эпифеномена советского казачества. Рассмотрим и кларковые значения южнороссийского казачества, т.е. презюмируем те концептуализированные фрагменты социальной реальности, которые позволяют обособить и опредметить само понятие «советское казачество». Естественно, мы логично резюмируем также историческую проблематику, обозначенную в цели и задачах данного исследования. Изложим свои суждения по поводу сложившейся историографической ситуации в изучении советского казачества в рамках хронологически очерченного исторического периода 1930-х гг., чтобы определить более или менее выписанные исторические сюжеты и отметить пока сохраняющиеся научно-исследовательские лакуны. На указанной конкретно-исторической основе и элементах авторской рефлексии в отношении избранного предмета исследования сформулируем представления о возможных методологических прорывах и коллизионных фрагментах состоявшегося осмысления эпифеномена советского казачества.

Прежде всего, можно однозначно констатировать, что советское казачество в 1930-е гг. по-прежнему ментально и отчасти социально обособлялось и тяготело к своим историческим корням, в значительной мере преодолевая внутриказачьи различия, порожденные исторической эпохой «колхозного строительства». Казачество в целом не утратило устремления к политическому акционизму и кратической субсидиарности: иными словами, сталинским режимом оказался по большей мере востребован военно-ресурсный потенциал и экономические возможности казачьих общностей. С началом же социально-политической кампании «за советское казачество» отчетливо прослеживается историческая тенденция консолидации казаков в рамках новой социальной общ-

ности колхозного крестьянства. Не случайно казаков в 1930-е гг. так и называли – казаки-колхозники. Это исторически устоявшийся термин, отражающий, с одной стороны, достаточно характерное словоупотребление на Юге России, а с другой – четко фиксирующий существо произошедших социально-экономических и социокультурных изменений с самим казачеством.

Наличествующая историография до сих пор оставляет открытым вопрос о том, была ли это социальная эксклюзия (иначе говоря, было ли это…)?! В изученной нами литературе и иных исторических источниках, прежде всего, в проанализированных коллекциях архивных документов, можно проследить две смысловые перспективы в исторической интерпретации эпифеномена советского казачества в 1930-е гг.

Во-первых, для советской историографии (и для разнообразных документов 1930-х гг.) было характерно утверждение, что появление советского казачества являлось естественной обоюдной реакцией казачьих масс и партийно-советских властных структур на усиление сближения казаков с советской властью. Данное утверждение в значительной мере справедливо, поскольку именно советская власть отвечала коренным чаяниям значительных масс южнороссийского казачества (другое дело, что коммунисты, узурпировавшие права народа на власть и поправшие принципы демократии, зачастую предпринимали антиказачьи акции; но в советский период исследователи предпочитали не касаться этой скользкой темы). В рамках такого подхода антиказачьи акции расценивались как недоразумение, возникшее исключительно по вине кулачества и других антисоветских элементов, принесших своими неоправданными действиями беду в казачьи станицы. Основные массы казачества сделали однозначный и единственно верный социалистический выбор, который, вне всякого сомнения, обеспечивал им светлое будущее. Выбор этот заключался в том, что казаки в 1930-е гг. стали неотъемлемой частью колхозного крестьянства.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Напротив, в постсоветской историографии указывается, что на протяжении 1920-х – 1930-х гг. можно наблюдать и констатировать социально-политические заигрывания советской власти с казачьими массами, часть которых отчаянно сопротивлялась политике коллективизации и неохотно участвовала в «колхозном строительстве». Сталинский режим вынужденно повернулся лицом к казачеству исключительно для того, чтобы разрешить свои насущные социально-политические задачи. В значительной мере эти действия власти объяснялись тем, что казачество вовсе не растворилось в массе колхозного крестьянства, несмотря на широко распространенные в период коллективизации ожидания такого исхода (поэтому в ходе развернувшейся кампании «за советское казачество» казачьи общности и смогли консолидироваться). Причем, широко развернув кампанию «за советское казачество», сталинский режим практически нисколько не рисковал получить какие-либо нежелательные для себя результаты в виде возросшей общественно-политической активности казаков (в том числе и антисоветской). Ведь, если говорить о политической активности, то южнороссийское казачество ко второй половине 1930-х гг. несколько притихло (фиксируются преимущественно пассивные, скрытые формы социального протеста) и не оказывало сколь-нибудь заметного сопротивления «колхозному строительству». Большинство казаков действительно, в свою очередь, повернулось лицом в сторону советской власти. Впрочем, даже широкомасштабная кампания «за советское казачество» вовсе не дает повода опровергать или отрицать факты репрессирования определенных групп казаков (преимущественно старших возрастов) и во второй половине 1930-х гг.

Думается, и первая, и вторая из обозначенных позиций имеют право на существование, поскольку в рамках каждой из них абсолютизируется лишь один из аспектов большевистской политики по отношению к казакам. В советской историографии акцент делался на социально-имущественных различиях внутри ка-

зачьей общности (которые и заставили большинство казаков в конечном итоге поддержать советскую власть и колхозы или смириться с ними). В постсоветский период исследователи чаще всего говорят о репрессивно-карательных мероприятиях власти по отношению к казакам, либо же повествуют о холодном прагматизме сталинского режима. Вместе с тем можно констатировать, что большевики (а затем сталинский режим) умело комбинировали в своей политике по отношению к казачеству кнут и пряник. Очевидно также, что, в конечном счете, казачество действительно стало «колхозным» и «советским».

Далее, возникает вопрос, была ли казачья общность, существовавшая в колхозной деревне, сплоченной социальной группой? Как нам представляется, подобный вывод был бы поспешным. На наш взгляд, о колхозном казачестве можно говорить как об особой группе интересов, организационно в тех исторических условиях не выраженных, но вполне идентифицируемых по историческим источникам. Эта группа интересов в 1930-е гг. не была стратифицирована иерархически и секторально по областям общественной жизни. В ней нет структурно выраженной системы социальных предпочтений. Однако именно ее наличие способствует обособлению советского казачества в данный исторический период от иных социальных групп. Причем, аксиологический фундамент такого обособления создают архетипы социальной памяти самого казачества (былые казачьи победы во славу России, особый характер казачьей воинской службы, традиции боевого казачьего искусства, станичный образ вольной жизни и др.) и знаковые действия властей в 1930-е гг. (восстановление в полном объеме казачьей воинской службы, развитие движения «ворошиловских кавалеристов», выдвижение казаков в органы власти и на руководящие должности, одобрение повседневного ношения казачьего народного костюма и др.).

О казачестве как об особой социальной общности в рамках колхозного крестьянства сложно говорить еще и потому, что это-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

му препятствовала специфика исторической эпохи. Да, власть стремилась создать общность советского казачества, рассчитывая в рамках такой подновленной идеологемы решать исключительно свои насущные социально-политические задачи. Однако, уж слишком глубоки были раны, нанесенные Гражданской войной и ее последствиями. Да, казаки несли обязанности военной службы, трудились в колхозах и на заводах, но они жили уже в совершенно другой системе социальных координат. Эта система практически не продуцировала казачью бытийность, не зажигала иных (кроме разрешенных) социальных звезд и достаточно жестко контролировалась партийно-советской властью, что делало казачью общность своеобразным мышиным жеребчиком. Сразу же оговоримся, речь идет не о персоналиях, не о ком-то лично из казаков, а о формах социальной консолидации, которые разрешались властью.

Таким образом, дефиниендум (само словесное обозначение) и дефиниенс (вкладываемую автором понятийную нагрузку, смысловые перспективы и когнитивные пределы используемой дефиниции) «советского казачества» мы находим в интерпретации особой группы интересов. Ее позиционируем как генерализующую характеристику, социальную доминанту советского казачества. Особая группа интересов советского казачества – это способ осознания и выражения своих внутренних ожиданий, сформировавшихся потребностей, ассоциированных целей, намеренно моделируемых на основе сложного комплекса групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, для реализации которых обязательно необходимы социальные объединения (их общественно-политический спектр может быть различен), стремящиеся приобрести для казачества государственно-значимый статус. Последнего как раз казакам и не хватало.

Историческая реконструкция позволяет нам на основе изучения совокупности исторических источников восстановить следующий комплекс социальных экспектаций советского казачества. В эту систему социальных предпочтений (ожиданий) совет-

ского казачества в 1930-е гг., на наш взгляд, входили: хозяйственная самостоятельность и сохранение привычного экономического уклада, властная автономия и казачье самоуправление, обеспеченная государством специализированная военная служба, свободное ношение казачьего костюма и личных заслуженных наград, независимо от их происхождения и источников представления и оценки заслуг, доступная почтовая связь и поддерживание отношений с соотечественниками за рубежом, беспрепятственное возвращение казаков-эмигрантов на свою малую родину, открытое соблюдение и сохранение казачьих традиций, сбережение образцов казачьей культуры. При этом казаки вовсе не рассчитывали на гласное покаяние власти за допущенное насилие и просчеты по отношению к ним. Они в большей мере все же надеялись на отказ от властного давления, скорее даже опасались очередного повторения репрессивных мер времен Гражданской войны.

Воплощение вышеназванных социальных ожиданий делало бы советское казачество устойчивой социальной группой, а поскольку в реальных исторических условиях 1930-х гг. это было практически невозможно, то встает вопрос: в виде чего, какой именно социальной формы представало казачество в обозначенный исторический период?! На наш взгляд, параметры советского казачества вполне можно определить в рамках двух отчасти коллизионных подходов: субэтнического и социально-исторического.

Субэтнический подход. В этом случае советское казачество представляло собой классическую конвиксию, если использовать этнологическую терминологию по отношению к рассматриваемому историческому периоду 1930-х гг. Иначе говоря, в советском казачестве, как следует из изученных нами в настоящем исследовании южнороссийских материалов, проявлялись деформированные сочетания характерных для казачества социальных признаков. Причем, направление развития советского казачества

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ориентировалось максимально на создание территориальной общины, что вполне было возможно и допустимо в рамках колхоза (хотя все же, при некотором внешнем сходстве, колхоз, по существу, отрицал казачью общину). Пределом формообразования выступал субэтнос, чему способствовало поддерживание казачьих культурных традиций, постоянно продуцируемых социальной памятью. Идеологически это вполне укладывалось в интернационалистскую парадигму, исповедуемую правящей большевистской партией.

Социально-исторический подход. Советское казачество – это синкретическая общность. Тем самым, групповая консолидация в этом случае осложнена рядом конкретно-исторических обстоятельств 1930-х гг. Однако не явно выраженные интересы все же обеспечивают обособление казачества из среды колхозного крестьянства, и при определенных условиях казачество вполне можно идентифицировать как отдельную социальную группу. Здесь налицо тенденция социального проекта, которая, безусловно, устраивала власть. Но та же власть оказывается неспособной задать устойчивые социальные параметры для казачества, поскольку действует ситуативно, реализуя исключительно свои социально-политические интересы. Казачество же сохраняется благодаря наличию межпоколенческих связей, пока не утраченных даже в условиях модернизационных преобразований периода раннего социалистического общества.

Вместе с тем, казачество – это исторически сложившаяся социальная группа, которая не может быть рассмотрена только как результат социально-экономических отношений российского общества. Но исследователи, стоявшие на марксистских методологических позициях (и, что важнее, партийно-советские деятели, начиная с самого большевистского вождя – В.И. Ленина), именно так обычно его и рассматривали, а в итоге казачество интерпретировалось историками исключительно как изживающее себя сословие. Отсюда расказачивание оценивалось как привносимое

социальное благо и выступало как уничтожение сословных признаков. На это были нацелены многочисленные антиказачьи акции, в ходе которых ставилась задача уничтожения политически свободных радикалов, каким представало в политических воззрениях большевистских практиков южнороссийское казачество.

Важно также подчеркнуть, что в политическом противостоянии большевиков с казачеством коммунистическая мифология значила гораздо больше, нежели реальные человеческие судьбы. Именно так и действовали большевики, выработавшие определенную политическую стратегию (расказачивание), предусматривавшую жесткую социально-классовую борьбу с казачеством вплоть до его физического уничтожения.

Причем, это отнюдь не было латентное расказачивание, поскольку большевики действовали преимущественно открыто, во всеуслышание объявляя казачество как элемент социальной архаики, нежелательный, вредный и, значит, нетерпимый в условиях формирования социалистического общества. Советские историки-марксисты, естественно, следовали в русле большевистских трактовок и изучали расказачивание исключительно как правомерное уничтожение казачьего сословия. Поэтому и получалось в рамках обозначенной ортодоксальности исторических суждений, что казачество просто должно исчезнуть в результате последовательного расказачивания в 1930-е гг. Реальные исторические факты, не укладывавшиеся в данную объяснительную схему, либо вовсе отметались, либо вписывались во второстепенные советские исторические логики аморфного типа, например, незнаковых социально-этнографических особенностей.

Мы же считаем, что раскачивания в 1930-е гг. не произошло. Его в эти годы не было в исключительном советском варианте, порожденном гражданской войной. Преемственность этой политике могли бы в определенной степени придать антиказачьи акции первой половины 1930-х гг., но они уже не имели прежнего размаха и по существу оказались организационно перекрыты раз-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

вернувшейся социально-политической кампанией «за советское казачество». Последняя же во многом представляла обратный вектор социального взаимодействия власти и казачества, что собственно и привело к появлению на исторической арене мифознаковой общности советского казачества. Это социальное формообразование не только придавало во второй половине 1930-х гг. прежним казачьим культурным архетипам новое символически-аксиологическое звучание, но и сохраняло реноме власть предержащих, ранее демонстрировавших антиказачье политическое лицо, а также позволяло выйти на некий компромиссный баланс интересов обеих сторон.

Однако сословие нельзя уничтожить только путем отмены сословных привилегий и вытравливания сословных представлений, ибо всегда остаются носители сословных отношений. И до тех пор, пока они есть, пока они живы, неизбежно происходит реставрация, возобновление сословной традиции. В отношении дворянства в силу его относительной малочисленности сословие практически удалось уничтожить, поскольку большевики пошли на физическое устранение большинства носителей дворянских сословных отношений. В отношении же многомиллионного казачества при всей кровожадности большевистской классовой борьбы этого сделать было невозможно, хотя государственное принуждение во всей его полноте пролетарской диктатуры применялось неоднократно. Отсюда в силу сохранения носителей многомерных казачьих отношений наблюдаются постоянные попытки возобновления казачьих традиций в том или ином виде.

Казачество как исторически сложившаяся социальная группа (сильно деформированная в 1930-е гг.), если использовать иные научно-исторические методологии, может быть интерпретировано и понято как минимум в двух ипостасях. Во-первых, вне всякого сомнения, казачество – это этническое образование (уровень этничности – другой вопрос), что всячески отрицали и отрицают историки-казакофобы, жестко или завуалировано выражая свою

исследовательскую позицию. Если следовать гумилевской методологии, то казачество – это субэтнос со всеми вытекающими отсюда характеристиками. Однако и этого недостаточно.

Казачество как исторически сложившаяся социальная группа, если смотреть с точки зрения исторической повседневности, это довольно устойчивая военная корпорация, о чем мы неоднократно писали в предшествующих публикациях. Было глупо утверждать, что на эту особенность казачьей общности никто иной и никогда до нас не обращал внимания. Однако историки не делали этот подход главенствующим, не использовали его в качестве базовой научно-исторической методологии, когда бы казачество как социальная группа рассматривалось в качестве военной корпорации со своей внутренней исторической логикой развития. И здесь возникает масса интересных исторических сюжетов. Так, если в обычном воинском подразделении дезорганизовать управление путем уничтожения командного состава вполне вероятно, то казак изначально готовился и к индивидуальному, и к коллективному военному столкновению, а потому практически любой казак мог взять на себя функции военного лидера, если он имел воинские заслуги, особо чтимые в казачьем сообществе. Его односумы это воспринимали как естественное продолжение воинских заслуг данного казака. Казачья военная корпорация постоянно продуцировала себя саму, и, не уничтожив ее носителей, нельзя было прекратить существование этой корпорации, любое ограничение только подспудно рождало желание скорее вернуться к традиционным военным занятиям. Стирание такой насыщенной социальной памяти южнороссийского казачества не происходит одномоментно, чего так и не поняли и не способны были понять большевики-коллективизаторы, пытаясь превратить казаков-воинов в советских колхозников.

Примитивизм большевистской доктрины также заключался в оценке казаков с точки зрения основного хозяйственного занятия земледелием, а соответственно изначального приравнивания ка-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

зачества к крестьянству. Политико-историческая формула «казак – это вооруженный крестьянин-земледелец» очень долго и довольно успешно гуляла по страницам исторических трудов и разного рода идеологизированной литературы. Казачество же представляло собой коллективный хозяйствующий субъект, помноженный на специфику отношений казачьего сообщества. Поэтому социально-классовая дифференциация, вполне эффективно применимая к крестьянству, далеко не всегда срабатывала в отношении казачества. Вместе с тем, не существовало единого антиколхозного казачьего фронта борьбы с коллективизацией. Ухудшение социально-имущественного положения заставило часть казачества поддержать «колхозное строительство». И в этой связи кампания «за советское казачество» окончательно повернула основные массы южнороссийского казачества в сторону одобрения деятельности колхозов. И даже казачий протест против колхозов зачастую растворялся в общем крестьянском протесте, ибо в 1930-е гг. между казаками и иногородними уже не было такой социальной пропасти, как за 20, 30, 50 лет до этого.

Безусловно, ухудшение социально-имущественного положения казачества, с одной стороны, приводило к социальному и экономическому выравниванию южнороссийской деревни, а с другой – хозяйственный упадок гораздо мощнее ударил по казачеству, поскольку уровень зажиточности казачьих станиц традиционно был выше. Искусственность голода 1932-1933 гг. для казачества еще более очевидна в результате осуществления антиказачьих акций, направленных на уничтожение казачьего хозяйственного уклада. Особенно жестоко трагедия голода разыгралась в кубанских «чернодосочных станицах». Сопутствующий экономический кризис разрушал не просто казачий хозяйственный уклад, а буквально стирал с лица земли казачьи станицы по частям и полностью в результате хозяйственного запустения и сокращения численности населения. Конечно же, казачье подворье представляло собой отнюдь не роскошный сераль, но достаточно лад-

ное устройство быта оказалось сильно расстроено. Казаки вынужденно своими руками буквально разграбляли не только брошенные, чужие дома, но и приводили в негодность собственные хозяйственные постройки, чтобы элементарно выжить в искусственно созданных сталинским политическим режимом условиях голода и разрухи.

Можно обоснованно утверждать, что экономический кризис начала 1930-х гг. – это непосредственный результат большевистской аграрной политики, нацеленной в том числе на беспрекословное подчинение пролетарской власти по большей мере оппозиционно настроенных казачьих станиц. Экономический кризис не просто ослабил сопротивление казачества, он способствовал формированию личностных обид казаков на советскую власть, которые стали неотъемлемой частью казачьего менталитета и сохранились вплоть до начала XXI века. Этот экономический кризис начала 1930-х гг. с учетом конкретной исторической ситуации можно обозначить как проколхозный, который предопределил депрессивность казачьего хозяйственного уклада, а соответственно искусственное обнищание казачьих масс. Однако казачья общность не была уничтожена в результате антиказачьих акций и «колхозное строительство» не ликвидировало казаков, а наоборот создало для них свою социально-историческую нишу.

Ситуация изменяется со второй половины 1930-х гг., когда южнороссийская деревня понемногу стала выбираться из глубокой ямы искусственно созданного проколхозного социально-экономического кризиса. Улучшение повседневного быта в сочетании с развернувшейся кампанией «за советское казачество» заметно оживило казачьи станицы. Казачество и внешне преобразилось. В казачью повседневность масштабно вернулся традиционный казачий костюм, несколько подзабытый частью казаков. В нем уже явно заметны определенные модернизационные изменения, обусловленные хозяйственной практичностью казаков. Однако мужской военный костюм практически не подвергся серьез-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ным новациям, и был введен в качестве военной формы для казачьих кавалерийских подразделений. Среди казачек отчетливо наблюдается стремление к следованию в русле городской моды, но оно еще не столь значимо, чтобы полностью вытеснить или радикально изменить традиционный женский костюм.

Казачьи станицы втягиваются в русло исторически прежней повседневности с помощью движения «ворошиловских кавалеристов». Потребность Красной Армии в специальной подготовке новых воинов оказалась настолько велика, что власть поддерживает даже показачивание (!!!) определенной части русскоязычного населения Юга России, называя его казаками, приветствуя ношение казачьей военной формы, одобряя участие в казачьих мероприятиях. Возврат казачьего духа в станицы оказывает сильнейшее влияние на население, особенно на молодежь, для которой социальная игра властей не столь очевидна, нежели для старших поколений казачества.

Тем самым, в изучении исторической повседневности советского казачества в 1930-е гг. наличествует немало исторических сюжетов, заслуживающих внимания ученых-историков, а в целом же в исследовании советского казачества сохраняется довольно много исторических лакун, особенно в связи с применением новых методологических подходов в изучении рассматриваемого нами исторического явления. Мы имеем в виду, например, трансформацию казачьего хозяйства и сохранение традиционных черт хозяйствования; эволюцию казачьего менталитета; сохранение в казачьей среде образцов военного искусства; сбережение бытовых традиций; судьбы казаков-реэмигрантов; причины и истоки казачьего коллаборационизма и др.

Понимание наличия большого количества не исследованных исторических лакун в изучении советского казачества в 1930-е гг. и заставило нас обозначить настоящее исследование как очерки истории, что позволяет обозреть исторический период 1930-х гг. в целом и одновременно дать авторское видение ключевых во-

просов избранной темы научного поиска. Иначе говоря, заложить базовые параметры в рассмотрении советского казачества южнороссийского региона в 1930-е гг.

Таким образом, только многомерность исторических подходов, привлечение ряда научно-исторических методологий позволяет исследовать многофакторный исторический процесс и такое сложное историческое явление, как казачество, чтобы понять и объяснить историческое развитие южнороссийского казачества на хронологически определенном этапе его существования в 1930-е гг. В свою очередь, этот исторический опыт существования советского казачества может быть весьма полезен в изучении казачьего возрождения на Юге России с конца 1980-х гг. до настоящего времени и оказании практической помощи казачьим структурам на современном этапе.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Из выступления первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева на бюро крайкома (11 апреля 1930 г.)[1]

В связи с середняком, я хотел еще поставить вопрос относительно казаков. Вопрос с середняком в казачьих округах есть вопрос о казаке, об участии казака во всей системе нашей работы и т.д. Я думаю, что никуда не годится такое положение и что мы должны прямо признать, когда у нас казака почти нет в управляющих органах, ни в колхозе, ни в совете, нигде. Иногда в станицах дело обстоит буквально таким образом: мы и вы. Мы – казаки, вы – советская власть; вы – колхозы, мы – казаки и т. д. Например, мне пришлось быть на Кубани в Кореновском районе. Большинство казачьего населения и ни одного пред.[седателя] стансельсовета, ни одного председателя колхоза и даже нет членов правлений казаков в колхозах. Куда это годится. Разве можно терпеть такое положение. Вот почему нельзя ли было бы казачью проблему поставить, выдвинуть её так, чтобы казак почувствовал, что им интересуются, им кто[-]то занимается серьезно. Нельзя ли было бы пойти на такую меру, кроме прочих мер, которую Крайком намечает, пойти на то, чтобы 50 % председателей колхозов в казачьих районах было обеспеченно за казаками, чтобы не менее 50 % председателей советов были казаки. Не верю я, чтобы в станице Уманской, или в Щербиновской, или в Кисляковской и т. д., не верю, чтобы из количества 2 000 – 3 000 дворов не нашлось ни одного толкового казака, для того, чтобы быть председателем совета. Или мы не умеем искать, или еще что[-]нибудь. Вот это требование надо предъявить, поставить и через 1,5 – 2 месяца проверить, как кто выполнил. Иначе мы не [с]можем организовать советы и колхозы при таком положении вещей.

---

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 16 – 17.

Приложение 2

Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди казачьего населения Северного Кавказа» (26 апреля 1930 г.)[1]

Победа социалистической революции уничтожила прежнее сословное деление.

Политика коммунистической партии и советской власти направлена к быстрейшему изжитию сословной и национальной розни на основе широкого вовлечения в дело социалистического строительства батрацко-бедняцких и середняцких масс казачества, горцев и иногороднего крестьянства, организуя их силы под руководством рабочего класса для борьбы с кулаком, независимо от того, к какому прежнему сословию этот кулак принадлежал.

Успехи социалистического строительства, заключающиеся в бурном росте нашей промышленности, коренной переделке сельского хозяйства на основах сплошной коллективизации, ликвидации кулака, как класса, были бы невозможны без активного участия бедняцко-середняцких масс казачества в этой великой стройке.

Всемерное закрепление достигнутых успехов и дальнейшее широкое вовлечение бедняцко-середняцких масс казачества в социалистическое переустройство народного хозяйства, в особенности сельского, было и остается важнейшей политической задачей всей Северо-Кавказской парторганизации.

Однако, Бюро Краевого Комитета партии отмечает не только чрезвычайное ослабление работы в этом направлении парторга-

[1] Молот. 1930. 27 апреля; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.) / Под. ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972. С. 295 – 298 (Текст постановления печатается нами в соответствии с вариантом, опубликованным в прессе).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

низаций, особенно округов края, с преобладающим количеством казачьего населения, но даже в ряде мест прямое искажение линии партии в отношение казачества, в основе своей представляющего собой хлебороба-середняка.

Это политическое искажение линии партии выражается, прежде всего, в недооценке значения казачества в советском строительстве и в социалистической перестройке деревни, что можно завершить лишь при условии активного участия в этом деле бедняцко-середняцких слоев казачества.

«Небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого[,] недоверчивого отношения к казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях. В течение 10 лет трудовое казачество, бедняки и середняки[,] доказало на деле свою преданность советской власти, поэтому такие настроения ничего общего с отношением партии и советской власти к казачеству не имеют и являются прямой помощью классовому врагу – кулаку». Попытка подвести иногда середняка-казака под раскулачивание, явно слабое втягивание его во всю практическую работу, а иногда прямое оттирание от нее, невнимательность к созданию беспартийного бедняцко-середняцкого актива из казачества и выдвижению лучших из них на руководящую работу, а также отсутствие серьезно поставленной массовой работы по укреплению влияния партии и советов на казачество – вот факты, выражающие опасные недостатки руководства отдельных организаций. Такая оппортунистическая практика только на руку кулаку, пытающемуся в своих классовых интересах, во вред советской власти, во вред социалистическому строительству, разжечь сословную рознь и борьбу.

Тот, кто по-настоящему не ведет работы с основными массами казачества, кто допускает в отношении его искажение линии партии, – тот является прямым пособником кулаку, и с такими

элементами, как с оппортунистическими, Северо-Кавказская организация должна повести непримиримую, решительную борьбу.

Поэтому Северо-Кавказский Краевой Комитет ВКП(б) предлагает:

1. Всем парторганизациям Северного Кавказа немедленно добиться уничтожения в ряде организаций искривления линии партии в отношении казачества и обеспечить как правильное ее осуществление, так и самый широкий охват массовой работой бедняцко-середняцких слоев казачества и сплочение его вокруг партии и советов, на основе вовлечения казачества в социалистическое строительство и во всю практическую работу в станице и, таким образом, все большего укрепления союза бедноты с середняком как иногородним, так и казаком.

Задача парторганизации [заключается в том, чтобы] не толкать бедняцко-середняцкие массы казачества на путь замыкания в свою скорлупу, не изолировать их, а все больше и больше приближать и сплачивать вокруг партии и советов, и лишь при этом условии мы обеспечим уничтожение остатков сословной розни, социалистическую переделку северокавказской деревни и ликвидацию кулачества, как класса.

2. Обязать Окркомы ВКП(б) наиболее широко во всю практическую советскую, кооперативную и общественную работу вовлекать наравне с иногородним населением бедняцко-середняцкие массы казачества, проводя эту работу через производственные совещания, секции советов, различные правления и т. д.

В предстоящие перевыборные кампании советов, кооперации и т. п. Окркомы должны обеспечить в достаточной мере представительство бедняцко-середняцкого казачества в этих организациях, президиумах советов, правлениях кооперации и на постах председателей их.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Окркомы в округах, с преобладающим казачьим населением, обязаны в ближайшие три месяца добиться доведения числа казаков и в составе председателей станичных и хуторских советов, а также и других организациях и на руководящей работе в них не менее, чем половины, выдвигая на эту работу как членов ВКП(б), так и беспартийных батраков, бедняков и середняков из числа наиболее активных[,] проверенных и преданных партии и советской власти.

3. В работе по колхозному строительству вести решительную борьбу с имеющимися случаями отказа в приеме в колхозы бедняцко-середняцкого казачества, ныне являющегося честно-трудящимися хлеборобами.

Предложить Окркомам обеспечить наиболее широкое вовлечение во все органы управления колхозов казаков[-]батраков, бедняков и середняков, доведя в округах с преобладающим казачьим населением в течение ближайших 3-х месяцев количество казаков в числе председателей или зам.[естителей] председателей колхозов не менее чем до половины.

4. При проведении курсов по подготовке кадров, развертываемых в текущем году для советской и колхозной работы, пропустить через таковые в основных казачьих районах не менее 50 проц.[ентов] состава слушателей курсов казаков из бедняцко-середняцкого актива.

5. При проводимой, согласно постановления правительства, работе по пересмотру списка лиц, лишенных избирательных прав, обязать фракции советских органов немедленно исправить допущенные ошибки и перегибы в отношении казака при лишении избирательных прав.

6. Предложить всем парторганизациям усилить работу по вербовке в ряды партии лучшей части колхозников из батрацко-бедняцких слоев казачества, как прошедших ряды Красной ар-

мии, так и не красноармейцев, на деле доказавших в годы социалистического строительства свою преданность коммунистической партии и советской власти.

В целях наиболее широкого вовлечения батрацкой, бедняцкой и середняцкой казачьей молодежи в ряды ВЛКСМ, всемерно усилить работу и влияние ВЛКСМ на беспартийную часть молодого казачества, подготовляя из них новые кадры для общественно-политической и хозяйственной работы в станицах.

7. Предложить всем парторганизациям края особо заострить свое внимание на максимальном усилении работы среди женщин-казачек, принимая все меры к наибольшему их вовлечению во все звенья советской, кооперативной и общественной работы.

При этом особое внимание уделить вовлечению женщин-казачек в хозяйственную работу колхозов и кооперации, добиваясь широкого осуществления апрельских директив крайкома по работе среди женщин.

8.* Поручить оргинструкторскому отделу крайкома установить периодическую информационную отчетность окружкомов о выполнении настоящего решения.

Предложить фракции крайисполкома на основе настоящего решения дать соответствующие директивы по советской линии, возложив на орготдел руководство и контроль за их выполнением.

* Пункт 8 данного постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в газете «Молот» за 27 апреля 1930 г. опубликован не был.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Приложение 3

Инструктивное письмо первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева районному руководству о действиях в связи с предстоящей операцией по выселению «кулаков»[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! **СТРОГО СЕКРЕТНО**

Всесоюзная Коммунистическая Партия (б).
С е в е р о – К а в к а з с к и й К р а е в о й К о м и т е т .
г. Ростов на Дону, ул. Фр. Энгельса 57.

№ 301 / 14 / сс **18 января 1931 г.**

_____Райкому ВКП-б.

В целях очищения приморско-плавневой и лесогорной полосы Кубани и Черноморья от кулацко и некоторой части активно контр-революционного элемента, будет проведено выселение 9.000 хозяйств и вселения на их место лучшей части колхозов* и бывших красных партизан из районов быв.[ших] Сальского и Ставропольского округов.

Выселению подлежат хозяйства раскулаченных кулаков, довыявленного кулацкого элемента, активных контр-революционеров из числа бывших б[елых]/офицеров, реэммигрантов, атаманов, членов военно-полевых судов, активных карателей и бандитов, полицейских, помещиков, б[ывших]/крупных торговцев и семьи осужденных за к.[онтр]-р.[революционную] работу кулаков, если в их составе имеются трудоспособные члены.

Необходимо соблюдать строго-классовый подход при отборе хозяйств, подлежащих выселению и в особенности необходимо

[1] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1074, л. 23 – 25.

* Так в документе. Очевидно, следует читать: «лучшей части колхозников».

осторожное отношение к казаку-середняку, бывшему рядовому участнику белого движения.

С особой тщательностью нужно добиться полной очистки этих районов от кулацко-белогвардейского элемента из так называемого иногороднего населения, что особенно важно в связи с наличием попыток со стороны классово-враждебных элементов истолковать лозунг партии о ликвидации кулачества, как «ликвидации казачества», и мероприятия по выселению кулачества, как меру расказачивания.

Для политического руководства выселением и развертыванием организационно-массовой работы с населением в районах должны быть выездные тройки под председательством секретарей Райкомов, в составе Пред.[седателей] РИКов и представителей ГПУ, на которые ложится вся ответственность за политическое состояние районов в момент выселения.

За 10 – 15 дней до выселения – эти тройки должны развернуть массовую работу в колхозных [массах] и среди бедняцко-середняцких масс за выселение, при чем до этого момента необходимо сохранить в полной конспирации предстоящее выселение.

Списки намеченных к выселению (составляются ГПУ) должны быть тщательно обсуждены и проверены на собраниях колхозных бригад, собраниях колхозного, советского актива, группах бедноты и расширенных пленумах сель.[ских и] стан.[ичных] советов, с участием колхозного и бедняцко-середняцкого актива. Вся работа со списками должна быть проведена так, чтобы списки выселяемых выдвигались по инициативе бедняков и колхозников.

Особое внимание райпарторганизации должны уделить привлечению к обсуждению списков массы казаков-колхозников, бедняков и середняков. Окончательное утверждение списков возлагается на РИКи.

Развертывание организационно-массовой работы вокруг выселения должно способствовать закреплению и расширению успехов в деле коллективизации и очищению колхозов от кулацких

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

элементов (как в настоящем, так и перед вступлением в колхоз), при чем выявление и исключение последних из колхозов должно быть произведено до развертывания массовой работы и закончено к 1 февраля с.[его] г.[ода].

Исходя из экономической целесообразности, вытекающей из различия хозяйственных направлений и структуры хозяйства[,] между районами выселения и расселения на основе особых положений будет произведен между выселяемыми хозяйствами и переселяющимися колхозами Ставрополья и Сальска обмен усадьбами, сель.[ско]хоз.[яйственным] инвентарем, скотом и т. д.

Выселение кулацких и активно контр-революционных элементов [казачьих и крестьянских] хозяйств должно быть закончено к началу весеннего сева, во всяком случае не позднее первого апреля и проведено с расчетом быстрого освоения ими новых мест поселения.

Райпарторганизации должны обеспечить сохранение за кулацкими хозяйствами нормы имущества установленные КИКом для 3-й категории из их имущества и т. д. По линии колхозной системы, Райкомы должны обеспечить выделение вычищенным кулацким хозяйствам, из внесенного ими пая полной нормы имущества, установленной Крайисполкомом для кулаков 3-й категории.

Имея в виду, что выселяться будут не только кулацкие хозяйства, но и некоторая часть активно контр-революционного элемента различных социальных прослоек, Краевой Комитет предупреждает райпарторганизации о недопустимости производства отчуждения имущества у выселяемых хозяйств не кулацкого типа, причем ввиду транспортных затруднений часть средств производства будет оставаться на месте выселения с компенсацией по месту переселения (см. инструкцию по линии ГПУ). Имущество выселяемых не кулацких хозяйств должно быть полностью оставлено в распоряжении этих хозяйств.

Особо важной задачей является быстрое расселение переселяющихся из Ставрополья и из Сальска колхозов и колхозников и

создания для них всех возможностей в новых хозяйственных условиях освоить весеннюю посевную кампанию (землеустройство, снабжение инвентарем, тяглом и т. д.). Райколхозсоюзы должны обеспечить переселяющимся колхозам повседневную организационную помощь. В особенности это необходимо для колхозов, переходящих на трудоемкие формы ведения своего хозяйства (садоводство, виноградарство, табаководство и т. д.), чтобы избежать допущенных осенью 1930 г. ошибок при расселении колхозов и единоличников Дивенского района, что повлекло за собой отрицательное отношение их к переселению, вплоть до возвращения обратно к месту жительства.

Подробные указания и инструкции по выселению – будут разосланы по линии РИКов и органов ОГПУ, которые Вас с ними ознакомят. Районы должны принять меры, чтобы переселение ни в коем случае не отразилось на посевной кампании и выполнении посевных планов. Поэтому необходимо разработать на месте ряд мер страхующих от недосева в случаях запоздания переселения или др.[угих] непредвиденных трудностей, связанных с переселением.

О ходе подготовительной работы и организационно-массовой работы с населением – информируйте Крайком – 1-го февраля, 15 февраля и 1 марта с.[его] г.[ода].

Секретарь
Северо-Кавказского [К]райкома ВКП-б
(Б. Шеболдаев).

26-мр.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Приложение 4

Статья первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева «Казачество в колхозах»[1]

Острота революционной борьбы, особые трудности коллективизации в деревне Азово-Черноморского края связаны в значительной мере с тем, что около половины всего сельского населения бывшей Кубанской и Донской областей (ныне основные массивы края) составляло казачество.

Сплоченное особыми чертами хозяйства и быта, спаянное особым административным и военным строем, казачество не только до революции, но и во время гражданской войны было главным орудием реакции, массовой базой контрреволюции. Деникинская армия «единой неделимой России» нашла свой приют и опору на Дону и Кубани. После ее разгрома, около ста тысяч казаков – донцов и кубанцев – ушло в эмиграцию.

В казачьих районах (Хоперский округ, Кубань, Дон), где классовая борьба в деревне была особенно ожесточенной, где раньше всего бурно развернулась коллективизация, саботаж в колхозах приобрел наибольший размах и остроту в 1932 году.

Неопровержимо доказано, что по прямым указаниям контрреволюционных центров из-за границы, верхушка станицы – белогвардейцы, атаманы, кулаки – вошла в колхозы с целью разложить их изнутри, подготовить восстания и организовать голод, то есть в тех целях, про которые писал товарищ Сталин в 1918 г. Ленину: «Казаки приходят к Миронову для того, чтобы, получив оружие, на месте же познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки» («Правда» от 3 января 1935 года).

Ошибка краевого руководства в том и заключалась, что оно не понимало всей остроты борьбы, не понимало маневров врага.

[1] Правда. 1935. 5 декабря; Колхозный путь. 1935. № 11. С. 3 – 7. Текст печатается в соответствии с вариантом, изложенным в журнале «Колхозный путь».

Увлеченное социалистической формой колхоза, оно позволило врагу – белогвардейцам, атаманам, кулакам – занять командные посты в колхозах, допустило, чтобы кулацкое охвостье повело за собой значительную массу колхозников.

Срыв сева, уборки, уничтожение тягла, расхищение хлеба и семян привели к упадку колхозов и полному запустению полей. За один 1932 – 33 год посевные площади по краю сократились свыше, чем на 1 миллион гектаров. Урожай достиг катастрофически низкого уровня. Сила и организованность саботажа были так велики, что в ряде станиц колхозы находились под непосредственной угрозой развала. Трудно сейчас поверить, что весной 1933 года во многих станицах колхозный актив, во главе с политотдельцами, перенес на себе за десятки километров в распутицу миллионы пудов семенной ссуды, так как большинство тягла погибло, а остальное не было в состоянии работать. Озлобленность врага доходила до того, что отдельные матерые кулаки из казачества, скрывая от хлебозаготовок в ямах тысячи пудов хлеба, доводили себя и собственных детей до голодной смерти.

Нельзя сейчас представить себе ту мерзость и запустение, которые царили в то время в станицах, поставленных кулацким саботажем на грань голода.

Положение резко изменилось только тогда, когда тов. **Сталин** разъяснил, что в основе событий, происходивших в колхозах Кубани, лежит «саботаж, организованный кулачеством», когда ЦК партии командировал на Кубань тов. Кагановича, когда были созданы политотделы. После разгрома саботажа, высылки кулаков и белогвардейцев, потребовалось два года на большевистское укрепление колхозов, чтобы полностью преодолеть упадок и покончить с отставанием сельского хозяйства. Более того, несомненно, что колхозы Кубани и Дон выходят сейчас в передовые в сравнении с колхозами других районов страны.

В августе первыми после Крыма колхозы и совхозы края выполнили план хлебосдачи, перевыполнив его на 12 миллионов

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

пудов (всего заготовлено 111,5 млн. пудов). Сверх того, колхозы уже продали кооперации 8 млн. пудов. Значительно перевыполнены планы по техническим культурам (хлопок, свекла, рис и т. д.) и продуктам животноводства.

Каждый списочный комбайн МТС в среднем по краю убрал 359 га, – больше, чем в любом другом районе страны. Каждый списочный трактор МТС в среднем вспахал около 570 га, в то время, как средняя выработка по Союзу – 403 га. Только в одной Татарии достигнута большая выработка на трактор.

В нынешнем году поднято 1 млн. га паров вместо 200 тысяч га в 1933 году, зяби – соответственно 4 миллиона га, вместо 500 тысяч га. Другими словами, все основные культуры ярового клина обеспечены зябью. Впервые проведена лущевка стерни на 1.700 тысячах га. Для обеспечения высокого и устойчивого урожая сейчас сделано больше, чем когда бы то ни было раньше.

Общее поголовье скота за последние 2 года увеличилось на 50 проц.[ентов.] Особенно велики темпы роста поголовья свиней и крупного рогатого скота.

Вместо 150 трудодней, выработанных в среднем на колхозника в 1932 году, сейчас выработано свыше 250.

Меньше, много меньше стало поэтому отстающих колхозов, бригад и засоренных полей и скоро их не будет вовсе.

Даже в мало благоприятных условиях засушливых 1934 и 1935 г.г. колхозы сумели добиться такой урожайности хлебов и других культур, которая выше среднего довоенного уровня (8,1 центнера с га зерновых, свеклы – 150 центнеров, хлопка суходольного – 3,2 центнера и т. д.).

Поэтому и трудодень колхозника стал весить и стоить примерно в два раза больше. Вместо 1 – 2 килограммов в прошлые годы, [теперь трудодень составляет] – 4 килограмма в среднем по краю и 8 – 10 – 20 килограммов в передовых колхозах, причем не кукурузой и ячменем, как раньше, а настоящей кубанской и донской пшеницей. Этого еще недостаточно, но, во всяком случае,

сейчас колхозники уже обеспечены своим хлебом для личных нужд и колхозной торговли.

Эти успехи нельзя считать временными или случайными. Они – непосредственный результат коренного оздоровления и настоящего большевистского роста всего колхозного хозяйства.

Так понимаем мы следующую телеграмму тов. **Сталина**:

«Шеболдаеву, Ларину.

Получил вашу записку насчет хлебозаготовок. Поздравляю с успехом. Как обстоят у вас дела в районах Сала и Егорлыка?

СТАЛИН».

31 августа 1935 года.

Эта телеграмма подвела черту под целым пройденным этапом нашей работы. Она является важнейшим доказательством для нашей партийной организации, свидетельствующим о том, что прошлые ошибки и недостатки исправлены и главные трудности преодолены.

Телеграммы тт. Кагановича, Микояна, Молотова, Орджоникидзе свидетельствуют о том огромном внимании, с которым следит Центральный Комитет нашей партии не только за трудностями, но и за успехами колхозов Азово-Черноморского края. Приводим эти телеграммы:

«Шеболдаеву.

Поздравляем Вас, партийный и колхозный актив Азово-Черноморского края с досрочным выполнением годового плана хлебосдачи. Ваша победа особенно дорога, интересна и знаменательна, если вспомнить тяжелые 1932 – 1933 годы, когда кулацкий саботаж остро ощущался в колхозах Дона и Кубани. Нам, бывшим у вас в эти годы, особенно понятна та огромная работа, которая проделана под руководством великого Сталина партийными и непартийными большевиками Азово-Черноморского края по слому кулацкого саботажа и утверждению окончательной победы колхозного строя на Кубани и Донщине. Уверены, что, идя и дальше по сталинскому пути, большевики и колхозники Азово-Черноморья обеспечат

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

еще большие победы социалистического сельского хозяйства и расцвет зажиточной и культурной большевистской колхозной жизни.

С горячим коммунистическим приветом.

Л. КАГАНОВИЧ, А. МИКОЯН».

«Шеболдаеву, Ларину.

Горячо приветствую вас и весь партийный, советский и колхозный актив края с досрочным выполнением и перевыполнением государственных заданий по хлебу. Ваши победы не только показатель решающего перелома в подъеме края, но и свидетельство мощного роста колхозного строя в нашей стране, сокрушающего на своем славном пути все и всякие попытки сопротивления классового врага.

В. МОЛОТОВ».

«Шеболдаеву.

Поздравляю с успешным окончанием хлебозаготовок.

Привет.

ОРДЖОНИКИДЗЕ».

Эти телеграммы вождя партии тов. Сталина и его ближайших соратников воодушевляют рабочих, колхозников и партийную организацию Азово-Черноморья на еще большее усиление борьбы за большевистское укрепление колхозов и быстрейший расцвет зажиточной колхозной жизни. С чувством законной гордости, без тени самоуспокоения и зазнайства партийная организация будет и в дальнейшем упорно работать над этой задачей, сознавая огромную ответственность, которую налагает на нее доверие партии.

Успехи колхозов в казачьих станицах Кубани и Дона означают окончательную победу колхозного строя на последнем и самом трудном участке. Огромное значение этого понятно даже буржуазному корреспонденту Дюранти, который свою статью («Нью-Йорк таймс» от 1 сентября 1935 года) об успехах колхозов Азово-Черноморском крае заключает следующими словами:

«На Северном Кавказе **(Азово-Черноморский край – Б.Ш.),** где индивидуалистические настроения особенно сильны, сопротивление аграрной реформе было особенно ярко выражено. Тем не менее, реформа там победила окончательно – и это самое важное известие, какое вообще могло бы исходить из СССР.

…Это означает, что Кремль доказал и провел в жизнь свой тезис, что колхозная система плюс тракторы и комбайны дают результат скорее, легче и, вообще говоря, лучше, чем старая индивидуальная система мелких владений».

Это значит, скажем мы, что казачество, имевшее в прошлом ряд привилегий, владевшее до революции на Дону и Кубани 93 проц.[ентами] всей земли. Всеми рыбными и лесными угодиями, на практике убедилось в преимуществах колхозов над старым средневековым порядком и окончательно стало на путь нового строя. В основной массе казачества произошел коренной перелом. Именно поэтому так мрачно и безнадежно настроена белогвардейская казачья эмиграция за рубежом. Она отлично понимает, что колхозы Кубани и Дона не могли бы иметь нынешних успехов, если бы нынешнее казачество попрежнему сопротивлялось бы или не поддерживало бы колхозы. **Это означает окончательный крах их контрреволюционных надежд.**

Работа трактора, комбайна, подъем колхозного хозяйства, честно заработанные 5 – 10 килограммов на трудодень в колхозах Вешенского, Морозовского, Пластуновского, Кореновского, Славянского и многих других районов убедительнее сейчас для среднего казака, чем худосочные царские привилегии в прошлом. Этот коренной перелом совершенно нагляден даже в бывших центрах активной борьбы против колхозов (в станицах Полтавской, Уманской, Урупской, Казанской и других), подвергавшихся в свое время наиболее суровым репрессиям за саботаж, а ныне работающих в качестве образцов для всего края.

Сотни и тысячи лучших людей: сталинских председателей колхозов, бригадиров, комбайнеров, трактористов, животноводов, – выдвинулись из казачества. Таких людей, как комбайнер-

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ка-казачка Кофанова, убравшая своим комбайном 606 гектаров, с которой недавно беседовал тов. **Сталин;** казак-тракторист Февралев (около 1.500 гектаров пахоты); казак-сталинец полеводческой бригады Горбанев; председатель колхоза Кондра и многие другие, знает весь край.

Но старые представления живучи. Нередко даже сейчас можно встретить огульное недоверие к казакам, связанное с воспоминаниями о прошлой борьбе, с непониманием того пути, который проделало казачество за годы революции и коллективизации. Отчасти эти взгляды питаются вредными ошибками ряда «историков» (Борисенко, Янчевский и другие), пытающихся изобразить весь ход гражданской войны в Азово-Черноморском крае, как борьбу **всех** так называемых «иногородних» против **всего**, якобы, единого в своей контрреволюционности казачества. Такое «упрощенчество» переходит в прямое извращение фактов, в извращение ленинского понимания борьбы в деревне.

Было бы совершенно неправильно считать, что до революции классовое расслоение не коснулось станиц, что внутри казачества не было борьбы против офицерско-кулацкой верхушки, не было характерных для середняка колебаний в основной массе казачества.

Верно, что верхушка казачества – генералы-помещики Краснов, Каледин и другие, купцы Парамоновы, Филимоновы, свора атаманов и непомерно большая кулацкая прослойка – крепко держала в своих лапах среднее казачество. Верно, что иногороднее крестьянство, составляющее больше половины населения, владевшее на Кубани только 2,3 проц.[ентами], а на Дону 10 проц.[ентами] земли, поставлявшее наемные руки, явилось в своей массе самой революционной частью деревни, давшей основные кадры Красной армии и партизанским отрядам.

Но несомненно и другое. Сейчас казачьи и иногородняя верхушки, совместно ожесточенно боровшиеся против революции и колхозов, основательно разгромленные, потеряли свое значение. Среднее казачество[,] и раньше дававшее ряд примеров револю-

ционных массовых выступлений (Каменский ревком), выдвинувшее героев-большевиков Подтелкова и Кривошлыкова, давшее в свое время не мало бойцов в Первую конную армию, сейчас окончательно и прочно стало на колхозный путь, по-настоящему взялось за работу.

Советская власть и колхозный строй, которые до конца уничтожили «власть земли» над крестьянином, полностью уничтожили всякие привилегии и всякую возможность эксплоатации в деревне, покончили навсегда с прошлым казачества. Позорный путь от вольного казачества, давшего истории героев крестьянской революции Разина и Пугачева, к роли цепных псов самодержавия и оплота контрреволюции закончен навсегда. На перепаханной революцией земле выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли и надежды – в будущем.

Сейчас перед трудовым казачеством развернулась широкая дорога колхозной зажиточной жизни, путь чести и славы на поле труда и в деле защиты нашей великой родины. Нет ничего несбыточного в том, чтобы лучшие черты казачества, – железную дисциплину, отвагу и упорство, преданность делу, – направить на укрепление колхозного строя, на защиту нашей родины.

Каждый, ныне носящий высокое звание колхозника, имеет полную возможность работать в любой отрасли, на любом посту, причем труд стал делом доблести и чести.

Конечно, всякому, кто попытается обмануть доверие советской власти и партии, то посягнет на государство и колхозы, будет, как и раньше, дан уничтожающий отпор. Бдительность против контрреволюционных остатков, забившихся в щели, не должна и не может быть ослаблена.

Борьба закалила партийную организацию края, воспитала кадры. В борьбе с саботажем, как нигде, по-большевистски окрепли колхозы, как нигде оснащены колхозы и совхозы высокой техникой, как нигде богаты южные районы Кубани и Дона. Много сил и надежд у трудящейся массы колхозников.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Наши первые успехи, великий стахановский подъем среди рабочих и колхозников позволяют нам поставить перед собой задачи:

завоевать славу самых передовых работников сельского хозяйства;

удвоить в ближайшее время урожайность наших полей и продуктивность животноводства;

стать самым богатым и культурным краем самой богатой и культурной страны;

превратить Азово-Черноморье в незыблемую крепость нашей великой родины.

(«Правда», 5 декабря 1935 г.).

Приложение 5

Передовая статья «Советские казаки» в газете «Правда» от 18 февраля 1936 г.[1]

Одной из замечательных побед социализма является то, что основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа.

Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству. Казачеству, трудящемуся на колхозной земле и добывающему, благодаря колхозам, зажиточную и культурную жизнь, незачем оглядываться назад. Оно решительно и твердо стало под красное знамя социализма и под этим знаменем, рука об руку с рабочим классом и всем колхозным крестьянством, строит социалистическое общество.

Упорная и длительная борьба за руководство основной массой казачьего населения, которая велась между большевистской партией и советской властью, с одной стороны, и офицерско-кулацкими верхами казачества – с другой, именно потому привела к победе большевиков, что казачество нашло в них подлинных выразителей своих кровных интересов и на практике убедилось в преимуществе колхозов над старым, средневековым, станичным порядком.

Как ни велико было раньше влияние на казачество его офицерско-кулацкой верхушки, как ни крепки были кастовые и сословные традиции, все же в классовом отношении казачество не было однородным. Львиную долю привилегий, получавшихся казачеством от царского правительства, узурпировала офицерско-кулацкая верхушка, которая, нещадно эксплоатируя пришлое,

[1] Правда. 1936. 18 февраля; Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 30 – 35. Текст печатается в соответствии с вариантом, изложенным в сборнике «Казачество под большевистским знаменем».

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

иногороднее население казачьих районов, не гнушалась и наживой за счет маломощного и среднего казачества.

История гражданской войны знает не только казачью контрреволюцию, но и примеры революционных выступлений среднего казачества, образцы борьбы за советскую власть революционных казаков в рядах Первой конной армии.

Офицерско-кулацкая верхушка, со звериной ненавистью боровшаяся против советской власти, против колхозов, пускавшая в ход все средства борьбы, какие только могла изобрести изощренная в ремесле душителей революции кровавая свора опричников царизма, – разгромлена и потеряла влияние. Казачество заняло свое место в рядах революционного народа, строящего социалистическую жизнь.

Казацкая вольница, состоявшая когда-то из бунтарских элементов, выдвинувшая таких вожаков крестьянского восстания против царского и крепостного гнета, как Степан Разин и Емельян Пугачев, в последующем была приручена царями, превращена в опору престола, в орудие реакции.

При советской власти, при наличии колхозов, после разгрома офицерско-кулацкой верхушки, после ликвидации всякой возможности эксплоатации в деревне, казачество, покончившее с позорной ролью прислужника монархии, орудия эксплоататоров, стало отрядом революционных сил, активным участником общего дела советского народа.

Вот почему выступление представителей донских и терских казаков перед руководителями партии и правительства, перед съездом передовых колхозников, стахановцев животноводства имеет большое политическое значение.

Представители донского и терского казачества, казаки-колхозники, каких на Дону, Тереке, Кубани и в других казачьих районах теперь тысячи и десятки тысяч, пришли в Кремль и поднялись на кремлевскую трибуну, приветствуемые восторженной овацией многотысячного собрания представителей народов всего

Советского Союза. Весь съезд, во главе со Сталиным, с руководителями партии и правительства, приветствовал посланцев казачества и с величайшим вниманием и громадным воодушевлением выслушал их речи.

А их речи были о том, что уже нет больше ни на Дону, ни на Кубани, ни на Тереке генералов, офицеров и кулаков, которые цепко держали в своих лапах трудовое казачество.

Их речи были о том, что на перепаханной революцией донской, кубанской и терской земле выросли люди, которые навсегда связали свою судьбу с советской властью и с большевиками.

Их речи были о том, что советское казачество, как и весь советский народ, ныне объединено и сплочено вокруг советской власти, вокруг большевистской партии, вокруг великого и любимого вождя товарища Сталина.

Их речи были о том, что советское казачество полно чувства советского патриотизма и любви к родине, за честь и интересы которой оно готово вступить в бой с любыми врагами.

« – Если враг сунется, донские колхозные казаки готовы грудью драться за свою советскую родину. Казацкой шашкой мы начисто снесем свиное рыло, которое сунется в наш советский огород.

– Мы учим нашу молодежь владеть конем и шашкой для того, чтобы, когда враг нападет на нашу страну, суметь ответить, как подобает донским казакам.

– Товарищ Сталин обратил внимание на работу донских казаков. Наш колхозный горячий привет товарищу Сталину!

– Ура нашей доблестной Красной армии! Да здравствует железный нарком обороны товарищ Ворошилов, да здравствует товарищ Буденный, под руководством которых мы будем крошить врагов!»

Так говорят представители казачества.

Каждый из них поднимается в президиум. Сталин встречает каждого, крепко жмет руку. В эти минуты в зале бушует буря аплодисментов и приветственных криков.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Весть о выступлении донских и терских казаков в Кремле разнесется по всей советской земле, и всюду будут с воодушевлением встречены их слова о преданности казачества интересам советской родины. Весть о горячем приеме в Кремле донских и терских казаков, о встрече их с товарищем Сталиным разнесется по всему Дону, по всему Тереку, по всей Кубани, по всем казачьим районам и вызовет новый подъем активности советского казачества в борьбе за укрепление колхозов, новый подъем советского патриотизма среди казачьего населения.

Перед колхозным казачеством открыта широкая дорога к зажиточной и культурной жизни, без генералов и кулаков, без эксплоатации и насилий. Перед колхозным казачеством открыт, по выражению его представителей, путь чести и славы на поле труда и в деле обороны нашей великой родины. Лучшие черты казачества – способность к железной дисциплине, отвага и упорство, беззаветная самоотверженность в служении своей цели – могут и должны быть направлены на дело дальнейшего укрепления колхозов, на дело окончательного преодоления враждебных влияний, на дело превращения казачьего населения в могучий резерв рабоче-крестьянской Красной армии.

Необходимо воспитывать, укреплять и культивировать все эти черты среди широких масс советского казачества и прежде всего среди казачьей молодежи. Самое слово – казак – из синонима реакции, каким оно было раньше, становится синонимом упорного и честного колхозного труда и беззаветной преданности интересам социалистического отечества. Звание казака не является званием, которого чураются, его с гордостью носят казаки-колхозники. И не может быть сомнения в том, что советское казачество, вставшее на путь колхозов и показывающее образцы колхозного труда, покажет образцы героизма и отваги на полях сражений, в рядах рабоче-крестьянской Красной армии, если враги нападут на нашу родину. В разгроме вражеских армий острой казачьей шашке да меткой казачьей пуле найдется работа.

Приложение 6

Письмо секретаря Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В.М. Лукина первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву (28 марта 1936 г.)[1]

Борис Петрович!

Прошу прощенья, закрутился, не мог своевременно информировать Вас о работе, которую мы развернули, в связи с исключительно теплым приемом тов. СТАЛИНЫМ нашей делегации на Всесоюзном совещании животноводства и тех настроениях казачества, явившихся ответом на это и статьи в «Правде» о советском казачестве.

История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов и отправить мы могли из подготовленных 12 чел. лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, люди которые смогли не плохо выступить.

Награждение заочно орденом ЛЕНИНА 4-х казаков[-]колхозников: БАБКИНА, ТОПИЛИНА И ЗЕЛЕНКОВА из Вешенского района, МАНОХИНА из «Донского Скакуна» Тарасовского района, прошло по специальному моему ходатайству перед ЦК. Все необходимые исчерпывающие материалы мы сумели представить в Москву еще до заседания Президиума ЦИК.

День годовщины Красной Армии – 23 февраля мы целиком использовали на разворот массовой политической работы среди казачества. Для этой цели я выезжал в Вешенский район и проводил большие районные собрания в Вешках, Казанке, Базках, где в среднем, на каждом собрании, присутствовало от 700 до 900 человек, при чем кроме этого, от 150 до 200 всадников[-]колхоз-

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58 – 61.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ников, главным образом, Ворошиловских кавалеристов. Собрания прошли с исключительным подъемом, выступали в прениях много казаков, среди них были очень интересные выступления, особенно служивших в белой армии, а в последующем перешедших к Буденному, которые не только каялись в своих грехах, но и фактами разоблачали себя и других в период борьбы с Советской властью. Из личных наблюдений, бесед, выступлений ясно одно – исключительно приподнятое настроение и [казаки] рассматривают это событие, как крупнейший поворот в жизни казачества. Характерно настроение, «что казаков признала Советская власть» и это является нечто вроде «манифеста», что теперь стали полноправные казаки и т. д. Это настроение подавляющей массы казачества. Праздник прошел в торжествах, играх, плясках, пениях, включительно до пожилых казаков.

Однако имеется ряд казаков, в большей своей части, пожилых, которые воздерживались от высказывания своих настроений – они заявляют, что эти события не иначе как связаны с ближайшей войной, что видимо казаки потребуются и проч.

Интересно следующее – на районные собрания подавляющее большинство казаков, не говоря уже о всадниках, явились в казачьей форме, при чем, многие были совершенно в новой форме, другие за ночь попришивали лампасы, достали где-то фуражки с красным околышем, не исключая и стариков. Нечего говорить, это, в свою очередь, создало различные толки и разговоры среди населения вроде того что «теперь поглядели на настоящих казаков, которых не видели с революции».

На районном собрании в Вешках приняли письмо тов. СТАЛИНУ, Вы уже с ним знакомы. Что касается других писем, которые приняты на собраниях в Базках, Казанке, Глубокой и т. д., мы их в печать не пустили, имея ввиду в ближайшие дни дать письмо тов. СТАЛИНУ от всего казачества Округа. Это письмо сегодня будет в черновике написано, где мы имеем ввиду дать хозяйственный обзор жизни колхозов, совхозов и готовность

казачества быть резервом Красной Армии. М. ШОЛОХОВ изъявил согласие принять участие в составлении этого письма. Окончательно письмо будет готово через 2 – 3 дня, которое я немедленно вышлю Вам на просмотр. Если Вы одобрите, мы его немедленно пустим на подпись всех колхозников Округа. К этому в районах уже приготовлены.

В округе находится у нас целый ряд представителей центральных газет: 3 чел. из «Правды», 2 чел. из «Известий», 1 чел. из Союзкинохроника, 3 чел. [из газеты] «Молот» и т. д., которые разбиты по наиболее интересным районам и колхозам, главным образом, коневодческим.

Подготавливаем большую встречу делегатов совещания, наших казаков. Начинаем это дело с Миллерово, где, на специальном собрании окружающих станиц орденоносцы примут на себя обязательства на 1936 год по животноводству, в частности, по лошади и развернем большую работу среди работников животноводства колхозов по принятию на себя этих же рекордных обязательств.

5-го марта отправляем 60 чел., персонально отобранных казаков-колхозников, среди них 11 чел. казачек, в Москву на просмотр оперы «Тихий Дон» ШОЛОХОВА. Организационно всю подготовку провели. Было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников Крайкома ВКП(б), или, в крайнем случае, Крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют ввиду по-настоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и «бюджет» не выдержит.

4-го марта начинаем поход 100 всадников кавалеристов[-]казаков в Ростов к Краевой конференции Комсомола, которые по маршрутам до Ростова будут проводить работу по воспроизводству и выращиванию донской лошади.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Разработали ряд мероприятий по укреплению коневодческих ферм в колхозах и воспроизводству молодняка, в частности, имеем в виду до 15 марта, в соответствии с утвержденным Крайкомом ВКП(б) планом животноводства на 1936 год, провести широкие животноводческие конференции в районах.

Не плохо разворачивается движение молодых Ворошиловских кавалеристов, однако, имеющаяся организационная неясность начинает сильно тормозить работу. Прошу помочь нам в ускорении разработки устава правления клуба Ворошиловских кавалеристов, порядок оформления членства и т. д.

Прошу Вашего совета – на лицо большое стремление у казаков, особенно молодежи, участников [движения] Ворошиловских кавалеристов, иметь шашки и клинки. Дело серьезное, следует-ли итти на их взыскания; что делать с формой, я уже выше говорил об огромном движении за ношение формы, при чем, натягивают на себя форму старого казаческого образца. Может случиться, что в Москве или других крупных городах рабочие, по старой памяти, эту форму могут снять.

Во всяком случае, эти вопросы назревшие и их надо решать. Прошу Вас помочь нам в этом.

ЛУКИН

28 / II – 36 г.

Приложение 7

Постановление
бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б)
«О передовой [статье] «Правды» от 18 февраля [1936 г.]
«Советские казаки»[1]

1. Предложить всем РК партии организовать в колхозах по бригадам, избам-читальням, колхозным клубам и красным уголкам читку передовой «Правды» от 18 февраля «Советские казаки» и брошюры т. Шеболдаева «Казачество в колхозах» и проведение бесед на основе этого материала, выделив в качестве чтецов и беседчиков в помощь первичным организациям колхозов членов бюро райкомов.

2. В течение ближайшей пятидневки провести по всем колхозам специальные политдни на тему «Советские казаки», использовав в качестве материала для докладчиков указанный выше материал, речь казака Скылкова Фрола Максимовича на совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства, письмо казаков-колхозников Вешенского района т. Сталину («Правда», «Известия» от 24-2).

3. Всю массово-разъяснительную работу по этому вопросу связать с задачами подготовки и проведения весеннего сева, с борьбой за удвоение урожайности, за подъем животноводства, с мероприятиями по укреплению обороны страны, развитию организации ворошиловских кавалеристов и пр.

4. Об итогах проведения политдня и всех проводимых практических мероприятиях, в связи с передовой «Правды», «Советские казаки», прислать в Крайком специальную информацию к 10 марта с.[его] г.[ода]

[1] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 251, л. 44об.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Приложение 8

Постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» от 20 апреля 1936 г.[1]

Учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества, наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны страны, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кроме лишенных прав по суду.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин.
И.о. Секретаря ЦИК Союза ССР И. Уншлихт.

Москва, Кремль. 20 апреля 1936 г.

[1] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 22. С. 237.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Скорик Александр Павлович (1959 г.р.), историк, философ, правовед. Доктор философских наук (2002). Кандидат исторических наук (1989). Доцент по кафедре истории (1991). Профессор по кафедре истории Отечества и кавказоведения (2003). Специалист в области истории донского казачества. Ныне – заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института).

Сфера основных научных интересов: философия истории; философия права; муниципальное право; отечественная и всемирная история; социология и политология; культурология; гуманизация высшего образования; история и культура донского казачества; интеллектуальные смыслы современной информатики. Автор свыше 400 научных публикаций.

Научное издание

Скорик Александр Павлович

Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории

Приложение к «Южно-Российскому обозрению
Центра системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН»

Технический редактор *О.В. Романова*

**Издательство Северо-Кавказского научного центра
высшей школы ЮФУ
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 208
Тел.: (8-863) 264-34-66**

Сдано в набор 23.05.2008. Подписано в печать 28.06.2008 г.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 16,79. Тираж 500 экз. Заказ № 1289.

Издательство Южно-Российского государственного технического университета
Адрес ун-та и Издательства:
346428, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com